

ВЪСТАВЛЕНІЕ ЕВРОПЫ

Сентябрь и Октябрь.

Клопштокъ.

МОСКВА

1808.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ

ЧАСТЬ ХІ.

МОСКВА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1808.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ, 1808.

№ 17.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

РАЗГОВОРЪ

между Улиссомъ и Цирцеею, на островѣ сестры богини.

Цирцея. И такъ, Улиссъ, ты хочешь удалиться! Какая шому причина? Открой мнѣ свои мысли; говори чистосердечно. Скажи, что принуждаетъ тебя разстаться со мною?

Улиссъ. Богиня! прости слабой природѣ человеческой. Сердце мое поскуеетъ по отчизнѣ. Нѣжная любовь къ ней столь сильна, что ни самая привязанность моя къ тебѣ одолѣтъ ее не можетъ.

Цирцея. Это еще не все. Я вижу, ты боишься открытъ мнѣ свое сердце: но чего тебѣ спрашишься? Теперь уже я не страшна. Самая гордая изъ богинь зем-

ныхъ , явивъ смертному знаки благосклонности , какіе ты получишь отъ меня удостоился , слагаетъ съ себя санъ боже-скій и свое могущество.

Улиссъ. Быть можетъ , когда въ сердцѣ ея господствуетъ нѣжная любовь , или робкая стыдливость . Но ты , богиня , симъ слабостямъ человѣческимъ не подвержена.

Цирцея. Понимаю оспорожность , свойственную своему нраву . Желая истребишь въ тебѣ всю недовѣрчивость , клянуся Спиксомъ , что не только не буду вредишь ни тебѣ , ни друзьямъ своимъ , какія бы слова отъ тебя ни услышала , и сколь ни были бы онѣ для меня оскорбительны , но опущу тебя со избявленіемъ всѣхъ знаковъ моей благосклонности . И такъ скажи мнѣ теперь , какими удовольствіями надѣешься наслаждаться въ Иѳакѣ , на безплодномъ островѣ ? Чѣмъ замѣнишь оставляемая всякаго рода утѣхи въ семъ раю , гдѣ жилъ ты , не зная заботъ , въ совершенномъ спокойствіи ?

Улиссъ. Удовольствіями , которыя добродѣтель доставляетъ ; верховнымъ блаженствомъ , какимъ наслаждаются люди , трудящіеся для блага человѣчества . Здѣсь я ничего не дѣлаю : мой умъ осла-

бѣлъ совершенно ; всѣ его способности оцѣпенѣли. Неперпѣливо желаю возвратиться къ прежнимъ трудамъ , и употребить на полезныя дѣла тѣ способности свои и добрыя качества, которыя съ юныхъ лѣтъ образоватъ старался. Труды и заботы не спрашаютъ меня. Они даютъ работу духу моему; они содержатъ его въ бодромъ и крѣпкомъ состоянїи. Опдай мнѣ поля Троянскїя , и возьми обратно сіи прелестныя рощицы: шамъ собиралъ бы я блестящую жатву славы ; здѣсь живу въ совершенной неизвѣстности , и начинаю самому себѣ казаться презрѣннымъ. Образъ прежняго Улисса , на каждомъ шагу являющійся мнѣ , осыпаетъ меня укоризнами ; я вспрѣчаюся съ нимъ въ прохладной тѣни подъ густыми вѣтвями ; онъ дерзновенно представляется мнѣ даже въ самомъ присутствїи своемъ , и съ ругательствомъ влечетъ меня изъ своихъ объятій. Богиня ! ежели не въ твоей власти успокоить мяшущійся духъ мой ; ежели не можешь сдѣлать , чтобы я забылъ самого себя : то никогда въ сихъ мѣстахъ не найду для себя счастья , и день оподня буду злополучнѣе.

Цирцея. А развѣ мужъ честный и благоразумный , употребившій все время юности своей на труды и славные по-

двиги; при наступающихъ позднихъ лѣтахъ не долженъ успокоиться, и въ остатокъ дней своихъ насладиться безмятежнымъ удовольствіемъ?

Улиссъ. Мужъ честный и благоразумный можетъ уклониться отъ трудовъ не иначе, какъ для бесѣдованія съ Музами; здѣсь находясь, я лишенъ сего священнаго общесства. Музы не живутъ въ обиталищѣ снотолубія и чувственныхъ удовольствій. Могу ли здѣсь упражняться, могу ли размышлять, тогда какъ многія живошныя — а живошныя изблюдей превращенныя несноснѣе всѣхъ прочихъ — вокругъ меня воютъ, режутъ и хрюкаютъ?

Цирцея. Отъ части справедливо; но пусть не все еще сказано: ты умолчалъ о самой сильной причинѣ, влекущей тебя въ Итаку. Кромѣ образа прежняго Улисса есть еще другой, который является тебѣ во всѣхъ мѣстахъ сего острова, повсюду тебя преслѣдуетъ, становится между мною и тобою, испоргаетъ тебя избъ моихъ обвѣщій — это Пенелопа; я знаю. Не думай заператься: ты о ней вздыхаешь даже на груди моей. Однакожь она не бессмертная. Она не получила въ удѣлъ себѣ юности неувядаемой, и прелести ея уже давно поблекли. Думаю

безъ щеславія , что она въ красотѣ никогда со мною не равнялась ; чтожь стало теперь съ ея благообразіемъ ?

Улиссъ. Когда я спрашивалъ о Пенелопѣ , ты сама сказывала мнѣ , что она хранила вѣрность супружескую , и что до нынѣ , по двадцатилѣтнемъ отсутствіи , любитъ меня столько же , какъ любила разставаясь со мною . Я оставилъ ее во цвѣтѣ юности и красоты . Чего не испытало посольство ея со дня разлуки ? Какой благодарности не заслуживаетъ такая вѣрность ? Не ужели заплачу ей обманомъ ? Не ужели забуду ту , которая меня забыть не могла , и которой воспоминаніе обо мнѣ всего дороже ?

Цирцея. Любовь ея охранялась всегдашнимъ ожиданіемъ скораго своего прибытія . Опними сію надежду ; пускай спутники возвращаются въ Итаку , и уведомятъ ее , что ты остался жить вѣчно со мною ; пусть скажутъ ей , что она свободна располагать сердцемъ своимъ и рукою ; пошли къ ней лица моего изображеніе ; вели ей сравнить свои прелести съ моими . Ежели послѣ сего не испребишься въ ней оспашокъ спраспи , и ежели черезъ годъ не услышишь о бракѣ ея съ Евримахомъ ; тогда скажу , что о сердце женщины не имѣю ни малѣйшаго понятія .

Улиссъ. Жестокая богиня! почему
 принуждаешь меня опкрыться въ томъ,
 что желалъ бы я ушайтъ отъ тебя на
 вѣки? Когда бы я посредствомъ такой без-
 честной, такой варварской хитрости ли-
 шился ея сердца; тогда мое собственное не-
 премѣнно бы расперзалось. Какъ возмогъ
 бы я перенести муку, чувствуя, что оби-
 дѣлъ такую супругу? Къмъ могъ бы я
 замѣнить любезную Пенелопу? опировенно
 признаюсь — не гнѣвайся, богиня! ты са-
 ма говоришь мнѣ повелѣла — опировенно
 признаюсь, что не побою. Ты гордишься
 бессмертною красою своею; умѣешь вол-
 шебными средствами помогать красоти
 природной: не смотря на то власть Пене-
 лопы сильнѣе. Ты чувствуешь вождѣнїя
 и возбуждаешь ихъ; но никогда любви не
 чувствовала, и вдохнуть ее не можешь.
 Спана ли я любилъ ту, которая же-
 лаетъ унижить меня до степени безсло-
 весныхъ животныхъ? Пенелопа содѣлала
 меня героемъ: любовь ея облагородила
 вала, укрѣпила, вознесла мой разумъ.
 Она приказала мнѣ плыть къ сѣнамъ
 Трои, хотя разлука со мною была для
 нея ужаснѣе смерти; она велѣла мнѣ под-
 вергаться всѣмъ опасностямъ на ряду съ
 первыми героями Греціи, хотя бѣдное
 сердце ея шрепешало при одной мысли о
 самой маловажной невыгодѣ, и готово

было бы отдатьъ всю кровь свою для спа-
 сенья одной капли моей крови. При томъ,
 какое сходство всѣхъ склонностей на-
 шихъ! Когда Минерва учила меня прави-
 ламъ мудрости: Пенелопа отъ насъ не
 отходила, слушала и зашверживала нрав-
 ственныя правила и высокія истины;
 пересказывала ихъ мнѣ, смягчая и укра-
 шая повѣствованіе восхищительными пре-
 лесціями своего разума. Когда вмѣсто
 отдыха мы плѣнялись красотою Поэзіи,
 читая стихотворенія Орфеевы, Музеевы
 и Линовы, съ какою почтностію замѣчала
 она лучшія мѣста въ нихъ! Мои чувства
 были тупы въ сравненіи съ ея чувствами.
 Она сама казалась Музою, оживоотво-
 рившею поэтовъ и вдохнувшюю въ звон-
 кія ихъ лиры небесную силу вливать въ
 сердца человѣческія любленіе мудрости и
 добродѣтели и боязнь боговъ безсмерт-
 ныхъ. Какъ ласкова, какъ милоспива бы-
 ла она къ моему народу! сколь ревностно
 старалась распространять изящныя иску-
 ства, облегчать больныхъ и престарѣ-
 лыхъ, наблюдать за воспитаніемъ юноше-
 ства, оказывать подданнымъ моимъ всякое
 снисхожденіе и защиту, предупреждать ихъ
 нужды, удовлетворять ихъ требованія,
 ходатайствовать за подвергшихся истязанію,
 и просить о награжденіи достой-
 ныхъ сыновъ отечества! Докину ли я

такую супругу? Могу ли оставить ее для скотских удовольствий, имея на себе только образ человека, но лишась души человеческой, лишась всех благороднейших, богоподобных ее способностей? О Цирцея! прости меня; одна мысль о том для меня несносна.

Цирцея. Поди — не думай, чтобы я просила тебя здесь остаться. Дщерь Солнца неприлично быть малодушною; она не будет умолять смертного, чтобы согласился делить с нею блаженство, которым наслаждаешься неспособен. Сожалю о тебе, и презираю тебя. Все то, чем, по видимому, дорожишь ты столь много, мне чуждо и незнакомо. Слова, произнесенные тобою с такою горячностью, приличны глупенькой женщине, а не герою. Побзжай себя чистить и даже прясать, когда захочешь, с любовною своею супругою. Запрещаю тебе здесь до завтрашняго дня оставаться. Идешь; попутный ветер поможет тебе удалиться отсюда. Не медли; иначе — Циклоп воздвигнет бурю, и ты погибнешь. Спущай, говорю я; прочь с глаз моих!

Улиссъ. Великая богиня! повинуюсь — только не забудь о своей клятве.

Съ Англійскаго. К.

II.

*Възписка изъ жизни Князя
Шаховскаго.*

Описанія жизни многихъ славныхъ людей осмнадцатаго столѣтїя изданы на Россійскомъ языкѣ, по большей части переведенныя изъ иностранныхъ книгъ, или почерпнушыя изъ разныхъ чужихъ и своихъ источниковъ. Опыты доказали, что на сочишелей иноземныхъ полагаться не можно; своихъ собсвенныхъ записокъ историческихъ сего времени мы почти не имѣемъ, или можетъ быть онѣ еще никому неизвѣстны; очень мало осталось очевидныхъ свидѣтелей царствованїя Императрицы Елисаветы Петровны, а еще менѣе такихъ, которые, сохраняя въ памяти событїя временъ Анны Иоанновны, сообщили бы ихъ прилѣжному собиращелю для составленїя непрерывной цѣпи важнѣйшихъ произшествїй. Дипломатикъ довольствуется точностїю въ опредѣленїи времени, когда именно что случилось: Историкъ хочетъ знать главные лица, ихъ нравы, склонности и спрасти, сїи сильныя пружины великихъ перемѣнъ въ государствѣ; иначе онъ не достигнетъ своей цѣли, не покажетъ связи между причиною и слѣдствїемъ, и замѣшается въ толпѣ обыкновенныхъ лѣтописцовъ.

Гдѣ же возмешъ онѣ краски для картинъ своихъ , а особливо для изображенія главныхъ лицъ, ежели не изъ оставшихся записокъ очевидныхъ наблюдателей, опытныхъ и правдолюбивыхъ ?

Рукопись , изъ которой беру нѣкоторыя мѣста , достойныя вниманія любопытныхъ читателей, называется *Жизнь Князя Шаховскаго*. Сей почтенный мужъ, послуживши отечеству върою и правдою, и въ старости своей получивши увольненіе отъ должностей государственныхъ, какъ для наставленія согражданъ своихъ, такъ и для собсвеннаго удовольствія по прозѣбѣ друзей кратко описалъ случившіяся съ нимъ важнѣйшія приключенія, пріятныя и непріятныя. Симъ полезнымъ дѣломъ занимался онѣ живучи въ подмосковной своей деревнѣ, на чистомъ воздухѣ, „неимѣющемъ въ себѣ тѣхъ заразительныхъ частицъ, какія въ городахъ, а особливо въ домахъ у великомоцныхъ накопляются отъ шѣснящейся толпы людей, различными смяшеніями обремененныхъ.“ Тамъ, подъ прохладною тѣнью деревьевъ, еще въ молодости руками его насажденныхъ, проводилъ онѣ по нѣскольку часовъ сидя надъ пепрადью, когда здоровье дозволяло ему заниматься сею работою. Иногда смотрѣлъ на летающихъ пшичекъ, которыя при-

мѣша, что ихъ никто не спрашиваетъ, забавляли хозяина и самихъ себя пріятнымъ пѣніемъ; иногда съ орудіемъ въ рукахъ рано поутру выходилъ помогать своимъ садовникамъ, и охотно прудился до самаго обѣда; иногда спокойно любовался природою и полезными упражненіями сельскаго домоводства.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Шаховской служилъ Государямъ Всероссийскимъ, начиная отъ Петра I до Екатерины II; былъ Генералъ-Прокуроромъ и Министромъ въ царствованіе Императрицы Елисаветы; потомъ Сенапоромъ при Екатеринѣ II, отъ коей 1766 году получилъ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ съ полнымъ по смерти ежегоднымъ жалованьемъ.

Онъ родился въ 1705 году, и съ осмилѣтняго возраста воспитывался въ домѣ дяди своего Князя Алексѣя Ивановича Шаховскаго по тогдашнему обыкновенію, которое, какъ видно изъ сего сочиненія, и для нынѣшняго времени достойно всеобщаго подражанія. Попечительный дядя безпрепятственно твердилъ своему племяннику, чтобы онъ „стыдился дѣлать дурное, а спрашивать и добродѣтель предпочиталъ всему во всякихъ случаяхъ.“ Совѣтовалъ ему „часто размышлять о своихъ слабо-

„сѣхъ и порокахъ; чинить пристойныя
 „льшамъ его и обстоятельствомъ описа-
 „нїя честныхъ и полезныхъ дѣяній му-
 „жей, оставившихъ по себѣ почтенное
 „имя, и прїучать себя съ твердымъ ду-
 „хомъ слѣдовать по снопамъ ихъ.“

Сѣмя ученїя сего падало на хорошую
 землю. Князь Шаховской, во время долго-
 лѣтней службы своей, какъ военной такъ
 и гражданской, оказалъ Отечеству важныя
 услуги. Будучи въ Синодѣ Оберъ-Про-
 куроромъ, кромѣ неослабнаго исполненїя
 должности, онъ преодолевши великія пре-
 пятствва, удержалъ получаемое Членами,
 вопреки узаконенїямъ, денежное жалованье,
 котораго осталось въ казнѣ болѣе ста
 тысячъ рублей, до новаго о томъ учреж-
 денїя.

Осправляя должность Генераль-Кригсъ-
 Коммиссара, превозмогши все происки и
 домогательства Великобританскаго Кон-
 сула Вульфа, прекратилъ покупку Ан-
 глійскихъ суконъ на солдатскую одежду;
 отъ чего Россійскїя суконныя фабрики
 пришли въ состоянїе довольствованья все
 войско собственными сукнами и множе-
 ству рабочихъ людей доставляя прои-
 шанїе; сверхъ того немалыя денежные
 суммы, прежде получаемыя Англичанами,

оспались въ государствѣ. — Во время Прусской войны, опѣ бывшей тогда Конференціи Министровъ дано повелѣніе, вещи для заграничнаго войска по потребности купить внѣ Государства у чужестранцовъ. Князь Шаховской осмѣлился противъ указа подать Министрамъ представленіе, въ кошоромъ извяснилъ, сколь великая сумма денегъ въ Государствѣ убудеть въ пользу иностранцевъ, и какое множество внутреннихъ произведеній Россіи останеться безъ обработанія и употребленія, а людей безъ дѣла и пропитанія. Онъ тогда же лично подалъ Императрицѣ записку, и Конференція должна была, опмѣнивъ свое опредѣленіе, поручить ему всѣ потребности для войска вещи пригошлять внутри Россіи и опправлять за границу.

Будучи Генераль-Прокуроромъ, Князь Шаховской склонилъ Сенаторовъ поровнять сборъ денегъ съ черносотныхъ и государственныхъ крестьянъ съ помѣщичьими доходами; опѣ чего въ казну прибыло 500,000 рублей ежегоднаго дохода. По его старанію дозволено помѣщикамъ дворовыхъ людей своихъ и крестьянъ за худые поступки отдавать Правительству съ зачетомъ вмѣсто рекрутъ, для отсылки въ Сибирь на поселеніе; слѣдствіемъ сего есть то, что въ пустыхъ шамошнихъ

мѣстахъ нынѣ явились многолюдныя деревни и заведено земледѣльство. — Противъ даннаго Сенату предложенія и плана ошѣльнаго въ то время вельможи, Графа Петра Ивановича Шувалова, объ уменьшеніи вѣсу въ мѣдныхъ деньгахъ, на что уже всѣ Сенаторы согласились, Князь Шаховской письменно изъявилъ свое мнѣніе о неудобности сего дѣла, донесъ о томъ Императрицѣ и остановилъ дальнѣйшее производство.

Сенатомъ и Синодомъ опредѣлено было всѣ Архїерейскія и монастырскія деревни со всѣми доходами предославить полному вѣдомству и распоряженію Властей духовныхъ, съ тѣмъ только чѣмъ онѣ вносили въ казну ежегодно по 400,000 рублей. Князь остановилъ сіе опредѣленіе, и домогался другаго рѣшенія, сходнаго съ Имянными о томъ Указами. Наконецъ Екатерина II поручила ему сочинить, утвержденный попомъ и подписанный Ея Величествомъ, указъ о разсмотрѣніи сего важнаго дѣла въ особой Коммиссіи. Слѣдствія извѣстны.

Сообщивъ такимъ образомъ нѣкоторыя свѣдѣнія, до особы и заслугъ Князя Шаховскаго касающіяся, выпишу любопытнѣйшія приключенія изъ его жизни.

Непужныя мѣста будутъ пропущены, другія сокращены, и все вообще предложено въ иномъ видѣ относительно къ слогу; впрочемъ смыслъ не потерпитъ ни малѣйшей перемѣны.

„Герцогъ Биронъ и Кабинетный Министръ Оберъ-шталмейстеръ Артемій Пешровичъ Волынской были ко мнѣ очень благосклонны. Послѣдній, часто разговаривая со мною о дѣлахъ государственныхъ, поселилъ во мнѣ высокое мнѣніе о любви его къ опеческву, о ревности ко славіи Монаршей, объ усердіи къ пользѣ общественной. Но увы! сія довѣренность его была горестнымъ предзнаменованіемъ великой опасности, мнѣ угрожавшей.“

„Въ одинъ день Г. Волынской увидѣвши меня во дворцѣ, далъ знать, что желаетъ говорить со мною: ввечеру я къ нему явился. Вотъ, другъ мой! сказалъ онъ мнѣ весьма благосклонно: вчера я имѣлъ счастье выхвалить ваши достоинства Императрицѣ и Герцогу Бирону; готовьшесь быть Сенаторомъ. — Я порадовался такому извѣстію, и день оподня ожидалъ столь пріятной перемѣны, не зная, что уже тогда созрѣвали способы къ погубленію Волынскаго, и что всѣ осбщавшіе домъ его были замѣчаемы. Скоро пощомъ открылось, что онъ на-

влекъ на себя ненависть Герцога Бирона. Сверхъ того зналъ я, что между Волынскимъ и другимъ Кабинетнымъ же Министромъ Г. О* * была тайная вражда, и что оба они имѣя сильныхъ друзей, весьма неблагопріятствовали одинъ другому; однакожъ по неопытности своей думалъ я, что такое несогласіе не только неопасно, но иногда еще ободряетъ и укрѣпляетъ душу для важнѣйшихъ подвиговъ; и потому совсѣмъ не ожидая никакой бѣды, по прежнему въздилъ къ своему благодушелю, которой уже съ нѣкотораго времени казался мнѣ задумчивымъ.“

„Черезъ нѣсколько дней случилось мнѣ быть въ домѣ Генераль-Полицій-мейстера Василья Федоровича Салтыкова. Между тѣмъ какъ я разговаривалъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ, вошедшей Секретарь объявилъ своему начальнику, что будучи призванъ въ Кабинетъ Государыни къ Министрамъ, видѣлъ тамъ подписанный указъ объ опредѣленіи въ Полицію на мѣсто Его Превосходительства новыхъ членовъ, а именно Бригадира Унковскаго, Совѣтника Зыбина и *Ротмистра Конной Гвардіи Князя Шаховскаго*. Г. Салтыковъ, радуясь ошѣ всего сердца, что избавился отъ хлопотной своей должности, поздравлялъ меня съ полученіемъ такого *хоро-*

шаго мѣста. Но я, ожидавшій себѣ другаго назначенія, никакѣ не хотѣлъ тому вѣришь, приводя на память милоспивою ко мнѣ расположеніе Волынскаго и Герцога Бирона, и вѣ шужѣ минушу, вѣ крайнемѣ безпокойствѣ, побжалѣ къ моему благодѣтелю. “

„Волынскою встрѣшилѣ меня сими словами: Знаю, другѣ мой, о твою приключеніи; шому я причиною. Ради Бога не оскорбляйся и пошерпи; можешѣ бышь успѣю что нибудѣ лучшее для шебя сдѣлашь. — Разговорѣ нашѣ скоро окончился. Пріѣхавши домой, я проводилѣ ночь вѣ гореспвомѣ безпокойствѣ, и на другой день вступилѣ вѣ новую свою должность сѣ двумя поварищами. Вѣ шожѣ время Волынскому уже не велѣно было выѣзжашѣ изѣ дому. Я, не имѣя никакихѣ общихѣ сѣ нимѣ намѣреній, и не слышавѣ опѣ него никакихѣ сужденій, кромѣ полезныхѣ и усердіе къ Монархинѣ и отечеству являющихѣ, продолжалѣ ѣздишь къ нему по прежнему. “

„Спуспя немного сосшавлена изѣ первѣйшихѣ чиновѣ комиссія для произведе- нія надѣ нимѣ слѣдственаго дѣла. Я совсѣмѣ не воображалѣ, чтобы злосшь чело- вѣческая могла погубишь невинность, и не вѣдая за собою никакихѣ порочныхѣ

поступковъ , ошнюдь не думалъ , чшобы опредѣленіе меня въ Полицію было косвеннымъ слѣдствіемъ недоброжелательства и мщенія. “

„Прошло еще нѣскольکو дней, Волынской уже содержался въ Петропавловской крѣпости. Мнѣ вздумалось просить Герцога Бирона , чшобы его предшательствомъ избавленъ я былъ отъ такой должности , кошорой исправлять по незнанію своему не могу и охоты не имѣю , и чшобъ по склонности моей къ военной службѣ опредѣлили меня въ армію Полковникомъ. Его Свѣшлость отвѣчалъ съ видомъ нѣскольکو суровымъ , чшо онъ того не знаетъ , и чшобъ я поговорилъ съ Министрами , кошорые *ко мнѣ весьма благосклонны*. Я ничего не подозрѣвая , просилъ дозволенія подашь челобитную Императрицѣ. Биронъ согласился ; а я принявъ его согласіе за доброе для себя начало , потчасъ написалъ челобитную , и на другой же день подалъ Императрицѣ , будучи въ твердой надеждѣ , чшо скоро послѣдуетъ выгодное рѣшеніе. “

„Судъ производился надъ моимъ благодѣтелемъ подъ руководствомъ его недоброхотовъ. Съ нимъ поступаемо было весьма неласково. О семъ приключеніи

носились въ городѣ разные полки; между прочимъ говорили о друзьяхъ Волынскаго и любимцахъ, въ числѣ которыхъ и меня полагали. Такія вѣсши не радовали меня, шѣмъ болѣе что на челобитную мою не было никакого рѣшенія, и что бывшіе тогда Кабинетные Министры на мои прошенія о помѣжѣ дѣлѣ коротко и холодно отвѣчали. Надежда моя исчезала, и я начиналъ опасаться. Одинъ изъ пріятелей увидѣвшись со мною наединѣ, совѣщавъ мнѣ пошерпѣть, и до времени не скучать никакими о себѣ напоминаніями. Будучи въ крайнемъ недоумѣніи, я просилъ его расшолковать мнѣ, что все сіе значить; но онъ, какъ человекъ опытной и осторожной, сказалъ мнѣ на ухо, дружески пожавъ мою руку: будьше довольны, что и это объявилъ вамъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ; время само вамъ все откроетъ. Такой отвѣтъ заспавилъ меня еще болѣе безпокоиться. Судъ надъ Волынскимъ и его друзьями производился нѣсколько недѣль. Преступленіе ихъ мнѣ неизвѣстно. Жизнь ихъ окончилась на площади поносною смертію; нѣкоторые по наказаніи сосланы; меня же невиннаго сохранилъ Всевидящій.“

„Спустя попомѣ нѣсколько времени Императрица Анна Іоанновна скончалась,

и Герцогъ Биронъ объявленъ правителемъ Имперіи до возраста ма олішнаго Іоанна. При семъ новомъ правительствѣ многіе получили чины и награжденія. Тогда я опять отважился написать челобитную объ опредѣленіи меня Полковникомъ въ армію и подашь оную Герцогу, хотя Его Высочество (такъ тогда начали называть Регента) уже давно никакихъ знаковъ благосклонности мнѣ не оказывалъ. Провидѣнію угодно было ободрить меня для новыхъ искушеній; ибо Герцогъ принявъ ласково мою челобитную, въ шужь минушю надписалъ на ней, что я пожалованъ Спашскимъ Совѣтникомъ и главнымъ членомъ Полиціи. Вотъ, Князь Шаховской! — весьма благосклонно сказалъ мнѣ Биронъ, подошедши ко мнѣ, когда я предсталъ Его Высочеству для изъявленія моей благодарности: — я не забылъ дружбы дяди швоего; а ты промѣнялъ было меня на Волынскаго; но я теперь все предаю забвенію; будь увѣренъ, что я швой всегдашній доброжелатель. — Такое привѣтствіе Регента сдѣлало меня вѣрбчивымъ, и я поклонясь низко, спѣчалъ, что мнѣ надлежало честными поступками заслуживать благосклонность Волынскаго, ибо онъ былъ Кабинетнымъ Министромъ, пользовался опличною довѣренностію Императрицы, и могъ возводить

и низлагашь людей по заслугамъ; а что я не имѣлъ учасшїя въ его преступленїи, о томъ видно изъ дѣла. — Герцогъ повторилъ, что все прошедшее забывается, и мы разстались.“

„Въ то же утро вступилъ я въ должность по новому своему званїю, и успѣлъ еще изъ Полиціи захватить во дворецъ. Тамъ нашелъ я многихъ чиновниковъ, съ голубыми и красными лентами. Всѣ обошлись со мною очень ласково, совсѣмъ не по прежнему. Вышедшій изъ внутреннихъ комнатъ камердинеръ указалъ мнѣ на дверь, давая знать, чтобъ я шелъ въ оную. Въ прешей комнатѣ увидѣлъ я Герцога, сидящаго въ спальномъ платьѣ съ чашкою кофе. Велѣвши подать и мнѣ чашку, онъ указалъ на ближнїя кресла. Я не привыкъ сидѣть передъ Его Высочествомъ, и началъ было отрицаться поклонами, донося между тѣмъ о себѣ, что сего же утра вступилъ въ новую свою должность; но Герцогъ принудилъ меня сѣсть, и съ ласковыми привѣтствїями подчивалъ чашкою кофе. „Я увѣренъ, — сказалъ онъ „мнѣ потомъ — въ тебѣ есть столько „разума, чтобъ нашу Полицію привести „въ лучшее состоянїе. Когда понадобится тебѣ кто-нибудь въ помощь, или потребны будутъ какія-либо особыя вспо-

„моженія : скажи мнѣ ; все получишь.“ Изъявивъ нижайшую благодарность Его Высочеству, я просилъ о непреложной его ко мнѣ милости и покровительствѣ, тѣмъ болѣе что опправляя безприспрасно новую должность, могу нажить сильныхъ непріятелей. Герцогъ вспалъ съ креселъ, подалъ мнѣ одну руку, пропаянулъ другую къ двери, и сказалъ : „Сюда можеше во всякое время входишь безъ доклада ; не бойшесь никого, поступайше честно, и говорите со мною обо всемъ искренно и справедливо : а я васъ не выдамъ, и постараюсь награждать ваши заслуги ; будьте въ томъ увѣрены.“ Герцогъ потчасъ началъ одѣваться ; а я поклонясь вышелъ. Проходя мимо знашныхъ господъ, ожидающихъ Регенша, я снова осыпанъ былъ учтивыми привѣтствіями, а особливо опъ оспряковъ, умѣющихъ лицемѣришь. Одни спрашивали меня, скоро ли Герцогъ выдешъ, другіе поздравляли съ новымъ благополучіемъ.“

„Я въ полномъ удовольствіи побжалъ домой придумывать разные способы къ успѣшному опправленію новой своей должности, и черезъ нѣсколько дней сочинилъ правила для полицейскаго порядка. Мнѣ вздумалось, не подавая Кабинетнымъ Минисшрамъ доклада моего, прежде пока-

зашь его Герцогу Бирону, моему высокому покровителю, и получишь его одобрение. В один день прибывши к нему передв вечером, я узнал отв камердинера, что у него сидятв Генералв-Фелдмаршалв Графв Минихв и Президентв Коммерцв-Коллегїи Баронв Менгенв. И шакв не разсудивши за благо явишься кв нимв св полицейскимв своимв учрежденїемв, я побжалв домой; ибо тогда уже было поздно. Долго не могв я заснуть, занимаясь вв мысляхв своимв планомв, и шбмв, какв бы на другой день поранбе представивш докладв свой Герцогу. Это было, помнишья мнб, вв Декабрв мбсяцв 1740 года.

„Еще до разсвбшу разбудилв меня полицейскїй Офицерв, прибывшїй объявишь мнб, что во дворцв собирается множество людей, что полки гвардїи шуда же идуть, что Принцесса Анна приняла государственное правленїе, и что Герцогв Биронв и Министрв Графв Беспужевв взяшы Фелдмаршаломв Минихомв подв спражу. Будучи вв крайнемв смяшенїи, шопчасв поскакалв я во дворецв, продрался сквозь шумную шолпу народа, взббжалв вверхв по лбспницамв вв палаты, и увидбвв гвардейскихв офицеровв и солдатв, безпечно ходящихв вв разные

спороны, не зналъ, къ кому пристать и куда идти далѣе. Въ дворцовой залѣ нашелъ я множество разныхъ чиновниковъ, по большей части спашскихъ, тѣснящихся въ дверяхъ къ придворной церкви, которая также была наполнена людьми и освѣщена великолѣпно. Тутъ одинъ знакомой гвардейской офицеръ въ радостномъ восторгѣ ухвативъ меня за руку, началъ поздравлять съ новою Правительницею, а примѣшивъ, что я ничего еще не знаю, рассказалъ мнѣ о случившемся, и совѣтовалъ прошѣсниться въ церковь. Сіе подробное увѣдомленіе поразило меня. Опмѣнныя ко мнѣ милости Герцога Бирона — сказалъ я самъ себѣ — сдѣлаютъ то же, что знакомство съ Волынскимъ, и дай Боже, чтобъ еще худшимъ не окончилось! Мои знакомые являлись въ разныхъ личинахъ; одни, имѣя въ рукахъ бумагу, кричали: истинныя дѣти опечесства! извольте подписываться въ вѣрности нашей всемилосивѣйшей Правительницѣ, и спупайте въ церковь цѣловать Крестъ и Евангеліе; другіе, спрашивая между собою какъ и что писать, вырвали изъ рукъ чернильницу и перья, и подписывались; прешъи тѣснились въ церковь присягать и кланяться находившейся тамъ Правительницѣ. Такимъ образомъ удостоившись и я подписаться, и подравшись въ цер-

ковъ , спалъ позади господъ , окружающихъ Принцессу. Я думалъ , что по моему званію должно мнѣ быть подлѣ Правительницы и ожидать ея повелѣній ; но увы ! скоро почувствовалъ , сколь неприятно было мое положеніе. Нѣкоторые изъ господъ , удостоившихся оказать услуги свои Принцессѣ , посмащивали на меня съ крайнимъ презрѣніемъ ; другіе , усмѣхаясь язвительно , спрашивали меня , *какъ я въ своемъ здоровьѣ , и все ли со мною благополучно* ; а площадные наши звонари , подлѣ меня стоявшіе , громко рассказывали , какъ я пользовался милостями Бирона , и какъ былъ его любимцемъ. Почти цѣлой день ходилъ я во дворецъ между людьми , и не получая никакихъ по должности моей приказаній ни отъ Правительницы , ни отъ Министровъ , съ прискорбною душею побѣжалъ домой. На другой или на третій день опредѣленъ въ Генераль - Полиціймейстеры Тайный Совѣтникъ и Сенапторъ Ѳедоръ Васильевичъ Наумовъ. Обо мнѣ не сказано ни слова. Но какъ я самъ себя отпрѣшилъ отъ Полиціи не осмѣлился , то и осмѣлся его товарищемъ , ожидая что будетъ далѣе.“

„Новой Генераль - Полиціймейстеръ началъ со мною обходиться весьма ласково , и возлагалъ на меня разные препо-

рученія, какъ на человека свѣдущаго въ дѣлахъ полицейскихъ. Я скоро замѣтилъ, что меня употребляли вмѣсто кочерги, кошорою въ печи жаръ загребаютъ; но боясь худшей участи за прежнюю ко мнѣ довѣренность Герцога Бирона, принужденъ былъ молчать и повиноваться.“

„Нѣкто изъ пріятелей моихъ и Графа Михайла Гавриловича Головкина, занявшаго тогда важнѣйшую должность государственную, пенялъ мнѣ, для чего не ъзжу къ сему новоопредѣленному Министру и не ищу его благосклонности, прибавивъ къ тому, что Его Сіятельство не одинъ уже разъ очень хорошо обо мнѣ отзывался. Я чувствовалъ, что мнѣ весьма нуженъ былъ сильный покровитель. Черезъ нѣсколько дней, Генераль-Полицеймейстеръ по причинѣ болѣзни своей поручилъ мнѣ уведомить объ одномъ дѣлѣ Кабинетныхъ Министровъ и подать имъ короткія записки. Графъ Ошерманъ и Князь Черкасскій сказали мнѣ: *хорошо, разсмотри; теперь не время*; Графъ Головкинъ, положивъ записку въ карманъ и приказавъ мнѣ сѣсть, началъ разговаривать со мною о дѣлахъ полицейскихъ, о прежней моей службѣ въ полкахъ, и о происшествіяхъ, по окончаніи Турецкой войны со мною случившихся. Онъ слушалъ

меня охотно. Послѣ учтивыхъ и выгодныхъ для меня привѣтствій, Графъ просилъ, чтобъ я ошлся у него ошобѣдашь, и впредь посѣщаль бы домъ его. Супруга его, Графиня Екашерина Ивановна, кошорая считалась мнѣ родственицею по матери, за споломъ разговаривала со мною также весьма благосклонно. Побывавши еще нѣсколько разъ въ домъ Графа Головкина, я полюбилъ его всѣмъ сердцемъ и удосшоился заслужить его дружбу. Въ немъ нашель я достойнаго сына опечесшва и швердаго защитника справедливости. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, по его содѣйствію и ходатайству я пожалованъ въ Сенаторы. “

„Сей добродѣтельный мужъ часто подавалъ мнѣ полезныя совѣты, извяснялъ должности гражданина и патриота, и доказывалъ, что людей надобно опличать не по дружбѣ къ нимъ, но по заслугамъ ихъ и по душевнымъ достоинствамъ. Для существенной пользы общества, говорилъ почтенный мой благодѣтель, не должно производить въ чины военные и спашскіе ни для угожденія, ни по пристрастію, хотя бы за шо спали бранишь насъ и ненавиждѣшь. Засѣдая въ Сенатѣ я охотно занимался дѣлами и спарался показать свое усердіе, во всемъ руководствуясь чест-

ными и разумными наставленіямъ своего благодѣтеля. “

„Ноября 24 го, въ день именинъ Графини Екашеріны Івановны, былъ пышной праздникъ въ домъ Г. Головкина. Не нужно сказывать, что ласкатели толпились передъ хозяйкою, ближею свойственницею Принцессы Правительницы (*). Почтенный мой благодѣтель видѣлъ всѣ притворства сихъ поклонниковъ. Разговаривая со мною въ этотъ день, онъ угадывалъ, что послѣ такого благополучія должно съ нимъ случиться несчастье; почему и не радовался блеску великолѣпія, а особливо тогда чувствуя подагру, хирагру и боль головную. Я по короткому знакомству въ домъ, подчивалъ знатнѣйшихъ гостей, и распоряжалъ пиршествомъ, которое продолжалось до полуночи; по окончаніи всего, какъ будто предвидя горестную, вѣчную разлуку съ хозяиномъ, зашелъ къ нему просишился. Онъ слабымъ голосомъ благодарилъ меня, сожалѣлъ о моемъ безпокойствѣ, и желалъ мнѣ пріятнаго отдыха. “

(*) Графиня Головкина, по отцу Княжна Рс-моданевская, а по матери Салтыкова, отъ родной сестры Царицы Параскевѣи Феодоровны рожденная, была тетка Принцессы Правительницы.

„Я приѣхалъ домой, будучи въ немаломъ удовольствіи. Мнѣ представлялись въ умѣ счастливые успѣхи по моей службѣ. Голова моя была наполнена пріятными размышленіями о томъ, что я уже Сенаторъ, что засѣдаю между стариками, знаменитыми по чинамъ своимъ и заслугамъ, что будучи любимцемъ такого сильнаго Министра, не только не имѣю причины бояться какихъ-либо злоключеній, но еще могу ласкать себя новыми успѣхами. Мнѣ тогда совсѣмъ не приходило на мысль, что прочнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ, и что между счастьемъ и несчастіемъ разспояніе весьма не великое. Лишь только было я уснулъ, какъ громкой голосъ и необычайной спухъ въ спавень моей спальни разбудилъ меня. Сенапской Экзекуторъ кричалъ изо всей силы, чтобъ ѣхалъ и какъ можно скорѣе во дворецъ Цесаревны, которая, говорилъ онъ, „приняла уже государственное правленіе, а я теперь бѣгу объявить о томъ прочимъ Сенаторамъ.“

„Не знаяши прежде ни о какихъ предпріятіяхъ, и даже не имѣвъ ни малѣйшей причины къ догадкамъ, я сперва подумалъ-было, не рехнулся ли господинъ Экзекуторъ; но скоро потомъ увидѣвъ бѣгущихъ людей, немедленно побѣжалъ. Народъ толпился на улицахъ; полки гвар-

дѣи стояли рядами вокругъ дворца; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раскладывали огни, въ другихъ пили вино, чшобъ согрѣться отъ спужи; повсюду раздавались восклицанія многихъ голосовъ: *здравствуй наша Малушка Императрица Елисавета Петровна!* Я долженъ былъ вспать изъ кареты еще далеко отъ дворца, и пѣшкомъ сквозь тѣсноу продираюсь. У самаго входа увидѣлъ я своего шоварища, Сенапора Князя Алексѣя Дмишрїевича Голицына, которой также ничего не зналъ о случившемся. Мы пошли далѣе. Въ шрепей палатѣ нашли многихъ знашныхъ чиновниковъ, и въ шужь минушу Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, Каммергерѣ Ея Величешва, во извѣявленіе великой радости поцѣловавши насъ, крашко разсказалъ о начашомъ и съ Божіею помощію благополучно окончанномъ дѣлѣ, также и о томъ чшо Минихъ, Остерманъ и Головкинъ уже взяшы подъ спражу. Тушъ явился Василій Федоровичъ Салшыковъ, бывшій прежде Генералъ - Полиціймейстеромъ и оказавшій важныя услуги при сей перемѣнѣ; онъ шогда ко мнѣ былъ уже неблагоприятенъ, а зяшя своего, сомною вмѣспѣ пришедшаго Князя Голицына, совсѣмъ не жаловалъ. Сей господинъ Салшыковъ ухватилъ меня за руку, и смѣючись громко сказалъ: *Воль Сенаторы стоять!* Я ошвѣчалъ

ему съ видомъ почтительнымъ: *Сенаторы, сударь!* Салтыковъ захохотавши еще громче, вскричалъ: *что теперь скажете, Сенаторы?* Видя, что около насъ уже составилъ кругъ любопытныхъ, я спросилъ его, по какому праву онъ попчуетъ насъ такими привѣтствіями, тогда какъ всѣ радуемся! Онъ отвѣчалъ съ видомъ ласковымъ, смѣясь: „другъ мой! я теперь отъ „великой радости внѣ себя; любовь дружеская, а не иная причина заставила меня „говоришь такимъ образомъ; сердечно „желаю вамъ всякаго благополучія, и по- „здравляю со всеобщимъ веселіемъ.“ Скоро попомъ Императрица вышла изъ внутреннихъ покоевъ своихъ въ ту палату, гдѣ всѣ мы находились, и милостиво принимая всеподданнѣйшія поздравленія, дозволила цѣловать намъ свою Монаршую руку. Намъ всѣмъ вѣрно было идти къ присягѣ въ зимній дворецъ, куда и Ея Величество отправилась изволила въ большой линей, съ охраняющими Августѣйшую Особу Ея гранодерами Преображенскаго полку, мимо гвардейскихъ солдатъ стоявшихъ рядами.“

„Нѣсколько дней были во дворцѣ многочисленные собранія. Не рѣдко и я приѣзжалъ туда единственно для того, не узнаю ли о себѣ чего-нибудь. Со мною обходились какъ съ любимцемъ Министра, впадшаго

въ немилость. Видѣлъ я, что люди, которые прежде ласкали меня, въ сіе время явно оказывали мнѣ холодность свою и даже презрѣніе. По уничтоженіи прежняго Кабинета, оставшіяся на свободѣ Министры Князь Черкасской помѣщенъ въ число Сенаторовъ, а произведенные въ Сенаторы въ правленіе Принцессы Анны пять чловѣкъ, въ числѣ коихъ и я находился, лишены сего званія. И такъ я ошлся безъ мѣста. “

„Споль часто случающіяся со мною непріятныя перемѣны наконецъ произвели во мнѣ совершенное омерзѣніе ко всѣмъ щеславнымъ замысламъ. Я рѣшился не упохреблять никакихъ происковъ, сидѣть дома съ мершвыми друзьями и ожидать конца своей участи, которая, по моему мнѣнію, не обѣщала ничего хорошаго; ибо надъ Графомъ Головкинымъ и надъ его товарищами производился судъ въ особо учрежденной Коммиссіи. “

„Въ одно утро явился у меня присланный Офицеръ съ повелѣніемъ, дабы я немедленно въ Сенатъ приѣхалъ. Форшунѣ угодно было въ шотъ день позабавиться надо мною. Когда вошелъ я въ первую палату, находившіяся шупъ Сенатской Офицеръ, которой прежде на крыльцѣ встрѣчалъ меня и съ почтеніемъ прово-

жалъ по лѣстницамъ до самаго присудствія, стоя на одномъ мѣстѣ поклонился мнѣ какъ незнакомому. На вопросъ мой, гдѣ г-нъ Экзекуторъ, и могу ли идти далѣе, онъ спокойно указалъ мнѣ рукою на дверь, говоря, что тамъ найду его. Господинъ Экзекуторъ, которой не задолго передъ тѣмъ называлъ меня *своимъ патрономъ*, и не иначе какъ стоя разговаривалъ со мною, привставъ немного указалъ на стулъ, давая знать, чтобъ я сѣлъ; словомъ, онъ принялъ меня, какъ обыкновеннаго чело- бишчика и сказалъ, что обо мнѣ доложишь. Холодные и непочтительные вопросы, шампанскія слова и короткіе отвѣты нѣкоторыхъ чиновниковъ, а особливо Оберъ-Прокурора, которой велѣлъ мнѣ на другой день приѣхать, погрузили меня въ уныніе. Вспомня любимую пословицу свою изъ Священнаго Писанія: *Господь мой и Богъ мой, на Него уповаю, Имъ и спасуся*, я пошелъ обратно, чтобъ ѣхать домой; но путь же повстрѣчался съ однимъ знакомымъ, и узналъ отъ него, что меня опредѣлили въ Свяшійшій Сенатъ Оберъ-Прокуроромъ, и что исполненіе сего дѣла отложено до слѣдующаго дня по нѣкоторымъ причинамъ.“

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день объявлено мнѣ о *пожалованіи* меня въ Оберъ-

Прокуроры изъ Сенапоровъ , по ходатайству благотѣтелей. При вступленіи въ новую должность , весьма непріятно мнѣ было видѣть , когда Экзекуторъ Сенада, равнаго чина съ Сенапскимъ, встрѣчалъ меня съ нѣсколькими Секретарями на лѣстницѣ , и со всею свитою провожалъ до присудственной палаты очищая дорогу.“

К.

III.

Фридрихъ Гоплибъ Клопштокъ.

Клопштокъ , первый , единственный и величайшій пѣснопѣвецъ Германіи, родился 2 Іюля въ Кведлинбургѣ. Имѣя пятерыхъ братьевъ и сполькожъ сестеръ , онъ былъ всѣхъ старше. Отецъ его, человекъ впрочемъ весьма добрый, честный и рѣшительный , любилъ вѣрнѣе своимъ предчувствіямъ , которыя всегда , какъ онъ говорилъ , сбывались , и явленію превращающихся въ разные виды бѣсовъ , съ которыми по ночамъ храбро сражался.

Не смотря на сіи странности отца, душевныя и тѣлесныя силы молодого Клопштока созрѣвали при хорошемъ вос-

нишанїи. Онѣ провель счастливыя лѣта опрочесства вѣ Фридебургской волости, гдѣ училса первымъ началамъ словесности. По возвращенїи съ опцомъ своимъ вѣ Кведлинбургѣ, ходилѣ вѣ тамошнюю гимназію, и почишалса первымъ ученикомъ вѣ числѣ своихъ товарищей, хошя преимуществва сего по видимому опнюдь не добивалса. На шеспнадцатомъ году Клопштокѣ перешель вѣ Пфоршскую школу, и здѣсь-то образовалса вѣ немѣ человекѣ и стихотворецѣ. Клопштокѣ прилѣжно занялса древними языками, спаралса подробно уэнавашь достоинства классическихъ сочиненїй, замѣшилѣ, что они суть истинные образцы изящесства, и рѣшишельно захошѣль подрашашь имѣ. Онѣ писалѣ для упражненїя стихи и прозу, и между прочими опытами сочинялѣ пастушескїя стихотворенїя, которыя вѣ то время были вѣ особливомѣ уваженїи у молодыхъ Нѣмецкихъ поэтовѣ. Клопштокѣ не читалѣ много книгѣ; но самыя лучшїя, избранныя читалѣ съ великимѣ прилѣжанїемъ и внимательностїю. Всего же больше любилѣ онѣ занимашься разсмаприванїемъ человекѣа вѣ различныхъ его опношенїяхѣ.

Еще будучи вѣ школѣ Клопштокѣ вознамѣрилса пишашь большую эпическую поэму. Высокое мнѣнїе о достоинствѣ Эне-

иды *Виргиліевой*; прїятная мысль о приобрѣщенїи равной славы; любовь къ отечеству, возбуждавшая непреодолимое желаніе произвести нѣчто такое, чѣмъ бы *Германія* не уступала прочимъ государствамъ *Европы*; негодованіе, родившееся при чтенїи одной *Французской* книги, въ которой написано было, будто *Нѣмцы* не имѣютъ творческаго дара; увѣренность въ силу собственного ума своего и способностей: вотъ что принудило юнаго *Клопшпока* отважиться на столь великое дѣло. Долго искалъ онъ героя; хотѣлъ было прославлять *Императора Генриха*, но раздумалъ, и наконецъ рѣшился воспѣть *Мессію*. *Клопшпокъ* тогда еще не былъ знакомъ съ *Мильпоновымъ Потеряннымъ Раемъ*, которымъ занимался попомъ долгое время и весьма прилѣжно.

Въ 1745 году *Клопшпокъ* приѣхалъ въ *Университетъ Енскій*. Тамъ посвятивъ себя *Теологїи*, сочинилъ три первыя пѣсни *Мессїады* прозою; ибо ямбы и строхи показались ему неудобными. Скоро почувствовалъ онъ, что въ гармонїи далеко отсталъ отъ *Гомера* и *Виргилїя*; выдумывалъ способы удалить сей недостатокъ, и рѣшился въ трудномъ семъ дѣлѣ подражать великимъ образцамъ древности. Для опыта написавши одну спра-

ницу гекзаметрами, вознамѣрился' дать всей поэмѣ такую же наружность. Клопшпокъ показалъ примѣръ Нѣмцамъ сочинять гекзаметры на природномъ своемъ языкѣ.

Въ слѣдующемъ году поэтъ нашъ отправился въ Лейпцигъ. Здѣсь познакомился онъ съ молодыми любителями стихотворства, которые, составивъ изъ себя ученое общество, читали свои сочиненія, дѣлали на нихъ критическія замѣчанія, и печатали въ Бременскомъ изданіи, гдѣ въ первой разѣ явились нѣкоторыя хорошія оды Клопшпоковы и три пѣсни Мессіады. Членами сего общества были: Гершнеръ, Крамеръ, Шлегель, Рабенеръ, Захаріе, Гизеке и другіе. Нѣмецкой вкусъ тогда еще былъ не образованъ, и народъ не пригошвленъ чувствовать красоты въ твореніяхъ великаго пѣснопѣвца; однакожь нашлись люди, умѣвшіе цѣнить ихъ по достоинству.

Изъ Лейпцига въ 1748 году Клопшпокъ поѣхалъ въ Лангенсальцу, гдѣ взялъ на себя должность учителя въ домѣ одного своего родственника. Тамъ плѣнился онъ сестрою Шмидша, съ которою прежде еще имѣлъ переписку, и которую пошомъ прославилъ подъ именемъ *Фанни* въ сво-

ихъ одахъ. Неудачная любовь, а можетъ быть всегдашнее прилѣжаніе и размышленіе о тайнственныя предметахъ погрузили его въ уныніе, коего слѣды видны въ тогдашнихъ его сочиненіяхъ, и которое мало по малу исчезло, но не прежде какъ по долготѣшномъ путешествіи и разныхъ перемѣнахъ обшояшельствъ.

Мессіада въ короткое время возбудила всеобщее вниманіе; повсюду явилось множество друзей и враговъ, хвалящихъ и порицающихъ. Благочестивые люди полюбили сію поэму особливо за то, что преподавая разуму правила вѣры, она вмѣстѣ трогала и сердце. Молодые проповѣдники читали ее на своихъ кафедрахъ, и Клопштоково имя произносили послѣ священныхъ именъ пророческихъ; но пожилые Теологи думали, что вымыслы въ сей поэме находящіеся неприличны свящности вѣры, что въ ней священная исторія смѣшана съ баснями, и что она опасна для православія. Одинъ сельской священникъ нарочно приходилъ къ поэту именемъ Божіимъ просить его, чтобы опадшаго ангела Абадонну не вздумалъ въ послѣдующихъ пѣсняхъ изобразить блаженнымъ. Крипикки неупомимо писали въ журналахъ и въ особыхъ книгахъ о новой эпопее; ругали ее и защищали; но всѣ

ихъ сочиненія о Мессіадѣ, выключая Лессингово, Гессово и немногихъ другихъ, никуда не годятся. Послѣдователи Гопшеда, крича изо всей силы, старались унижить поэму; Швейцарскіе кришики, непріятели Саксонскихъ, защищали ее и хвалили. Бодмеръ, почитатель и переводчикъ Мильшона, горячо вступился за Нѣмецкую эпопею; сего-то знаменишаго кришика голосъ разпространилъ славу Мессіады. Клопштокъ спокойно пользовался разными сужденіями, казался ничего незамѣчающимъ, и не вѣшался въ споры.

По приглашенію Бодмера и друзей его 1750 года Клопштокъ отправился въ Цирихъ, вмѣстѣ съ философомъ Сульцеромъ. Поэтъ жилъ въ домѣ Бодмера, +которой смотрѣлъ на гостя своего не иначе какъ на священнаго пѣснопѣвца, или на вѣщозавѣшнаго пророка. Слава разгласила объ его имени даже за высокими горами Швейцарскими, и двѣ дѣвушки изъ Гларуса приѣзжали въ Цирихъ единственно для того, чшобъ увидѣть творца Мессіады. Клопштокъ путешествовалъ по разнымъ кантонамъ. На Швейцарской землѣ родились въ немъ возвышенныя мысли объ отечествѣ, свободѣ и о Германнѣ, храбромъ ихъ защитникѣ. Онъ любилъ Швейцарію, и едва-было не остался навсегда ея гражданиномъ.

Берншторфенъ , Дашскій посланникъ въ Парижъ , прочитавъ три пѣсни Мессіады , и узнавши о состоянїи пѣснопѣвца писалъ въ Копенгагенъ къ Министру Шулину , а по возвращенїи своемъ изъ Парижа лично просилъ Оберъ - Гофмаршала Молшке , своего друга и Королевскаго любимца , чтобы Клопштока призывали въ Данїю . Сїи Министры писали къ поэту , обѣщая исходатайствовать ему достапочное жалованье , которымъ довольствуясь онъ могъ бы всего себя посвящать своей Музѣ . Клопштокъ поѣхалъ въ Данїю весною 1751 года . Пробѣгая черезъ Гамбургъ познакомился съ весьма умною дѣвицею , извѣсною Цидли (*), спрасшною почтапельницею Мессіады . Знакомство сіе скоро превратилось въ нѣжную любовь , которую Клопштокъ воспѣлъ въ своихъ одахъ .

Поэтъ жилъ въ Копенгагенѣ уединенно , питая духъ свой шворенїями Юнга и Ричардсона . Постоянная переписка между имъ и нѣжною Цидли укрѣпляла узы взаимной спрасши . Молшке часто представлялъ Клопштока Королю , которой оп-

---

(*) Собственное имя ея было *Маргарита* , или , по нижнесаксонскому произношенїю , *Мета - Моллеръ* .

лично уважалъ его, не принимая во плямя враговъ Мессіады. Въ 1752 году, когда Король предпринялъ путешешствіе въ Голштинію, Клопштокъ воспользовался симъ случаемъ побывашъ въ Гамбургѣ. Тамъ провелъ онъ цѣлое лѣто подлѣ своей Цидли. Счастливое время сіе, любви и Музамъ посвященное, можно почишати самымъ лучшимъ и обильнѣйшимъ въ жизни пѣснопѣца; ибо тогда сочинилъ онъ прекраснѣйшіе стихи лирическіе. Слѣдующій годъ весь провелъ онъ въ Даніи. Лѣтомъ 1754го опять посѣшилъ Гамбургъ, и женился на своей возлюбленной. Не долго наслаждался Клопштокъ своимъ счастьемъ; смерть лишила его нѣжной супруги. До поздней старости Клопштокъ хранилъ ее въ своей памяти, часто посѣщалъ могилу ея въ Опшенсенѣ недалеко отъ Гамбурга, и назначилъ мѣсто для себя подлѣ ея гроба.

До 1771 года Клопштокъ обыкновенно жилъ въ Копенгагенѣ; потомъ переселился въ Гамбургъ, и носилъ на себѣ званіе Совѣтника Дашскаго посольства. Онъ имѣлъ сверхъ того чинъ Надворнаго Совѣтника, пожалованный ему нынѣшнимъ Гроссв-Герцогомъ Баденскимъ Фридрихомъ, по приглашенію коего Клопштокъ въ 1775 году прожилъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Карлсруте.

Сколько глубоко и важенъ Клопшюнкъ въ своихъ сочиненїяхъ, столько былъ веселъ въ обществѣ. Апшическая соль безпрестанно лилась изъ устъ его, Онъ любилъ забавлять прїятыми шутками; выражалъ мысли свои какъ стихотворецъ, богатымъ воображенїемъ одаренный; 결코 не шутилъ; спорилъ осторожно, и терпѣливо слушалъ прошиворѣчїя. По прямотѣ своей удалялся отъ знакомства со знашными; уважалъ породу и чины, но еще болѣе уважалъ человека. Зимнее время, когда шакаются по льду на конькахъ, было для него самымъ прїятнѣйшимъ; сїю забаву защищалъ онъ и распространялъ старался съ неутомимою ревностїю.

До масшшой старости пѣснопѣвецъ не лищался вдохновенїя, и священные звуки лиры его раздавались. Нравъ его и мнѣнїя, на правилахъ вѣры основанныя, остались непремѣнными до самой смерти. Твердое упованїе на Бога укрѣпляло душу его, и сообщало ей ненарушимое спокойствїе; утѣшительныя мысли о разлукѣ съ мїромъ, о смерти и безсмертїи были постоянными спутницами его до гроба. До самой зимы 1802 года наслаждался онъ блаженною пишиною. Тогда слабость овладѣла тѣлеснымъ его со-

сѣпавомѣ. По вечерамѣ охотно принималѣ онѣ друзей своихѣ, и пенялѣ имѣ, ежели рѣдко его навѣщали. Въ сѣе послѣднее время жизни, читая свою Мессіаду, онѣ говорилѣ: „не думайте, будто я пересмаприваю свое сочиненіе какѣ стихотворецѣ; нѣтъ, я занимаюсь мыслями, копорыя здѣсь написаны.“ Когда боль отѣ геморроидальныхѣ припадковѣ, уменьшалась, онѣ забывалѣ о своемѣ состояніи, забавлялѣ шутками гостей своихѣ, и попчивалѣ ихѣ вкуснымѣ старымѣ виномѣ, копорымѣ лѣчилъся. Замѣчено, что Клопштокѣ избѣгалѣ случаевѣ говорить о тогдашнихѣ безпокойствахѣ въ Европѣ; напрошивѣ того всегда склонялѣ рѣчь къ приключеніямѣ своей молодости, и къ тому, что имѣло къ нимѣ отношеніе въ старыхѣ лѣтахѣ.

Въ послѣднія недѣли жизни своей онѣ совершенно уединился; часто посылалѣ къ друзьямѣ ласковыя привѣтствія; но уже ни съ кѣмѣ не видался. Благочестивыя мысли о жизни и смерти были тогда единственнымѣ его упражненіемѣ. Тотѣ же величественный призракѣ Ангела смерти, тотѣ же утѣшительный образѣ могилы, тотѣ же восхищительныя картины другой, лучшей жизни, въ минувшыя воспора нѣкогда оживотворявшіе младаго гѣсноплѣвца; и нынѣ передѣ опверзшимѣ

уже гробомъ носились надъ главою вдохновеннаго спарца. Въ послѣднее время пятгоспной борьбы съ увеличивающимся сипраданіемъ, Клопшшокъ поднялся на одрѣ своемъ, сложилъ руки, возвелъ къ небу взоры, и преисполненный совершеннымъ упованіемъ произнесъ достопамятныя слова Священнаго Писанія, въ одной изъ одъ его помѣщенныя: „забудетъ ли жена о младенцѣ своемъ, и не сжалился надъ чадомъ своя плоти? Еслибъ она и забыла, я не забуду о немъ. Зри, се имя его на рукахъ моихъ написано.“ Такъ, друзья мои! прибавилъ Клопшшокъ, смошря на окружающихъ его домашнихъ взоромъ любви и утѣшенія: всѣ мы на рукѣ Господней написаны.“ Онъ скончался 14 Марта 1803 года. Ни одинъ изъ Нѣмецкихъ ученыхъ мужей не удостоился такого почтительнаго и великолѣпнаго погребенія.

Трудно описать отличительныя черты Клопшшковой Музы. Ни съ кѣмъ изъ великихъ пѣснопѣвцовъ сравнивать его не можно: онъ одинъ, и только самъ на себя походитъ. Все что ни написалъ Клопшшокъ, велико, возвышенно, сильно; все имѣетъ на себѣ признаки ума творческаго; вездѣ богатство пылкаго воображенія и полноша сердца; и въ духовныхъ гимнахъ, и въ пѣсняхъ на образецъ древнихъ

бардовъ, и въ одахъ любовь къ отечеству и дружбу изображающихъ, пареніе ума его недостигаемо. Въ Мессіядѣ Клопштокъ изумляетъ языкомъ Херувимскимъ; въ трагическихъ сочиненіяхъ потрясаетъ душу изображеніемъ спрасшей человѣческихъ. Онъ жилъ въ неизмѣримомъ царствѣ фантазіи, и что видѣлъ шамъ своими умственными очами, то выразилъ на языкѣ человѣческомъ, однакожъ не на томъ какимъ говорятъ обыкновенные люди. Добродѣтели и пороки представлялись ему въ увеличенномъ видѣ. Добродѣтельный человѣкъ здѣшняго мѣра никогда не достигнетъ той степени благодущія, на которую указываетъ ему Клопштокъ; злодѣй видитъ, что онъ только ученикъ, и никогда самого себя не узнаетъ въ лицахъ, Клопштокомъ изображенныхъ. Вотъ что послужило поводомъ ко многимъ недоразумѣніямъ; вотъ почему Клопштока называли невразумительнымъ, тогда какъ онъ говорилъ очень ясно.

Мессіада на всегда пребудетъ памятникомъ славы. Она состоитъ изъ двадцати пѣсней, и содержитъ въ себѣ исторію искупленія человѣческаго рода. Сыны Германіи могутъ хвалиться, что ни одному изъ новыхъ народовъ не уступающъ въ высокой эпической поэмѣ, и что нѣко-

порыхъ еще превзошли въ сей прудной части словесности. О достоинствѣ одѣ Клопштоковыхъ никто несомнѣвается; онѣ вылились изъ души мудреца, копорой воспѣвалъ истины полезныя и необходимыя для человека благомыслящаго, такую степень и мѣсто ни занималъ бы онѣ въ обществѣ. Духовныя пѣсни его преисполнены благочестіемъ, вѣрою и любовію. Слогъ ихъ простъ и легокъ.

Имя въ виду великія преимущества сего эпическаго поэта, забывающѣ о драматическихъ его сочиненіяхъ, копорыя однакожъ достойны уваженія. Въ нихъ есть много пищи и для сердца, и для разума, и для воображенія. Кто знакомъ съ великими образцами театра Греческаго и Бришпанскаго, тотъ найдетъ чему удивляться и въ Клопштоковыхъ трагедіяхъ, хотя онѣ писаны безъ подражанія, и ни съ какими другими не сходны. Послѣ первой его небольшой трагедіи *Смерть Адамова*, весьма удачно переложенной въ стихи Глеймомъ, изданы другія двѣ, ямбами писанныя: *Соломонъ* и *Давидъ*; потомъ еще три, изъ коихъ послѣднія служатъ продолженіемъ первой: *Германова битва*, *Германъ и Князь*, и *Смерть Германова*. Въ сихъ трехъ сочиненіяхъ драматическихъ изображены подвиги и

кончина Арминія или Германна, славнаго вождя Херусковъ, котораго помнитъ Германія за храброе сопротивленіе Римлянамъ.

Клопшпокъ, великій Поэтъ, былъ и великимъ Грамматикомъ. Съ неупомимымъ прилѣжаніемъ онъ читалъ все что писано было о языкѣ; сравнивалъ и пользовался. Крипическія замѣчанія его о гармоніи и мѣрѣ слоговъ, Грамматицескіе разговоры и другія подобныя сочиненія заслужили общее вниманіе. Выписывая примѣры изъ Греческихъ и Римскихъ сочинителей и переводя ихъ на свой отечественной языкъ, онъ старался доказывать, что сей языкъ неуступитъ древнимъ въ краткости, силѣ, выпренности и благозвучіи. Такое усердіе къ чести и славѣ природнаго языка достойно подражанія.

К.

IV.

Разстройство семейственнаго согласія.

+ Жилъ мужъ въ согласіи съ женой,
И въ домѣ ихъ ни что любви не нарушало.
Ребенокъ, моська, котъ, сурокъ и чижъ
ручной

Въ такомъ ладу, каковаго не бывало

И въ самомъ Ноевомъ ковчегѣ никогда!

Но вошѣ бѣда!

Случился праздникъ — мужъ хлѣбнулъ, и въ
споръ съ женою!

Чѣмъ кончилось? Онъ далъ возлюбленной
попалка!

Жена сбѣчь сына; сынъ бить моську; мось-
ка съ бою

Душитъ и мять коша; котъ лапкою сурка;

Сурокъ перекусилъ чижу съ досады шею!

*

Не рѣдко цѣлый край одинъ глупецъ смущалъ!

Не рѣдко безъ вины безсильный погибалъ

Во мзду могущему злодѣю.

Ж.

V.

Былъ.

На Лизѣ молодой богачъ старикъ женился,
И участью своей онъ не доволенъ былъ.

Что ты задумалась? женѣ онъ говорилъ;

Я право пици всей лишился

Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ меня съ тобой соеди-
нилъ!

Всѣ ты сидишь въ углу; не слышу я ни слова;

А если молвишь что, то вѣчно *вы да вы*.

Дружочикъ, любушка! скажи мнѣ иѣжно: *ты,*

И шаль Турецкая гошова —

При словѣ *шалъ* жена перемѣнила тонъ.
„Какъ *ль* догадливъ сталъ! Подижь скорбе
вонъ.“

В. Пушкинъ.

VI.

Что есть любовь?

+ *Что есть любовь? — Отрада.*
Что есть любовь? Отчаянье сердецъ.
Блаженство — скука и досада,
И жизни гибель — и вѣнецъ.

Qu'est - ce qu'amour? — C'est le bonheur,
Le désespoir et l'aliment du cœur;
C'est l'épine attachée à la rose fleurie,
C'est le poison — le charme de la vie

В. Пушкинъ.

VII.

Э л и г р а м м а.

Змѣя ужалила Маргела. —
„Онъ умеръ? — Нѣтъ, змѣя напрошивъ околѣла.“

В. Пушкинъ.

VIII.

Мысли и замѣчанія.

Способъ извѣснѣннхъ мысли показываеиъ свойство народа и господствующую въ немъ склонность. „Какъ богатъ этотъ человекъ? Онъ имѣеиъ 10,000 фунтовъ стерлинговъ.“ На Англійскомъ языкѣ сей вопросъ и отвѣтъ выражается такимъ образомъ: *how much is the man worth? Чего стоить этотъ человекъ? the man is ten thousand pounds worth. Онъ стоитъ 10,000 ф. с.*

*

Стернъ теорію и практику остроумно сравниваетъ съ Рахилью и Лією: одна красивѣе, другая плодороднѣе.

*

«Плашонъ, возвращаясь отъ двора Діонисія Сиракузскаго, сказалъ: „Я видѣлъ чудовище въ природѣ; видѣлъ человека, копорой по два раза въ одинъ день набѣдался до сыща!“ Что сказалъ бы Плашонъ, побывавши въ домѣ * *?»

*

«Многіе люди достигаютъ до извѣстной высоты, подобно шрубоочистамъ, пробираясь по темнымъ, запачканнымъ мѣстамъ, и замаравшись сажею.

*

Глазъ походитъ на дверь Янусова храма. Когда онъ бываетъ закрытъ, въ то время господствуетъ тишина въ маломъ мірѣ, извѣстномъ подъ названіемъ *человѣка*.

*

Гдѣ жершвенникъ раскаянія? — Сіе божество неимѣетъ собственнаго жершвенника. Богъ брака половину своего успушилъ ему.

*

+ Часто случается, что сочиненія ка-кого-нибудь ученаго мужа, послѣ смерти его издаваемыя, суть не иное что какъ *просительныя письма* оставшихся родственниковъ.

*

Что нынѣшніе Греки, при столь бѣд-спвенномъ состояніи, не совсѣмъ еще забыли о древней славѣ предковъ своихъ, тому доказательствомъ служишь можешь следующее происшествіе:

Англичанинъ Ансонъ, братъ Лорда сего имени, во время путешествія своего по востоку нанялъ судно, на которомъ вознамѣрился отправиться къ острову Тенедосу. Между тѣмъ какъ плыли вдоль берега, кормщикъ, пожилой Грекъ, сказалъ съ веселымъ видомъ: „вотъ здѣсь стоялъ нашъ флотъ!“ — Какой флотъ? спро-

силъ г-нъ Ансонъ. — „Какой флотъ! — отвѣчалъ старикъ съ нѣкоторою досадою — нашъ Греческой флотъ, во время осады Трои.“ Извѣстный Англійскій писатель г-нъ Гаррисъ слышалъ это отъ самаго Ансона.

IX.

У в ѣ д о м л е н і е.

Издатель Вѣстника Европы получилъ отъ господина Коллежскаго Ассессора, Алашурскаго. Городничаго Алексѣя Александровича Солодова, письмо, въ которомъ извѣщаетъ, что послѣ взятія Анапы въ прежнюю войну съ Турками онъ купилъ пятилѣшняго *Сегидъ-Халиля*, сына Майорши Александры Васильевны *Прокофьевой* (см. Вѣстн. Евр. 1808 года № 13 стр. 64), отъ перваго мужа ея рожденнаго; окрестилъ его и воспиталъ при себѣ по возможности. Сынъ сей названъ при крещеніи Александромъ *Трофимовымъ*, и теперь служитъ, какъ вольноопредѣлившійся, въ Симбирскомъ баталіонѣ. Г. Солодовъ прибавляетъ, что малолѣпная дочь г-жи Прокофьевой *Шрифъ-Дудъ* тогда же скончалась. Издатель почищаетъ для себя пріятнѣйшимъ долгомъ довести сіе

успѣшительное открытіе до свѣдѣнія съ-
шующей мапери, и въ то же время засви-
дѣтельствовать господину *Солодову* ис-
креннюю благодарность за поспѣшное
извѣщеніе.

Въ картинкѣ при концѣ книжки пред-
ставляется Улиссъ по возвращеніи своемъ
въ Иѳаку, послѣ двадцатилѣтняго стран-
ствованія, поражающій докучливыхъ жени-
ховъ Пенелопы. Подробное описаніе сего
произшествія находится въ XXII пѣснѣ
Гомеровою Одиссеи.

ПОЛИТИКА.

Х.

Нѣкопоруья извѣстія о восточной Индіи, о прежнемъ и нынѣшнемъ гражданскомъ порядкѣ въ ней, о нравахъ и обычаяхъ ея жителей.

(Взято изъ Indian Recreations.)

Полуостровъ Индостанъ, въ которомъ Европейцы завели свои селенія, лучшія и важнѣйшія изъ всѣхъ на материкѣ въ Азіи находящихся, обширностію почти равенъ Европѣ. Къ востоку и западу граничитъ онъ съ двумя великими рѣками *Бурремлутперомъ* и *Индусомъ*, къ северу съ горами Тибетскими и Ташаріею. Въ древнія времена сія пространная земля, коея большая часть принадлежала къ Монгольской имперіи, имѣла разныя наименованія; слово *Индія* перешло къ Грекамъ отъ Персовъ, и конечно есть новое въ сравненіи съ другими.

Удивленіе всему древнему, за двѣ тысячи лѣтъ передъ симъ, подало случай историкамъ чрезъ мѣру выхвалять выгоды

странъ восточныхъ. Положимъ , что Индѣйцы справедливо присвояютъ себѣ старшинство въ гражданскомъ общежитіи передъ всѣми народами Европы ; однакожь они съ древнихъ временъ ни на одинъ шагъ впередъ не подвинулись какъ въ наукахъ, такъ и въ искусствахъ. Они, подобно Китайцамъ, и теперь стоятъ на той же ступени , на какой находились за 2000 лѣтъ прежде. Въ необходимо нужномъ искусствѣ защищаются Индѣйцы далеко отстали отъ новыхъ народовъ ; и такъ не удивительно, что ихъ побѣждали Персы , Пашаны , Монголы и Европейцы. Тѣ самые Индѣйцы , изъ которыхъ нынѣ составлены подъ начальствомъ Европейцевъ страшныя ополченія , прежде всякому дозволяли покорять богатое свое общество , безъ обороны отдавались во власть пришельцамъ , и никогда не могли на долгое время удержатъ при себѣ своихъ природныхъ государей.

Геродотъ , писавшій за 440 лѣтъ до Рождества Христова , первой упоминаетъ объ Индіи. Тогда одна часть ея уже была покорена Даріемъ , а о другой узнали во время похода Александра Македонскаго ; собранными по сему послѣднему случаю свѣдѣніями руководствовались древніе сочинители *Страбонъ* , *Плиній* , *Арріанъ* и другіе писавшіе объ Индіи. Торговля съ

Индією, для копорой въ древнѣйшія времена путь лежалъ черезъ Тиръ, потомъ производима была Греками, Римлянами и Венеціанами черезъ Александрію; а по открытіи Мыса доброй надежды опять проложена для нее новая дорога. Въ продолженіе сего времени, то есть двухъ тысячъ лѣтъ, нравы и обычаи Индійцевъ очень мало перемѣнились. Древніе описали намъ состояніе наукъ ихъ и художествъ, даже платье и образъ жизни точно такимъ, какимъ теперь находимъ. Между прочимъ они повѣствуютъ, что жители Индіи имѣли весьма нѣжной составъ тѣла, и питались по большей части прозябеніями; что раздѣлялись на племена; что въ каждомъ семействѣ обыкновенно сынъ наследовалъ ремесло отца своего; что мужчины семилѣтняго возраста женились, и непременно на дѣвицъ своего племени; далѣе, что мужчины носили серьги и перстныя башмаки, а знатные сверхъ того еще зонты; что наконецъ они имѣли такіе мечи, копорыми рубить и колоть можно, и что шпильку на лукъ съ помощію ноги натягивали и спускали. Все сіе описаніе объ Индійцахъ совершенно годится и для нынѣшняго времени, равно какъ описанія древнихъ о слоновой ловлѣ и о способѣ дѣлать матерію изъ хлопчатой бумаги.

Спось твердое посшоянство Индїйцевъ въ сохраненїи старинныхъ нравовъ и обычаевъ особенно приписывать надлежитъ ихъ въроисповѣданїю. Въ законахъ Браминской вѣры содержатся всѣ подробности общежитїя, и предписывается исполненїе оныхъ въ ненарушимой точности. И такъ привязанность ихъ къ нравамъ и обычаямъ, будучи на основанїи вѣры утвержденною, сохранилась до нынѣшняго времени. Индїйцы твердо устояли и прошивъ насильства Мусульмановъ и прошивъ убѣжденїй проповѣдниковъ Европейскихъ.

Сначала Индїйцы были въ дикомъ состоянїи, какъ показывають слѣды ихъ испорїи; однакожь Европейцы нашли ихъ уже довольно просвѣщенными. Съ перваго, такъ сказать, открытїя Индїи тамъ были уже фабрики и мануфактуры; богатые и знашныя жишели нашей части свѣта тогда же полюбили Индїйскїя матерїи, и шѣмъ подали случай приобрести великїя богатства людямъ, которые по своему мѣстопробыванїю могли производишь торговлю.

Еще не весьма давно Англичане достали себѣ владѣнїя въ Индїи, и могущество ихъ съ шѣхъ поръ начало возрастать съ безпримѣрною скоростїю. Важ-

ность обладанія землями въ Индостанѣ такъ велика, что Англичане вмѣстѣ съ ними получили нѣкошорую власшь надъ судьбою всего рода человѣческаго, какой никто и никогда еще не имѣлъ на земномъ шарѣ. Англія имѣетъ неиспощимыя, всю Европу удивляющія средства продолжашь войну. Гдѣ же источникъ сихъ средствъ, гдѣ начало ихъ? въ торговлѣ. Чѣмъ они пишаются? торговлею. Въ нынѣшнее время самое бышье Англіи неразрывно сопряжено съ Индійскими ея владѣніями.

Объ исторіи Индійцевъ мы имѣемъ немногія и необстояшельныя извѣстія. Можетъ бышь нѣтъ ни одного народа въ свѣтѣ, кромѣ Кишайцевъ, кошорой бы такъ мало, какъ они, зналъ о своемъ началѣ. Нѣсколько уже лѣтъ отворены для Англичанъ архивы Браминовъ въ Бенаресѣ, и многіе ученые неушомимо трудятся надъ разсмаприваніемъ Санскритскихъ рукописей; не смотря на то до нынѣ не опыскано никакихъ лѣтописей о семъ народѣ. Со времени похода Александра до нашешвія Магомешанъ Индійскіе сочинители ничего несообщили для исторіи. Въ семнадцатомъ тольшїи одинъ мусульманинъ *Феришта*, руководствуясь Персидскими писателями, сочинилъ Ин-

дїйскую исторїю, которая недавно переведена на многіе Европейскіе языки.

Изъ сей книги явствуетъ, что Индостанъ съ древнихъ временъ былъ раздѣленъ на многія независимыя королевства, которыя попомъ соединены подъ господствомъ Магомешанскихъ Императоровъ; но сія взаимная связь была такъ слаба, что Тамерланъ, Шахъ - Надыръ и другіе не встрѣчали сильнаго сопротивленія. Около тысячнаго года, по нашему лѣтосчисленію, Мугаммедъ ворвался въ Индостанъ; ему посчастливилось тамъ основать свое государство, и онъ вознамѣрился утвердить его проливая рѣки крови. Споль же безчеловѣчнымъ образомъ поступали всѣ Магомешанскіе государи восьми разныхъ поколѣній, въ продолженіе семи вѣковъ царствовавшихъ въ Индостанѣ. Въ половинѣ 13 столѣтія цѣлой народъ *Мевалти* изъ 100,000 человекъ состоявшій, преданъ смерти, за то что на землѣ, Магомешанскимъ подданнымъ принадлежавшей, сдѣланы имъ нѣкоторыя хищенія. Позорище споль ужаснаго убійства было въ разстояніи на восемь часовъ отъ Дели. Чтожь должно подумать о несчастіи тѣхъ племенъ Индійскихъ, которыя жили подалѣе отъ столицы?

Въ концѣ 12 столѣтія самой городъ Бенаресъ, главное мѣстопробываніе ученыхъ Браминовъ, было разграблено и предано опустошенію. Съ того времени языкъ Санскритскій началъ выходить изъ употребленія, и наконецъ совершенно пересталъ быть живымъ языкомъ. Еще и въ нынѣшнее время Бенаресъ есть главнымъ общалищемъ наукъ, и одно имя города сего поселяетъ благоговѣніе во всѣхъ народахъ Индійскихъ. Однакожь число людей, умѣющихъ читать Санскритскія книги, нынѣ весьма невелико даже въ Браминскомъ племени, и кажется въ скоромъ времени между Европейцами, живущими въ Индіи, найдется болѣе разумѣющихъ сей священной языкъ, нежели между самими Браминами. Скоро Европейская дѣятельность и въ семъ возметъ верхъ надъ лѣнностію Индійцевъ, отъ которыхъ, въ разсужденіи успѣховъ въ наукахъ, ожидать вовсе нечего.

Въ началѣ 16 вѣка, когда Португальцы приплыли къ берегамъ Индіи, окруживъ Мысъ доброй надежды, вся Делійская Имперія находилась въ такомъ замѣшательствѣ, что дворъ ничего не вѣдалъ о побѣдахъ, одержанныхъ Португальцами надъ приморскими намѣстниками. Спустя пошомъ столѣтій, въ Дели начали говорить

объ Европейцахъ, и *Феришта* повѣ-
 ствуетъ, что въ то время (а въ самомъ
 дѣлѣ сіе случилось за сто лѣтъ прежде)
Европейскіе и *дололоклонники*, такъ на-
 зываешъ онъ *Португальцовъ*, по причи-
 нѣ оплошности *Делійскаго* двора, овладѣли
 нѣкоторыми областями въ *Гузурашѣ*.

Теперь прошло около ста лѣтъ по-
 слѣ того, какъ Имперія великаго Могола
 находилась на вершинѣ своего могущества
 и благосостоянія подъ правленіемъ *Ау-
 ренгзеба*, въ 1707 году умершаго; тогда
 принадлежалъ къ ней почти весь полу-
 островъ по сю сторону Гангеса, и доходы
 ея, по вычисленію извѣстнаго Майора
Реннеля, простирались до тридцати двухъ
 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. По смер-
 ти *Ауренгзеба* два сына его, каждой имѣя
 безчисленное войско, сражались за наслѣд-
 ство; каждой разъ по смерти владѣтеля
 снова начиналась война; наконецъ государ-
 ство пришло въ совершенной упадокъ отъ
 междоусобій. *Сейки*, народъ вышедшій изъ
 горъ восточныхъ и до того времени поч-
 ти вовсе неизвѣстный, располагалъ *Де-
 лійскимъ* иресполомъ по своимъ прихо-
 лямъ. Въ одиннадцать лѣтъ возведено и
 низложено одиннадцать Императоровъ.
 Могущество сихъ Императоровъ такъ ос-
 лабѣло, что намѣстники, въ отдаленныхъ

областяхъ находившіеся , всегда готовы были при первомъ удобномъ случаѣ опказаться отъ зависимости. Такимъ образомъ поступилъ намѣстникъ Пеканскій ; примѣру его послѣдовалъ Субагъ Бенгальскій ; Аудское набобство раздробилось на частии ; Рогилласы, Магомешанской народъ Грузинскаго происхожденія, сдѣлались независимы отъ Имперіи. Съ тѣхъ поръ достоинство Делійскаго Императора стало не инымъ чемъ какъ только шишломъ безъ власти. Не взирая на то , вообще Индійскіе народы и нынѣ еще съ такимъ благоговѣніемъ уважаютъ кровь спаринныхъ своихъ монарховъ , что всѣ похищители неизлишнимъ почишаютъ предпріятія свои подкрѣплять именемъ верховнаго главы Имперіи ; на всѣхъ въ Индіи употребительныхъ монетахъ и теперь еще печатается изображеніе Делійскаго Императора.

По многимъ сраженіямъ, въ новѣйшія времена одержаннымъ Европейцами съ малымъ числомъ войска надъ страшными ополченіями Индійскими , судить можно , какимъ образомъ древніе Греки вездѣ побѣждали безчисленныя толпища Асійскія. Ежелибъ кто не захотѣлъ повѣрить свидѣтельству древнихъ историковъ , касательно чрезвычайнаго неравенства въ чи-

слѣ войскѣ съ обѣихъ споронѣ; по Историі Великихъ Моголовъ можеть служить неоспоримымъ доказательствомъ, что храбрость и воинской порядокъ легко побѣждаютъ многолюдство. Корпусъ Французовъ, почти равный въ числѣ съ войскомъ Александра Великаго, въ короткое время овладѣлъ всею Деканскою страной. Англичане, мало чѣмъ съ большею силою, въ два похода покорили всю Бенгальскую землю съ Аудскою и Багарскою обласями. Сверхъ того извѣстно, что Александръ вышелъ изъ Греціи съ 35,000 человекъ, а возвращался съ 120,000. И нынѣшніе Европейцы такимъ же образомъ воюють въ Индіи: вооружаютъ тамошнихъ жителей и выводятъ въ поле сражаться съ ихъ земляками.

Могущество Англичанъ въ Индіи нынѣ весьма велико. Послѣдніе и сильнѣйшіе непріятели ихъ были. Короли Мизорскіе Гидеръ-Али и сынъ его Типпо-Саибъ. По смерти Саиба и покореніи столицы его цѣлое Королевство Мизорское досталось Англичанамъ. Ежели безпристрастно рассмотримъ поступки ихъ въ Индіи, то окажется, что они не такъ безчестны и не заслуживаютъ столь суроваго порицанія, какъ вообще думаютъ. Природные государи сихъ земель господствовали ши-

рански , съ чрезвычайною жестокостію. Бенгальскій Субагъ , которой велъ себя прошивъ Англичанъ весьма пошудно , былъ ненавидимъ всѣми своими подданными ; его такъ боялись , что никто не смѣлъ подойти къ нему безъ самой крайней нужды. Вельможи государственные , всѣ безъ извѣстїя обиженные имъ , сами выдали его въ рѣшишельную минушу ; впрочемъ исторїя Субага во всемъ сходна съ исторїею другихъ земли сея государей. Почти каждое возшествіе на престола есть новое хищничество. Наслѣдство въ правленїи не опредѣляется никакимъ закономъ. Государь въ часъ кончины своей назначаетъ по себѣ преемникомъ роднаго сына , или усыновленнаго князя ; но когда недовольные сильнѣе людей , приверженныхъ наследнику , то немедленно начинается междоусобная война , и до тѣхъ поръ продолжается , пока счастливѣйшій или сильнѣйшій не достанетъ себѣ короны , и въ ту же минушу всѣ *подозрительные* бывающіе преданы смерти. Англичане опшюдь не подражающіе споль безчеловѣчной политикѣ ; сверженному съ престола государю они доставляющіе всѣ возможные выгоды , смотря по обстоятельствомъ , и назначаютъ какъ ему , такъ и потомству его ежегодную пенсію , которую Остш-Индійская компанія выдаетъ всегда исправно ,

даже и тогда какъ люди сїи ведутъ себя неблагоприятно.

Самой сильной и особливо примѣчательной достошной народъ, изъ числа возсставшихъ на развалинахъ Имперіи Великаго Могола, суть *Маратты*. Имя ихъ происходитъ отъ небольшого округа, среди земли ихъ находящагося, которой прежде назывался *Маратомъ*, а нынѣ извѣстенъ подъ именемъ *Ваглана*. Основателемъ государства сего почитаютъ нѣкоего *Севалие*, бывшаго прежде начальникомъ въ войскѣ одного изъ тамошнихъ владѣльцовъ. Пользуясь внутренними смятеніями, онъ сдѣлался независимымъ, и въ усилкахъ своихъ имѣлъ такое счастье, что еще до царствованія *Ауренгзеба* уже былъ страшенъ для Великаго Могола. Однакожь большую часть земель покорилъ онъ послѣ смерти *Ауренгзеба* и во время кровопролитныхъ междоусобій, тогда свирѣпствовавшихъ въ Имперіи. При наслѣдникѣ его царство *Мараттовъ* чрезвычайно разширилось, и почти всѣ обласи въ Бенгалахъ и въ Индостанѣ, смежныя съ онымъ, часто были опустошаемы симъ сильнымъ народомъ. Въ 1718 году Маратты отъ самаго Великаго Могола потребовали ежегодной дани, сосставлявшей четвертую часть его доходовъ. Въ 1742 году 80,000 Мараттскихъ всадниковъ вшорг-

лись въ Бенгалы, опустошили всю область и вывезли съ собою неизчислимыя сокровища. Спустя годъ, они опять пришли туда, въ другой разъ опустошили сію несчастную область, и возвратились съ добычею, какую только получить могли.

Внутреннее устройство государства Мараттскаго есть совершенной образецъ феодальной системы во всемъ варварскомъ ея видѣ. Многіе владѣльцы имѣютъ союзъ между собою; всѣ они, или нѣкоторые изъ нихъ, соединяются на известное время для полученія разбойнической добычи; ниже слѣда нѣтъ законовъ, на которыхъ утверждался бы союзъ ихъ. Такое государство при самомъ началѣ своемъ уже несетъ въ себѣ семена разрушенія, и чѣмъ болѣе оно разпространяется, тѣмъ ближе конецъ его. Не задолго передъ симъ, государство Мараттовъ раздѣлилось на двѣ части: одна содержитъ въ себѣ западныя области съ главнымъ городомъ *Пунагомъ*; въ другой принадлежатъ восточныя области, вообще именуемая *Бераръ*, гдѣ главной городъ *Нагпуръ*.

Въ половинѣ минувшаго столѣтія Маратты согласились выгнать изъ Индіи всѣхъ Магометанъ и составить одну общую Монархію. Они успѣли склонить къ союзу всѣхъ владѣльцовъ Браминскаго

исповѣданія, съ 200,000 человекъ выступили противъ Абдаллы, Короля Кандагарскаго, и прешерпбли совершенное поражение, такъ что потеряли не только великое множество солдатъ, но и большую часть военачальниковъ. Съ тѣхъ поръ они отказались отъ своего намѣренія основать одну общую Монархію въ Индіи, и мало по малу могущество ихъ слабѣло. Кажется, предпріятія сего, прежде страшнаго народа нынѣ уже не опасны, пока внутреннее ихъ устройство не переменится. Восточное государство Марашовъ, или Бераръ, теперь не сильно; а западное, или Пунагъ, тогда только можетъ быть страшнымъ, когда явится въ немъ верховный начальникъ, отличными способностями одаренный, который соединилъ бы всѣ малыя независимыя области въ одинъ составъ, и основалъ бы военную Монархію. *Сциндіагъ*, Мараштскій владѣлецъ, въ наше время пытался планъ сей произвести въ дѣйство, завелъ у себя Европейскую тактику, и принялъ къ себѣ въ службу Офицеровъ, служившихъ въ Англійскихъ и Французскихъ войскахъ. Ежели ему и сыну его Давлишъ-Рову посчастливилось въ сѣверной части и западной государства Мараштскаго основать новую Имперію; то спастись можетъ, что въ короткое время она для владѣній

компаніи сдѣлаются страшнѣе всѣхъ , донынѣ бывшихъ въ Индіи.

Области *Агра* и *Дели* , прежде славныя многочисленствомъ своимъ и богатствами , теперь находятся въ самомъ бедственномъ состояніи. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ онѣ были позорищемъ ужаснѣйшихъ опустошеній. Поля остаются невоздѣланными ; ибо несчастные жители не смѣютъ требовать отъ земли болѣе, кромѣ того, что по потребно для пропитанія ; они знаютъ, что малѣйшій избытокъ будетъ оплнать у нихъ сосѣдами , кошорыхъ доходы состоятъ единственно въ пограбленныхъ корысняхъ. Въ столь же бедственномъ состояніи , въ такомъ же непрерывномъ страхѣ находятся жители всѣхъ *Мараттскихъ* владѣній ; потому что тамъ нѣтъ ни законовъ, ни пощонаго правительсва, но ужасное безначаліе господствуетъ.

Сейки , что касается до внутренняго устройства и порядка , во многомъ сходны съ *Мараттами*. У нихъ правленіе союзное республиканское ; Аристократическіе начальники ведутъ безпрестанную войну между собою , и вообще живутъ разбоемъ. Число ихъ такъ велико, что они могутъ выставить 100,000 человекъ, дробиками, ружьями и саблями вооруженныхъ. Желаю-

щій бышь приняшымъ въ ихъ общество долженъ дашь обязательство, что всѣми силами будетъ прошивишься верховному единоначалію. Прежде они имѣли одну вѣру съ природными Индѣйцами; нынѣ исповѣданіе ихъ подходитъ ближе къ деизму. Сейковъ назвашь можно Индѣйскими реформашами. Они признають единого Бога, Творца міра; не имѣють никакихъ образовъ, ни кумировъ, и не преслѣдують никого за вѣру. Главное мѣстопробываніе ихъ есть область *Паніабъ*, или *Лагоръ*, въ южной сторонѣ отъ Катемира, прекраснѣйшей и плодоноснѣйшей земли въ Индіи.

Калькутта есть главной городъ Англійскихъ владѣній въ Индіи, и находится въ Бенгальской области. Красивой видъ его предспавляетъ восхишительное зрѣлище для чужестранца, въ первой разъ шуда прибжавшаго. Еще не прошло пятидесяти лѣтъ, какъ построена Калькутта, и уже походитъ на обширную столицу. Дома Индѣйцовъ по большей части суть не иное что, какъ хижины; однакожь число ихъ въ немногіе годы увеличилось до невѣроятности. Въ такомъ же содержаніи оказалось приращеніе домовъ Европейскихъ. Въ 1796 году число Индѣйцовъ, живущихъ въ Калькуттѣ, про-

спиралось до 500,000 душъ. Такое размноженіе вопервыхъ приписывать должно тому, что Индѣйцы женятся весьма молодыми и раждають много дѣтей; впрочемъ, что Англійское правительство особливо заботится о сохраненіи личной безопасности и собственности каждаго подданнаго; оно старается доставить ему работу и способы къ пропитанію.

(Будетъ продолженіе.)

ХІ.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ Аргусѣ написано слѣдующее, по случаю провозглашенія Іосифа-Наполеона Королемъ Испанскимъ: „Въ судьбахъ Провидѣнія есть дни, назначенные для возрожденія народовъ. Сіи дни настали для Испаніи; она вознеслась изъ своихъ развалинъ. При несогласіи, раздѣлявшемъ ее, она не могла надѣяться ни на внутреннее правительство свое, ни на внѣшнія связи. Но никогда она такой нужды не имѣла въ твердой полипической системѣ, какъ нынѣ; и сія система не должна была подлежать какому-либо недоразумѣнію. Испанія состоить изъ двухъ частей свѣта, неразрывныхъ между собою по единству проис-

хожденія, вѣроисповѣданій и законовъ, слѣдственно болѣе прошивуположныхъ Англичанамъ, нежели всѣмъ прочимъ народамъ! Въ томъ нѣтъ ничего противнаго свободѣ гражданской, что иносшранной государь на престолѣ восходитъ. Испанцы дѣлаютъ его своимъ природнымъ государемъ. Кто подумаетъ, будто Англія лишилась независимости своей, возложивъ корону на Князя изъ Брауншвейгскаго дому? Равнымъ образомъ Испанія не только ничего не теряетъ, вступая въ бракъ съ новымъ Королемъ своимъ, но еще получаетъ гораздо лучшее приданое и пріятнѣйшія надежды, нежели какія приносили ей когда-либо прежніе родоначальники царскихъ поколѣній.“

Король Іосифъ прибылъ въ Мадридъ 20 Іюля. Извѣстія о происшествіяхъ въ Испаніи весьма несогласны однѣ съ другими. Во Французскомъ Имперскомъ Журналѣ написано, что хотя Англичане и старались произвести безпокойства, однакожь не успѣли въ своихъ предпріятіяхъ, равно и въ покушеніяхъ овладѣть приспанами и флотами Испанскими, и что въ Португалліи они также не имѣли удачи. Напрошивъ того, по другимъ, будто бы изъ Испаніи полученнымъ извѣстіямъ, видно, что число мятежниковъ ежедневно увеличивается. Утверж-

даютъ даже, будто мяшежники учредили у себя Ювшу, или верховное правительство; будто изданы объявленія о желаніи народа бытъ по прежнему въ подданствѣ Короля Карла; будто удаленіе Королевской фамиліи они почищаютъ насильственнымъ и проч. — Еще въ другихъ Вѣдомостяхъ пишутъ, что Англійское правительство ожидаетъ великихъ успѣховъ отъ мяшежей внутри Испаніи, и пошому всѣ готовыя свои войска отправляетъ къ берегамъ Испанскимъ; что съ помощію тридцати-тысячной арміи, назначенной дѣйствовать въ гористыхъ провинціяхъ Астуріи и Галлиціи, вся западная Испанія и Португаллія, куда оружіе и деньги уже посланы, могутъ бытъ возмущены противъ Французовъ. Впрочемъ, взяты всѣ возможные предосторожности задерживать частныя письма, посылаемыя изъ Испаніи; и такъ не удивительно, что о подробностяхъ военныхъ дѣйствій ничего неизвѣстно. Можно только догадываться, что Французскія войска весьма нужны въ Испаніи, судя по разнымъ движеніямъ, во многихъ мѣстахъ замѣчаемымъ. Италіянцы и Французы идутъ съ великою поспѣшностію къ предѣламъ Испанскимъ. Увѣряютъ, что число войскъ, назначенныхъ для подкрѣпленія находящихся въ Испа-

нѣхъ корпусовъ , простирается до 150,000 человекъ. По симъ ли обстоятельству , или по другимъ причинамъ , въ Германіи также примѣрно въ разныхъ мѣстахъ движеніе войскъ Французскихъ. Пишутъ изъ Мемеля, будто къ Прусскому Королю присланъ нарочной съ извѣстіемъ , что Маршалъ Викторъ получилъ повелѣніе обратнo переправиться черезъ Эльбу съ пятидесяти-тысячнымъ своимъ корпусомъ. Даже Польскимъ премъ полкамъ велѣно идти къ рѣкѣ Одеру , кромѣ тѣхъ 8000 человекъ , которые прошли уже черезъ Франкфуртъ , чю на Мейнѣ.

Въ государствахъ , Рейнской Союзъ составляющихъ , весьма дѣятельно производится рекрутскіе наборы ; въ Пруссіи также ; вездѣ оказываются необыкновенныя приготовленія. Миротлюбивые люди , не смотря на слухи о новой войнѣ , будто бы имѣющей начаться въ Европѣ , не вѣрятъ пому , чему вѣрять неприяно. Дай Богъ , чшобъ они не обманулись ; ибо таинственный шонъ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ вѣдомостей и брызгливость Французскаго Монитера ничего утѣшительнаго не обѣщаютъ. Вотъ что , на примѣръ , содержитъ въ одномъ листкѣ Нирнбергскомъ : „Политической свѣщѣ находится теперь въ странномъ положеніи : изъ Франціи ничего важнаго не слышно ; изъ Испаніи не

получается никакихъ извѣстій ; въ Ита-
ліи со стороны Царя оказывается явное
неудовольствіе прошивъ одной сосѣдствен-
ной державы ; въ Австріи только и гово-
рятъ что о поголовномъ вооруженіи,
не объявляя , для чего оно дѣлается ; въ
Германіи собираются лагерями Француз-
скія войска ; о намѣреніяхъ Россіи вовсе
ничего не извѣстно. Между тѣмъ люди
безпокоятся и печалятся ; предчувствіе
новыхъ произшествій тѣснитъ сердце
добраго гражданина ; кажется , что чу-
десная судьба угрожаетъ свѣту. Многіе
думають , что великій ходъ произ-
шествій свѣта, еще не достигшихъ своего
назначенія, въ нынѣшнее время ускоряется ;
что народы очевидно возбуждены и готовы
искать чего-то новаго , и что борьба но-
ваго со старымъ еще не окончана. Нынѣш-
нее время чудесными своими прѣвраще-
ніями испопворило людей ; они уже по
необходимости мечтають , что стран-
ная судьба долженствуетъ настать для
народовъ , и полищическія стихіи свѣта
привести въ новое броженіе. Но другъ
человѣчества, при новыхъ успавахъ и но-
вомъ благороднѣйшемъ образованіи наро-
довъ , видящъ различныя бѣдствія, и про-
ливаетъ слезы ; сердце его предалось бы
радости для будущаго блага народовъ , но
сраданія многихъ гражданъ тѣснятъ его ;

воспоргѣ исчезаетъ , и напоминаетъ ему , что добро вездѣ рождается съ болью.“
Доброй Нѣмецкой журналистѣ предложилъ задачу ; рѣшенія ожидать будемъ опѣ времени.

Въ Монитерѣ напечатано слѣдующее :
„Публицистѣ , повторяя извѣстія чужеспранныхъ листковъ , говоритъ , что Австрійскія войска выходятъ изъ Тріеста и Фіума , и что въ оба сіи мѣста вступятъ войска нѣкоторой сильной державы. Сіе извѣстіе ложно , и выдуманно людьми коварными только для того , чтобы произвести безпокойства , раздражить одну великую державу , и приблизить къ гибели , заставивъ ее дѣйствовать по неосновательнымъ правиламъ. Надобно бы журналистамъ бытъ осторожнѣе , и не разглашать смѣшныхъ и невѣрныхъ извѣстій , даже и тогда , когда бы онѣ находились въ заграничныхъ газетахъ.“

„Журналъ Имперскій говоря , будто Архиканцлеръ (Камбасересъ) отправится въ Германію для введенія новаго порядка , смѣшиваетъ Французскую Имперію съ союзными государствами. Журналъ Имперскій оправдываетъ себя тѣмъ , что сіе извѣстіе распространилось по всей Германіи. Напротивъ того благоразумные люди знаютъ , что всякая новость , взя-

тая изъ чужестранныхъ листковъ и напечатанная во Французскихъ, еще болѣе дѣлается извѣстною, и что сіе служишь не къ чему - либо иному, какъ только къ возбужденію досады и ненависти противъ Франціи.“

„Другія газеты говорятъ, что между Вѣнскимъ и Парижскимъ дворами продолжаются споры о дѣлахъ весьма важныхъ; это ложь. Съ Вѣнскимъ дворомъ спорить намъ не о чемъ. Если сей дворъ внемлетъ полезнымъ совѣтамъ; то онъ будетъ стараться объ измѣненіи раиъ своихъ, о приведеніи мудрыми распоряженіями доходовъ своихъ въ хорошее состояніе, и увидитъ, что поголовное вооруженіе опасно для правительства, а особливо для такого, которое выпускаетъ бумажныя деньги.“

„Сказываютъ, что Американскіе корабли, нагруженные произведеніями селеній новаго свѣта, подъ прикрытіемъ Англійскихъ фрегатовъ, прислали къ берегамъ Австрійскимъ. Это справедливо; однакожь какъ прильвише съ запрещенными товарами суда наши случай ускользнуть отъ бдительности мѣстнаго начальства: то дворъ Вѣнской сдѣлалъ свои распоряженія, чтобы впродъ того не было.“

Австрійская армія простирается до 450,000 человекъ, не считая духъ запасныхъ отдѣленій и земскаго войска.

Теперь уже кажется неподверженным никакому сомнению, что шурина Императора Наполеона, Иоакимъ получитъ Неаполитанскую корону. Сказываютъ, будто она была предложена Лудовику, Голландскому Королю; однакожь сей государь объявилъ, что желаетъ остаться по прежнему. Герцогство Бергское уже присоединено ко Франціи; тѣмъ скорѣе назначатъ вознагражденіе Гроссѣ-Герцогу Иоаниму. Въ Неаполѣ и окрестностяхъ до сихъ поръ все спокойно. Многіе иностранцы, и въ томъ числѣ наши Русскіе, опять посѣщаютъ сію прекрасную землю, охраняемую нынѣ 21 тысячею Неаполитанцевъ, 50 тысячею Французовъ и почти соинею судовъ вооруженныхъ. Въ семъ Королевствѣ на восточномъ берегу живетъ теперь болѣе 63 тысячею Албанцевъ. Предки ихъ мало по малу переправлялись съ противоположнаго берега, и завели здѣсь свои селенія. Пишутъ, будто Неаполитанскіе Короли, не извѣстно по сему ли обстоятельству, или по какому другому, имѣютъ право требовать себѣ нѣкоторыхъ Греческихъ провинцій.

Къ числу происшествій нашего времени, происшествій, которыми удивляться можно, принадлежатъ и слѣдующее:

Во Французскихъ приспаяхъ хватаютьъ и задерживаютъ корабли Сѣверо-Американскіе. Такимъ образомъ недавно поступлено въ Марсели и Бурдо съ Американскими судами; копорыя объявлены законною добычею. Однакожь — написано въ штатъ изъ Франціи — по сему опнюдь не должно думать о несогласіи или о близкой войнѣ съ Сѣверо-Американскимъ правительствомъ. Ибо какъ сіи корабли производили торговлю противную законамъ ихъ опечесива; то и не имють никакого права на защиту оныхъ.

Въ Бреславлѣ, что въ Силезіи, дѣло доходило до великаго мятежа, въ продолженіе котораго съ Директоромъ Полиціи было поступлено весьма неучтиво. Нѣкто напечаталъ сочиненіе, въ которомъ предлагалъ благомыслящимъ согражданамъ способы прокормить бѣдную свою братію, а именно варить кости, какъ и въ другихъ мѣстахъ дѣлается. Попечительный Директоръ Полиціи безденежно роздалъ въ народѣ множество напечатанныхъ экземпляровъ. Простые люди располковали это не къ добру, подумавши, что бѣдныхъ хотять кормить, какъ собакъ, костями. Безпокойство утищено съ помощію Французовъ.

26 Августа.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ, 1808.

№ 18.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О предразсудкахъ.

Много было писано и говорено противъ господствующихъ предразсудковъ. Утверждали, что всякой предразсудокъ есть заблужденіе, и что чѣмъ будутъ просвѣщеннѣе люди, тѣмъ менѣе останетсѣ предразсудковъ. Справное умствованіе! Хотѣшь управляшь людьми, какъ смиренными овцами, снявши съ нихъ узы, которыя не дозволяютъ имъ быть свирѣпыми шиграми!

Не спорю, что есть предразсудки жалости достойныя, смѣшныя и даже пагубныя. Не спорю, что благошворная философія освободила насъ отъ многихъ суевѣрныхъ ужасовъ, которыя превворяли человека въ несмысленное животное; что

она разгнала призраки очарованій, колдуновъ, мершвецовъ и астрологій; что наконецъ смягчила наши нравы, приучила насъ къ упражненію въ полезныхъ изслѣдованіяхъ, извяснила намъ права наши и обязанности. Такъ, философія оказала великія благодѣянія роду человѣческому, расшоргнувши оковы невѣжества и суевѣрія: но философы на семъ не остановились; будто бы желая испребишь предразсудки, они вздумали доискиваться до самыхъ началъ, такъ называемыхъ, гражданскихъ правъ нашихъ, священнѣйшихъ должностей, сокровеннѣйшихъ чувствованій сердца. Хорошо ли они сдѣлали? Успѣли ль они въ своемъ предпріятіи? Достойны ли они друзьями нашими называться?

Кто усомнился бы отвѣчать на сій вопросъ отрицательно, тотъ конечно вооружилъ бы противъ себя цѣлую Европу. Она сказала бы ему: „Разсмотри, что происходило во всѣхъ странахъ, гдѣ принимались все испытывать, все раздроблять, изслѣдывать все, начиная отъ мірскихъ наукъ до ученія вѣры, отъ метафизики до произведеній изящной словесности, отъ музыки до нравственности, отъ важнѣйшихъ предметовъ до самыхъ бездѣлокъ, и близкое къ намъ и совершенно постороннее: чѣмъ обыкновенно такія

изслѣдованія оканчивались? Броженіемъ умовъ, учеными вычисленіями личныхъ выгодъ, совершеннымъ равнодушіемъ къ должностямъ своимъ, честолюбивыми за-пѣями, разгорячавшими самыя холодныя головы, духомъ неповиновенія, вкравшимся даже въ людей правдолюбивыхъ и честныхъ. Вотъ плоды губельныхъ предпріяшій изслѣдывать всѣ наши чувствованія, раздроблять всѣ мнѣнія, разрушать всѣ предрасудки. . . .“

Союзы, сопрягающіе взаимно людей между собою, большею частію суть не что иное, какъ *предрасудки*; ибо *предрасудокъ*, говоритъ логика, есть *разсужденіе*, составившееся безъ предварительнаго изслѣдованія той вещи, о которой разсуждаемъ: однакожь это не значитъ рѣшишельно, будто сіе разсужденіе прошивно разуму, но только что разумъ не имѣлъ въ немъ участія. Такимъ образомъ дѣпская любовь, уваженіе законовъ, повиновеніе, стремленіе ко славѣ, правдолюбіе, благодарность и другія чувствованія, возбуждаемыя въ насъ насшавленіемъ, примѣрами, движеніемъ собственнаго сердца, безъ предварительныхъ съ нашей стороны умствованій, безъ изслѣдованій разума, суть не что иное, какъ предрасудки. Но кто назоветъ ихъ заблужденіями?

Человѣкъ прежде ощущаетъ, потомъ уже мыслитъ; прежде подражаетъ, потомъ судитъ. Приличнѣе назвать его питомцемъ впечатлѣній, нежели питомцемъ разума. Природа назначила его бытъ вмѣстѣлищемъ предразсудковъ.

Предразсудки — возьмемъ слово сѣе въ значеніи не столь пространномъ, но болѣе точномъ — суть понятія необдуманнаго, производимыя въ насъ обстоятельствомъ и по обстоятельствомъ же измѣняющіяся. Мы бываемъ крѣпко привязаны къ нѣкоторымъ мнѣніямъ, свойственнымъ сложенію нашего тѣла, нашимъ привычкамъ, впечатлѣніямъ съ младенческихъ лѣтъ полученнымъ; однакъоже многіе случаи не рѣдко заставляющъ насъ отказываться отъ прежнихъ мнѣній, и мы почти всегда отказываемся отъ нихъ, принимаемъ другія, потомъ и сѣи оставляемъ при перемѣнившихся обстоятельствахъ; короче, предразсудки перемѣняются въ людяхъ съ возрастомъ, со званіемъ, съ привычками.

Таковъ ли человекъ въ пятнадцать лѣтъ, каковъ бываетъ въ тридцать, въ пятьдесятъ и далѣе? Въ цвѣтущей юности все является намъ въ прелестномъ видѣ; мы смотримъ на мужчинъ, на женщинъ, на всѣ предметы сквозь очарователь-

ную призму воображенія. Всѣ женщины кажутся намъ богатыми, всѣ мужчины друзьями нашими . . . Въ тридцать лѣтъ картина перемѣняется. Въ пятьдесятъ лѣтъ, краски ея, увы! почти совсѣмъ спираются. Мрачная недовѣрчивость заступаетъ мѣсто свѣтлыхъ призраковъ надежды.

Предразсудки одной земли совершенно отличны отъ предразсудковъ другой. Представьте себѣ, что въ нѣкоторой странѣ обвиняютъ женщинъ въ оправленіи мужей ихъ; одна изъ нихъ рѣшается умереть вмѣстѣ съ мужемъ, желая доказать свою невѣрность: вотъ начало костровъ *Малабарскихъ*. Вообразите, что въ другой странѣ обитаетъ народъ веселый и насмѣшливый, склонный къ волокитству и злобный; тамъ каждой мужчина почищаетъ жестокимъ прошиву себя поступкомъ всякую ласку, женѣ его оказанную: вотъ начало того *безчестія*, которое мужья охотно снимаютъ на себя за невѣрность женъ своихъ.

Предразсудки рождаются отъ одной причины и отъ многихъ; они могутъ быть и полезны и опасны, могутъ совершенствуя врожденные склонности *человѣка* ослаблять должности *гражданина*, и на

оборотъ, возвышая должности гражданина превращая добрыя склонности сердца; наконецъ они могутъ быть хорошими въ одно время, и пагубными въ другое.

Брусы, убивая одинъ сына своего, другой своего благодѣтеля, руководствовались предразсудками гражданина, и забыли о врожденныхъ склонностяхъ сердца.

Меценатъ и Агриппа охотно пожертвовали бы своимъ богатствомъ, свободою и жизнью любви къ Августу.

Предразсудки народа, въ земледельствѣ упражняющагося, несходны съ предразсудками народа торговаго. Военный народъ мыслитъ неодинаково съ народомъ миролюбивымъ. Примѣровъ насчитать можно было бы очень много: пускай отгадываютъ ихъ сами читатели.

Говорятъ, что время невѣжества есть время и предразсудковъ; весьма справедливо. Но если сказать, что вѣки просвѣщенія совершенно свободны отъ предразсудковъ; то сіе было бы съ правдою все несовмѣстно. Мы видѣли людей, которые почитали себя весьма просвѣщенными, не вѣровали въ Бога, отвергали возможность чудесныхъ событій, и — вѣрили Каліостру, клялись, что ужинали съ Клеопатрою и Генрихомъ IV. Мы видѣли

и другихъ еще, которые почитаютъ себя совершенно свободными отъ всякаго суевѣрїя и предразсудковъ; между тѣмъ сіи господа съ жадностїю слушаютъ уроки Докшора Галля, сказки Месмеровы и предвѣщанїя Лафатеровы.

Когда предразсудки, законодателямъ производимые или направляемые имъ къ цѣли общаго блага, бывають слѣдствїемъ глубокой мудрости; тогда они столько же полезны, какъ и самыя благоразумнѣйшія узаконенїя, и даже могутъ заступить мѣсто сихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ во времена феодальнаго правленїя предразсудки о благородствѣ не менѣе произвели знаменитыхъ подвиговъ, какъ и любовь къ отечеству въ древнихъ республикахъ. Но когда, они превращаясь и ослабѣють; когда, измѣненные разными понятїями и новыми нравами, они сдѣлаются уже только старинными привычками, а не правилами уваженїя достойными: тогда не ожидайте отъ нихъ добрыхъ слѣдствїей. Не за долго до внутреннихъ мятежей во Франціи одинъ умной человекъ сказалъ о дворянахъ, нѣгою и роскошью испорченныхъ: *они телерь не что иное, какъ тѣнь своихъ предковъ*; отъ того предразсудки, на которыхъ права дворянства были основаны, потеряли цѣлу свою въ народѣ.

Есть простое и вѣрное средство узнать достоинство предрасудковъ: надобно изслѣдовать, отъ добра, или отъ зла происходятъ они, какъ въ природѣ человеческой, такъ въ общемъ гражданскомъ порядкѣ и частномъ устройствѣ государственномъ; надобно разсмотрѣть, есть ли соотвѣстственность между начальными причинами предрасудковъ и слѣдствіями ихъ въ нынѣшнихъ нравахъ. Законодатель долженъ вводить, исправлять или искоренять нѣкоторыя предрасудки, смотря по времени и по нравамъ; но для сего потребна крайняя осторожность. Горе повелителямъ народовъ, горе законодателямъ, которые вооружаются противъ укоренившихся предрасудковъ, будучи не въ силахъ побѣдить ихъ!

„Люди ни чѣмъ такъ не обижаются, говоритъ Монтезкій, какъ нападеніемъ на ихъ предрасудки. Спрашивается приписывать ихъ — это значитъ, что вы ихъ нѣсколько уважаете; допрогиваетесь до предрасудковъ — явной знакъ, что ихъ презираете. Сенатъ Римскій оказалъ нѣкоторыя почести Цесарю; Диктаторъ не захотѣлъ подняться съ мѣсна: тогда знаменитѣйшіе Сенаторы начали терять свое терпѣніе.“

II.

РАЗГОВОРЪ

ОТЦА СЪ СЫНОМЪ (*).

ОТЦЪ.

Чѣмъ заняшъ ты, мой другъ ?

СЫНЪ.

Я въ мысляхъ разсуждаю ;

Я сердце, умъ въ себѣ безмолвно вопрошаю

Предъ цвѣтомъ сей земли, предъ блескомъ
сихъ небесъ :

Кто солнце въ высоту рукою силъ вознесъ ?

Кто быстро покатилъ его чрезъ кругъ не-
бесный ,

Назначивъ и ему въ пути предѣлъ извѣстный ?

Кто движетъ на осяхъ безчисленны шары ,

И звѣзды бѣглыя (**) и стройныя міры

Съ тѣлами спутниковъ, планетамъ въ слѣдъ
летающихъ ,

И солнце лучъ принявъ на тѣнь міровъ свѣ-
тящихъ ?

И кто уставъ изрекъ : да тысячи свѣтилъ

Во вѣкъ не преспаютъ отъ гнета тайныхъ
силъ ,

Стремяся по чертѣ блестящаго ихъ круга,

Другъ друга привлекашь и бѣгаешь другъ отъ
друга ?

(*) Написанный по случаю подобнаго разгово-
ра съ 11-лѣтнимъ воспитанникомъ.

(**) Кометы.

Кто бѣгомъ сихъ свѣпилъ измѣрляъ ночь и
день?

И кто въ полетѣ дней мелькнетъ , и поль-
ко шѣнь

Слѣдовъ невидимыхъ бросаетъ за собою

Въ пропаянный рядъ вѣковъ ? Кто на землѣ
съ судьбою

Народовъ и Царей отъ вѣка предсѣдалъ ,

То царство возносилъ , то царство опускалъ ,

Какъ грозный Океанъ въ приливъ и отливъ ?

Кто движетъ и душой въ ея , ея порывъ

Ко счастью и добру , ко дружбѣ и любви ?

Кто съ силой жизненной сліялъ у насъ въ крови

Частицы всѣхъ стихій , начала разрушенья ?

Кто , словомъ , дѣйствуетъ въ сихъ тайн-
ствахъ творенья ?

О Т Е Ц Ъ .

Ты самъ нарекъ Его : блестящій въ сихъ
чертахъ ,

Единъ и на землѣ , единъ и въ небесахъ !

Кто въ дивномъ таинствѣ вселенной упра-
вляешь ,

Тотъ самъ Себя уму и сердцу открываетъ :

То нашъ Творецъ и Богъ ,

С Ы Н Ъ .

Но свойства Божеска ?

О Т Е Ц Ъ .

Премудрость и любви ,

С Ы Н Ъ .

Гдѣ Царь сей естества ?

О Т Е Ц Ъ.

Превыше всѣхъ небесъ, за ихъ златымъ по-
кровомъ.

С Ы Н Ъ.

Какъ дивный Богъ шворилъ весь міръ ?

О Т Е Ц Ъ.

Единымъ словомъ.

Изрекъ , и произвелъ.

С Ы Н Ъ.

Воздѣйствовалъ святой

Онъ волей для чего ?

О Т Е Ц Ъ.

Узъ благодати одной :

Отъ вѣка было ей угодно размноженъе
Чувствительныхъ существъ, и съ ними про-
славленъе

Себя въ сердцахъ людей.

С Ы Н Ъ.

А требовалъ ли Онъ

Моленій , жертвъ отъ насъ, и далъ ли намъ
законъ

Собой руководить ?

О Т Е Ц Ъ.

Верховный Благодѣтель

Премудро начерталъ на сердцахъ добродѣтель ,
Сей вѣрный образецъ изящныхъ свойствъ Его.
Для тварей и Творца нѣтъ счастья безъ того.
На насъ не возлагалъ Онъ дани поклоненья ;
Но могъ ли смертный самъ не приносить
моленья ,

Моленія любви , предъ общаго Отца ?
Ему покорны всѣхъ чувствительныхъ сердца ;
И гдѣ несчастный родъ людей неблагодарныхъ ,
Которымъ лучъ одинъ отъ солнцевъ луче-
зарныхъ
Всесильныя любви къ ихъ Богу не вдохнулъ ,
И сердца ихъ до слезъ вовѣки не пронулъ ?

С Ы Н Ъ .

Не я несчастный сей , не я , о мой родитель !
Самъ Богъ свидѣтель мнѣ . Еще Міроправитель
Въсемъ образъ святомъ извѣстенъ не былъ мнѣ ;
Еще питалъ въ душѣ я чаянья одинъ ,
Что нѣкто съ вышины небесъ о насъ печется ;
Но сердце ужь мое , я чувствовалъ , влечется
Въ печаляхъ , въ радостяхъ , къ сему Отцу
отцу .

Когда безвинно несъ въ младенчество твое
гнѣвъ ,

Призвать я не умѣлъ Всесущаго въ поруки ;
Но въ скорби и въ слезахъ препещущія руки ,
По чувству тайному , на небо простиралъ ,
И къ Богу моему прибѣжища искалъ .

А въ тѣ златые дни , когда вкушалъ всю
сладость

Прекрасной жизни сей ; когда я видѣлъ радость
Парящихъ на зарѣ къ лучамъ воспокаиницѣ ,
И въ хижинѣ родной веселье милыхъ лицъ ,
Собой , природою и счастьемъ изумленный ,
Я громко восклицалъ : о Солнце , жизнь все-
ленной !

Ты, даръ его любви, отливъ его лучей,
Земля цвѣтущая въ улыбкѣ свѣтлыхъ дней!
Эмальныя поля! подоблачныя горы!
И ты, потокъ златый! и вы, пернатыхъ хоры!
И все что въ воздухѣ, на сушѣ, на водахъ,
Является глазамъ въ божественныхъ черпахъ!
Вѣщайте твари мнѣ, вамъ можетъ быть
извѣстно,
Гдѣ видѣть, гдѣ найти источникъ томъ не-
бесной,
Кѣмъ вы живете всѣ, и кѣмъ я самъ дышу?
Вѣщайте: да къ Царю творенія спѣшу
Предъ тронъ Его принести хвалу благодаренья;
Да сердце излю въ восторгѣ умиленья!

О Т Е Ц Ъ.

Возлюбимъ, о мой другъ! мы Бога сердцемъ
всѣмъ;
Мы дѣти, по любви воззванныя Отцемъ
Изъ тьмы ничтожества на свѣтъ всего тво-
ренья.

С Ы Н Ъ.

Но, ахъ, родитель мой! простишь ли Онъ
сомнѣнья?
Одно я возымѣлъ: какъ сей Великій Богъ,
Споль щедрый, споль благій, предашь насъ
смерти могъ?

О Т Е Ц Ъ.

Гдѣ слабый умъ падетъ, тамъ жезлъ бру-
чаетъ Вѣра.
Ищи опоры сей; но, ахъ! бѣги примѣра

Аже мудрыхъ гордецовъ, которыхъ умъ летѣлъ
Полетомъ дерзостнымъ опаснымъ за предѣл.,
Начертанный ему премудрою рукою;
Дерзалъ покровъ вещей похитить самъ собою;
И тайнствамъ на зло опвергнулъ наконецъ,
Что темно для ума, но ясно для сердецъ.

А знай, о другъ мой! знай, что гордыхъ
Богъ смиряетъ;
Смиранныхъ же сердца самъ вшайнѣ про-
свѣщаетъ.

Такъ! съ духомъ кротости, достойный Сынъ
небесъ

На землю Вѣру намъ сладчайшую принесъ,
И, вѣстникъ Божества, Его повѣдалъ тайну,
Для Бога важную, для смертныхъ чрезвычайну.
О сынъ! изъ устъ моихъ съ любовію вземли,
Что Богъ благовѣстилъ къ народамъ всей
земли.

Низпосланъ съ Вѣрой къ вамъ, рекъ Священ-
вдохновенный;
Спокойтесь страждущи, утѣшались прише-
стиями;

Возрадуйтесь и вы, о добрыя сердца!
Подобье на землѣ Всещедраго Творца.
Возрадуйтесь всѣ! есмь въ бѣдствіяхъ Спа-
ситель.

Вдали, за гробомъ, насъ ждетъ Богъ и Утѣ-
шитель.

Настанетъ славы день, любви и торжества;
Настанетъ, и съ небесъ предвѣстникъ Бо-
жества

Самъ Ангелъ вострубитъ во всѣ концы все-
ленной :

Грядетъ во славу Божью! Онъ къ вѣчности
блаженной

Отвсюду чадъ своихъ возлюбленныхъ зоветъ ,
Да вступятъ и они въ Его безсмертный свѣтъ.
Перуны сихъ словесъ на гробы мертвыхъ
грянутъ ;

Тѣ въ прахъ разсыплются , сіи на свѣтъ
возстанутъ

Во мзду подвѣтныхъ дѣлъ достойный рокъ
пріяшь.

Тогда, тогда самъ Божій, любовь и благодать,
Низыдетъ прежде всѣхъ къ отрадѣ огорчен-
ныхъ ;

Другъ съ другомъ соединитъ по смерти раз-
лученныхъ ;

Возрадуеишь сиротъ, вознѣжишь и дѣтей ,
Ихъ съ лаской приведя на всирѣчу матерей ;
Любящихся сердца и жребій увѣнчаетъ ;

Но крошость съ благостью предъ всѣмъ воз-
величаетъ ;

Обиженныхъ судьбой по сердцу возведетъ ,
Униженныхъ людьми всѣхъ выше вознесетъ ;
Прольетъ чистѣйшій свѣтъ ко славу угнѣ-
тенныхъ ,

И жертвъ , безвинныхъ жертвъ , въ крови
мечемъ сраженныхъ ;

Возрѣнемъ истребитъ пороки, спрассти, зло ;
Явитъ намъ Божество, но вдругъ, сокрывъ чело,

Во гнѣвѣ изречетъ достойну казнь злодѣю,
И въ слѣдъ перуномъ . . .

С Ы Н Ъ.

Нѣтъ; я смертный, и жалѣю!
А Богъ, сей кроткій Богъ ужель не пощадитъ,
Уже ли слабаго съ любовью не проситъ?
Невольно слезы лью! . . .

О Т Е Ц Ъ.

Богъ можетъ все конечно;
Но счастливъ тотъ, мой другъ, кто съ вѣ-
рою сердечной,
И съ памятью однихъ предъ Богомъ чистыхъ
дѣлъ,
Свершивъ печенье дней, на крайній ихъ предѣлъ
Возводитъ ясный взоръ, самъ Бога величаетъ,
И смерсну жизнь въ виду безсмертія кон-
чаетъ.

С Ы Н Ъ.

(Отроческая молитва.)

О Боже праведный! о Боже всеблагой!
Къ Тебѣ моленья гласъ возноситъ отрокъ Твой.
Когда Ты воцаришь въ томъ мірѣ добродѣтель;
Для слабыхъ будь равно отецъ и благодѣтель.
Я зла недѣлаю, злодѣевъ не терплю;
Но и за нихъ Тебя, о Боже мой! молю.
Они мнѣ братія: жалѣть ихъ сердцу сродно.
Сни Тебѣ сыны: да будетъ и угодно
Тебѣ, о Богъ щедротъ! Тебѣ спасенье ихъ.
А я, творя обѣтъ священный въ очахъ Твоихъ,

Любить всегда добро, обѣта не нарушу;
И опровергаю мысль, чтобъ Богъ, мнѣ давшій
душу;
Тотъ Богъ; который насъ для счастья со-
творилъ;
Всему, всему конецъ у гроба положилъ.

Влад. Измайловъ.

III.

Продолженіе вѣлиски изъ жизни Князя Шахоескаго.

Судьбѣ угодно было, чтобы новая дол-
жность моя началась горестнымъ для
меня исполненіемъ важнаго порученія.
Генералъ-Прокуроръ, Князь Трубецкой далъ
мнѣ письменное повелѣніе опривести въ
ссылку несчастныхъ вельможъ и нѣкошо-
рыхъ чиновниковъ, подтвердивъ, чтобы на
разсвѣтѣ слѣдующаго дня никого изъ нихъ
не было уже въ столицѣ. Пришомъ велѣно
мнѣ объявить женамъ ихъ, что ежели хо-
тятъ, могутъ ѣхать въ назначенныя мѣста
вмѣстѣ съ мужьями своими. Сдѣлавши всѣ
нужныя пригошвенія, немедленно побѣжалъ
я въ Пешропавловскую крѣпость. Въ су-
мерьки явился ко мнѣ на главномъ нара-
улѣ гвардейской офицеръ съ донесеніемъ,

что все готово къ отправленію Графа О * *, и что сани уже подвезены къ крыльцу шой казармы, въ которой находился несчастный. Мнѣ надлежало самому лично объявить ему Высочайшую волю, и при своихъ глазахъ его отправить.

Вошедши въ казарму, я увидѣлъ бывшего Кабинетъ-Министра, Графа О * *, лежащаго и громко стонящаго отъ подагры. Онъ съ сокрушеніемъ сердца жаловался о прогнѣваніи Всемилощивѣйшей Государыни, и просилъ, чтобъ я исходатайствовалъ дѣшамъ его великодушное покровительство Ея Величества. Между тѣмъ какъ находившійся шутъ чиновникъ, по данному мнѣ повелѣнію, записывалъ слова бывшего Министра, я объявилъ ему Высочайшій Указъ, а офицеру велѣлъ, поднявъ сего несчастнаго бережно съ постелью, отнести къ санямъ и ѣхать въ назначенное мѣсто. Жена его съ нимъ же отправилась. Не буду описывать мучительной ея горести.

Лишь только успѣли отѣхавъ нѣсколько сажень, какъ другой гвардейской же офицеръ, назначенной препровождать бывшего Оберъ-Госфъ - Маршала Графа Левенгольда, донесъ мнѣ, что и онъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду. Вручивши ему, какъ

и всѣмъ другимъ, письменное наставленіе и сдѣлавъ нужныя приказанія на словахъ, я пошелъ къ заключенному. Въ обширной и темной казармѣ я увидѣлъ человека, въ робости и смятеніи духа обнимающаго мои колѣна, со всклокоченными на головѣ волосами, съ оброслою бородою, съ блѣднымъ лицомъ, со впалыми щеками, въ замаранной одеждѣ. Онъ говорилъ такъ тихо, что я не могъ разслушать рѣчей его. Принявъ его за проспаго колодника, я приказалъ опвески его отъ себя, и спрашивалъ, въ какомъ углу казармы находился бывшій Графъ Левенгольдъ. Услышавъ же, что онъ передо мною, я пораженъ былъ смятеніемъ и горестію. Пропивъ желанія своего я вспомнилъ о прежней жизни Левенгольда: воображенію моему представлялись опличная довѣренность у Двора, богатство, пышность, всеобщее уваженіе; глаза мои видѣли темницу, бѣдность, несчастіе. И со мною то же случилось можешь, думалъ я, и старался укрѣпить себя бодростію. Объявивъ Левенгольду Высочайшій указъ, я велѣлъ офицеру исполнять свое дѣло.

Очередь дошла до Графа Миниха. Идучи къ его казармѣ, я мысленно говорилъ самъ себѣ: „Готовься увидѣть зрѣлище, которое должно научить тебя не-

полагашься ни на разумъ свой, ни на форшуну ! Готовься увидѣшь героя , иѣкогда, съ полною довѣренностію опѣ Монарховъ, начальствовавшаго надъ многочисленными войсками , не одинъ разъ увѣнчаннаго побѣдоносными лаврами , не одинъ разъ въ похвальныхъ одахъ наименованнаго Россійскимъ Сципіономъ ! Того знаменистаго военачальника , коего особу я удоспоиля въ послѣднюю войну съ Турками охраняшь со вѣренными мнѣ эскадронами конной гвардіи , того вельможу , коего милосшей искашь я спарался , того любимца форшуну , копорой Герцога Бирона свергнулъ съ высоты величія , увижу какъ преступника, всѣхъ почестей лишеннаго , по объявленіи опредѣленной ему смертной казни на лобномъ мѣстѣ получившаго прощеніе , и наконецъ отсылаемаго въ дальнѣйшій край Сибири.“ Я мучился представляя себѣ , что найду его расперзаннымъ горесмію.

Минихъ споялъ подлѣ окна ко входу спиною , когда я вошелъ въ казарму. Оборотясь онъ подошелъ ко мнѣ , и ожидалъ , что я говорю спану. Въ быстрыхъ взорахъ его оказывалась та же холодная неустрашимость, какую неоднократно имѣлъ я случай замѣтить во время жаркихъ съ непріятелемъ сраженій. Равнодушіе героя

увеличило во мнѣ къ особѣ его почтеніе, которое однакожь изъясляшь тогда было для меня неприлично и опасно. Я по возможности укрѣпясь бодростію, приступилъ къ исполненію порученнаго мнѣ дѣла. Объявляя указъ, я замѣтилъ на лицѣ Миниха признаки болѣе досады, нежели печали и страха. Онъ выслушалъ слова мои, поднялъ руки свои и взоры къ небу, и сказалъ громко: „Боже! благослови Ея Величество, и Ея царствованіе!“ Потомъ, пошупивъ глаза и помолчавъ нѣсколько, прибавилъ: „Теперь, когда уже мнѣ ни желать, ни ожидать ничего не осмалось, осмѣливаюсь просить только объ одной милости, а именно, чшобы отправленъ былъ со мною пасторъ для сохраненія души моей отъ вѣчной гибели.“ Я отвѣчалъ, что осемъ донесу кому слѣдуетъ. Супруга его, также непоказавшая внутренняго смяшенія духа своего, держа въ рукѣ чайникъ съ приборомъ, ждала минуты отъѣзда. Все было готово, и они отправлены подобно прежнимъ.

Было уже около трехъ часовъ послѣ полуночи. Я усталъ и отъ ходьбы и отъ всего что видѣлъ и слышалъ; но еще оставалось выпроводить Графа Головкина, бывшаго моего благотворителя, искренно мною любимаго и почитаемаго. Съ головою,

наполненною мыслями о прежнемъ благополучіи Министра, объ именинномъ праздникѣ, въ послѣдній разѣ мною проведенномъ въ его домѣ, и о шеперешнемъ его бѣдствennomъ состоянїи, вошелъ я въ казарму. Сердце мое спѣснилось отъ жалости, когда взглянулъ я на сего почтеннаго мужа. По длиннымъ волосамъ, по блѣдному лицу, по слабо движущимся глазамъ едва можно было узнать несчастнаго спрадалца. Онъ горько стоналъ отъ мучившей его подагры и хирагры; сидѣлъ неподвижно, владея только одною рукою. Тогдашнїя обстоятельства необходимо требовали, чтобъ я, исполняя долгъ свой, какъ возможно скрывалъ жалость, копорая на лицѣ моемъ и въ глазахъ ясно изображалась.

Съ прискорбнымъ видомъ выслушавъ объявленный мною указъ, онъ жалостно взглянулъ на меня, и сказалъ: „нынѣ почишаю себя сугубо несчастнымъ, пошому особливо что, будучи воспитанъ въ изобилїи и до сихъ поръ никогда не испытавъ шягости бѣдствїей, шеперь не имѣю силъ для понесенїя оныхъ.“ Я не могъ бы отъ слезъ удержаться, еслибъ въ ту минушю не явился предо мною гвардейскїй офицеръ, присланный отъ Трубецкаго освѣдомиться объ успѣхѣ данныхъ мнѣ прешорученїй. Осталось, кромѣ Головкина, ошправить

еще трех: Каммергера и Президента Коммерцъ-Коллегіи Барона Менгдена, Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника Темиряева и Кабинетнаго Секретаря Яковлева. Я приказалъ донести Министру, что уповаю до разсвѣта всѣхъ выслать изъ столицы. Моего несчастнаго благодѣтеля бережно понесли съ постелью къ санямъ; за нимъ пошла его супруга, которая въ сіе время казалась великодушнѣе своего мужа. Въ слѣдъ за нимъ равнымъ образомъ отправлены и другіе, выше упомянутые; но о нихъ для краткости умалчиваю.

Присутствуя въ главномъ Коммиссаріатѣ въ Москвѣ, я старался по тогдашнему военному времени все исполнять какъ можно поспѣшнѣе. По случаю рекрутскаго набора, приводимы были въ Москву многочисленные команды; отъ чего находилось великое множество больныхъ солдатъ и рекрутовъ въ генеральномъ госпиталѣ, бывшемъ подъ моимъ начальствомъ.

Въ одно время, уже при окончаніи зимы, будучи въ госпиталь, увидѣлъ я нѣсколько дровней съ больными. На вопросъ: куда ихъ везутъ? находившійся тутъ унтеръ-офицеръ отвѣчалъ мнѣ, что сихъ больныхъ въ генеральномъ гос-

пишалъ за шѣснощюю не приняла, и чшо ихъ велѣно обратню везти въ команду. Я въ шужь минушу приказалъ отправишь ихъ въ госпиталь, обнадеживая, чшо больные непременно будутъ приняты. На дворѣ у большаго крыльца стояло еще нѣсколько дровней также съ больными. Докторъ и комиссаръ, встрѣтившииъ меня подлѣ кареты, убѣдительно совѣщавали мнѣ не ходишь далѣе крыльца, пошому чшо отъ множества больныхъ, которыми всѣ покои и даже сѣни верхняго и нижняго жилья наполнены, испортился воздухъ, и чшо не только больные одни отъ другаго заражающа, но даже и здоровые служители впадаютъ въ болѣзни. Они прибавили къ шому, чшо по причинѣ шѣснощы принуждены больныхъ обратню отсылать въ команды, дабы списокъ умирающихъ въ госпиталь напрасно не увеличивался. Въ то же время унтеръ офицеры, присланные съ больными, показывали изъ числа ихъ нѣсколько уже умершихъ на дорогѣ, а другихъ въ прежалосшномъ состоянїи дрожащихъ отъ спужи.

Сшоль печальное зрѣлище поразило меня. Не смотря на усиленные предсшавленїя и совѣщы господина доктора, я пошелъ осматривать. Въ первой больничной палатѣ встрѣшила насъ чрезвычайная ду-

хота, или лучше сказать, нестерпимой запахъ; тамъ увидѣлъ я многихъ несчастныхъ: одни бѣдственнo оканчивали послѣднiя минуты своей жизни; другiе въ безпамятствѣ бросались въ разные стороны, или кричали отъ нестерпимой боли; иные призывали смерть въ отпpаду. Мнѣ сдѣлалось дурно, и докторъ почти насильно вывелъ меня черезъ сѣни на свѣжiй воздухъ. Нѣсколько отдохнувши, я тотчасъ началъ заботиться о способахъ облегчить судьбу несчастныхъ спpадальцовъ, искалъ повсѣмъ сторонамъ удобныхъ зданiй для помѣщенiя, и приказалъ изъ находившихся тутъ домовъ немедленно вывести госпитальныхъ служителей въ наемныя квартиры. Докторъ и комиссаръ отвѣчали мнѣ, что они хотѣли то же сдѣлать, но должны были оставить свое предпрiятiе, ибо вблизи никакихъ квартиръ нѣтъ, а вдали по разнесшемуся слуху о больныхъ ни за какую цѣну домовъ не отдають въ наемъ для госпитальныхъ служителей. Въ то же время свѣдалъ я, что въ ближнемъ разспоянiи есть порожнiе покои въ домспву конюшенному принадлежащiе, и что позади дворцоваго саду на берегу Яузы находится немалое деревянное строенiе и пивоварной дворъ, въ которомъ, по причинѣ отсутствiя Императрицы, живеть одинъ только надзиратель. При-

томъ сказано мнѣ, что все оное строеніе перенесено будетъ въ другое мѣсто подалѣе отъ саду, и что о вызовѣ подрядчиковъ уже и въ газетахъ напечатано.

Я тогда же послалъ за надзирашаго. Онъ подтвердилъ мнѣ все отъ другихъ мною слышанное, и прибавилъ, что кромѣ пивоварень есть на дворѣ еще нѣсколько избъ и анбаровъ порожнихъ, въ которыхъ немалое число людей можетъ помѣститься. На требованіе мое, чтобы все по строенію уступилъ мнѣ на короткое время, надзиратель отвѣчалъ, что сдѣлать того не можетъ безъ дозволенія начальства. Посланные отъ меня чиновники въ Дворцовую и Конюшенную конторы возвратясь донесли мнѣ, что въ покояхъ конюшеннаго вѣдомства могу помѣстить больныхъ, а отъ Дворцовой конторы вѣрно сказать, что пивоварнаго двора отдашь въ мое вѣдомство нельзя безъ позволенія главной Дворцовой канцеляріи, находившейся тогда въ С. Петербургѣ.

При столь крайней надобности, не терпящей ни малѣйшей отсрочки, и зная что Государынѣ будетъ непріятно, ежели я для пустыхъ обрядовъ пренебрегу выгоды спраждущихъ защитниковъ отечества,

я рѣшился дать письменной приказъ Генералъ - Майору Кумингу о помѣщеніи больныхъ въ покояхъ, усшупленныхъ отъ Конюшеннои коншоры, и о принятіи въ свое вѣдомство двора пивоварнаго, въ которомъ, поспѣшише сдѣлавъ нужныя поправки, помѣстить здоровыхъ писарей и разныхъ служителей здоровыхъ же, а ихъ кварширы во внутреннихъ госпишальнаго дома спроенїяхъ занять больными, расположивъ сихъ послѣднихъ какъ можно просторнѣе; для предосторожности же въ приказѣ написалъ именно, что въ спроенїяхъ на пивоварномъ дворѣ не только больныхъ не помѣщать, но даже не пускать туда служителей, которые за больными смошрять.

Въ первой почшовой день послано отъ меня сообщеніе въ Главную дворцовую канцеллярїю. Я подробно извяснилъ, по какой необходимости занялъ пивоварной дворъ, увѣряя, что скоро опорожнию его, и за всѣ сдѣланныя въ немъ поправки плашы пребывать не буду. Въ то же время увѣдомилъ я И. И. Шувалова и друга моего В. А. Нащокина, прося ихъ защитить меня, ежели недоброжелатели мои инаково о шомъ разглашать стануть. Шуваловъ въ отвѣтѣ своемъ хвалилъ мой поступокъ и обнадеживалъ сво-

имъ защищеніемъ. Напрошивъ того Нащокинъ писалъ, что въ знашыхъ домахъ удивляюща моя смѣлостіи, и говорятъ, что я взялъ безъ вѣдома Главной дворцовой канцеляріи пивоварной дворъ, гдѣ, во время присущствія Государыни въ Москвѣ, полпиво и кисляици варишь и разливаешь для стола Ея Величества, и будто я положилъ тамъ зараженныя приличивыми болѣзнями, а съ другаго ближнихъ покояхъ велѣлъ мѣль бѣлье и перевязки.

Имѣя въ рукахъ своихъ газеты, гдѣ напечатано было о вызовѣ подрядчиковъ къ сломкѣ и перевозу пивоварни со всѣми строеніями, получивъ отъ Шувалова одобришельный отзывъ о моемъ похвальномъ поступкѣ, а всего болѣе пользуясь довѣренностію Императрицы, я не боялся никакихъ навѣшовъ, и даже смѣялся внутренно ухищреніямъ своихъ недоброхотовъ. Черезъ нѣсколько дней получилъ я изъ Сената указъ, которымъ требовано отъ меня отвѣща, почему я занялъ дворъ безъ дозволенія Главной дворцовой канцеляріи. Я немедленно исполнилъ, чего отъ меня требовали, и въ оправданіи своемъ изъяснилъ свои причины; а сверхъ того прибавилъ еще нѣсколько иносказательныхъ выраженій во обличеніе шѣмъ, кои сна-

раются обвиняшь меня за такое дѣло, Богу и Монархинѣ удобное. Въ среду вечера, какъ теперь помню, приготошилъ я опвѣщанья письма къ Генералъ - Прокурору, копорой поздравлялъ меня, что самые мощные непріятели мои ищущь случая примириться со мною, и къ другу моему Нащокину, извѣвляя имъ благодарность за употребляемыя старанія защищать меня отъ завистниковъ и недоброхотовъ. Признаюсь, что внутреннее удовольствіе мое тогда было весьма близко къ щеславію, и отъ чистаго сердца благодарю Всевидящаго, что Онъ, яко чадолюбивый Отецъ, скоро далъ мнѣ случай возчувствовашь мое заблужденіе.

На другой день, поутру, вошедшій въ комнату мою гвардейскій офицеръ, одѣтый въ дорожное плащье, вѣжливо поклонясь, обвѣвилъ мнѣ, что присланъ отъ Ея Величества изъ С. Петербурга, и имѣетъ нужду особливо говорить со мною. Это меня не удивило; ибо и прежде случалось посылаемымъ черезъ Москву гвардіи офицерамъ являться у меня съ собственноручными Ея Величества писаніями, и получають деньги на счетъ Кабинета. Я потчасъ позвалъ его къ себѣ въ спальню. Офицеръ, печально вынимая изъ кармана пакетъ, говорилъ мнѣ: весьма

жалѣю , что шакому честному человеку привезъ непріятную вѣдомость. Я удивлялся , спрашивалъ ; онъ отвѣчалъ , что узнаю все , прочитавши бумагу. Отъ Графа А. И. Шувалова , которой тогда былъ въ особенной довѣренности при Дворѣ , и имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ спрашную Тайную канцелярію , написано было ко мнѣ между прочимъ , что „ посланному гвардіи поручику Безобразову повелѣно , ежели по освидѣтельствованіи его найдутся въ покояхъ пивоварнаго двора больные и прачки , то всѣхъ ихъ немедленно перевести для жишья въ мой домъ , не обходя ни одного покоя , ниже спальни. “ Я въ шужь минушу рассказалъ обо всемъ случившемся , показывая подлинныя донесенія Генералъ - Майора Куминга , комиссарскіе рапорты и списки съ означеніемъ , кпо именно помѣщенъ въ какомъ покоѣ ; но поручикъ Безобразовъ сказалъ мнѣ , что онъ забралъ самъ на пивоварной дворѣ , что нашелъ тамъ больныхъ и прачекъ , и что въ силу даннаго ему повелѣнія всѣхъ перевезъ уже ко мнѣ въ домъ при командѣ солдатъ , которая взята изъ главнаго караула въ городѣ .

Вышедши изъ спальни , я объявилъ своимъ офицерамъ , чтобъ они для полученія приказаній ѣхали въ Комиссаріанъ , и

шамъ дожидались бы, пока я размѣщу дорогихъ госпей своихъ, которыхъ уже человекъ болѣе тридцати спояло въ моей залѣ. Офицеры вышли, а я началъ размѣщать по комнатамъ больныхъ и прачекъ. „Извольте помѣщаться, любезные госпи — сказалъ я — какъ вамъ покойнѣе; вотъ и спальня моя къ вашимъ услугамъ,“ и въ то же время попросилъ у господина Безобразова дозволенія вынести въ ближнюю каморку бумаги свои и постелю. Сей честной и благомыслящій офицеръ исполнялъ должность свою не безъ внутренняго огорченія, и хотя я неоднократно повторялъ ему, чшобъ онъ поступалъ въ точности противъ даннаго повелѣнія, однакожь онъ приказалъ расположиться въ моей спальнѣ прѣмъ солдатамъ, болѣе отъ дряхлости нежели отъ болѣзней изнемогшимъ. Престарѣлые воины положили войлочные постели свои въ альковѣ на полу по обѣимъ сторонамъ моей кровати, а прочіе помѣстились по разнымъ покоямъ.

Приказавъ дворецкому довольствоваться пищею и пишемъ дорогихъ госпей моихъ, я побѣжалъ въ Канцелярію главнаго Коммиссаріаша. Присутствующіе члены и другіе чиновники извѣляли сожалѣніе о случившемся со мною; а я, скрывая досаду свою, просилъ ихъ извинить меня,

что поздно приѣхалъ, и что задержанъ былъ дома гостями, присланными ко мнѣ для собесѣдованія и прилшнаго провожденія времени по ходатайству почтенныхъ моихъ доброжелателей, которые постарались найти способъ доставить мнѣ удовольствіе и забаву. Я прибавилъ, что въ числѣ прачекъ есть женщины довольно пригожія. Слушатели мои оставили шутки безъ вниманія; они съ сожалѣніемъ говорили о моей невинности, и совѣтовали мнѣ оправдаться письменными доказательствами, а именно рапортами Генералъ-Майора Куминга и комиссара. Я отвѣчалъ, что уповаю на правосудіе Божіе, и началъ отправлять свое дѣло.

Возвратясь домой позже обыкновеннаго, я нашелъ въ покояхъ своихъ оцупительную перемѣну. Надлежало укрѣпиться терпѣніемъ, чтобы снести дурной запахъ, распространившійся по всему дому. Съ сердцемъ безпокойнымъ пошелъ я къ моей дочери, которая занемогла отъ сего происшествія, принудилъ ее встать съ постели и со мною за маленькимъ столомъ отобѣдать.

Слухъ о семъ приключеніи тогда же разнесся по всему городу съ обыкновенными прибавленіями. Никто изъ моихъ

родственниковъ и приятелей не приѣзжалъ ко мнѣ не только въ шопъ день, но даже въ цѣлую недѣлю; не знаю, чему приписывашь такую ихъ осторожность, опасенію ли, чѣмъ не заразишься отъ меня несчастіемъ, или просто случаю. Впрочемъ я и самъ, съ дозволенія офицера, провождалъ время болѣе въ госпиталѣхъ; и приѣзжалъ домой ночью.

Я рѣшился по первой почтѣ отпра-
вить къ Императрицѣ письмо, въ ко-
ромъ просилъ о Высочайшемъ повелѣніи,
изслѣдовавъ мое дѣло, и ежели окажусь ви-
новнымъ, подвергнувъ меня законному
наказанію. Въ то же время посланы отъ
меня письма къ Шуваловымъ, къ Кн. Тру-
бецкому и къ другу Нащокину. Увидѣвши
съ господиномъ Румингомъ и комисса-
ромъ, я спросилъ ихъ, почему доходили
отъ нихъ ко мнѣ лживыя донесенія. Они оба
извинялись простою. Комиссаръ, ко-
торой должность свою почиталъ вѣрнымъ
способомъ *кормиться*; и за то по замѣ-
чаніямъ моимъ не одинъ разъ получалъ
отъ меня выговоры; въ отвѣты свои вмѣ-
шивалъ слова иносказательныя; однакожъ
я, какъ будто не примѣчая, шолковалъ
ему, сколь безчестно и мерзко по при-
страстной злобѣ разспавлять съѣти ближ-
нему, и какія отъ Праведнаго Судіи го-

шовашся за шо испязанія. Коммиссаръ мой, не могши скрышь своего смященія, съ плушовскимъ искусствомъ сожалѣлъ о моемъ несчастіи и досадовалъ на свою недогадливосшь. Онъ говорилъ, что переѣхавъ прачекъ въ пивоварной домъ на самое короткое время, что о томъ вѣдалъ и г-нъ Кумингъ, и что прачекъ намѣрены были опяшь помѣститься на прежнихъ квартирахъ въ тошъ самой день, когда приѣхалъ офицеръ изъ Петербурга. Спустя два или три дня сказано мнѣ, что коммиссаръ, бывъ цѣлой день въ задумчивосши и безпокойствѣ, ввечеру выпилъ изъ спанкана приготовленное имъ питье, и скоро послѣ того умеръ. Сосбразивши всѣ обстоятельства и развѣдавъ обо всемъ подробно, я узналъ наконецъ, что сей коммиссаръ былъ участникомъ въ новарномъ прошивѣ меня умыслѣ. За нѣсколько времени до страннаго приключенія со мною, часшо видали въ его квартиру присланнаго изъ Петербурга служителя, къ вѣдомству Дворцовой канцелярїи принадлежащаго. Больные и прачки съ бѣльемъ нарочно переведены были въ пивоварной домъ ко дню прибытія офицера, отправленнаго изъ Петербурга.

Мои письма подѣйствоввали. На другой же день по полученіи оныхъ отпра-

вленъ въ Москву нарочной къ Поручику Безобразову съ повелѣніемъ освободить мой домъ отъ постоя, и ѣхать въ Петербургъ въ своему начальству. Въ то же время получилъ я отъ И. И. Шувалова письмо, наполненное сожалительными выраженіями о случившемся со мною безъ его вѣдома произшествіи. Онъ увѣрялъ меня въ неудовольствіи Государыни Императрицы, что со мною поступлено столь неосмотрительно. Симъ кончилось мое приключеніе. Въ тотъ же день я ласково проводилъ гостей моихъ, подаривъ имъ нѣсколько денегъ. Добрые люди сіи чувствительно благодарили меня; а нѣкоторые по своему простосердечію говорили, что съ своей стороны они готовы до смерти жить въ моемъ домѣ, и что имъ весьма прискорбно переселяться на другія квартиры.

К.

IV.

*Мнѣніе безпристрастнаго о Сло-
собѣ сочинять книги и судить
о нихъ.*

Г Евстафій Спаневичъ написалъ Сло-
собѣ разсматривать книги и су-
дить о нихъ, въ намѣреніи доказать

своимъ примѣромъ , какъ легко подавашь мудрые совѣты , и какъ трудно имъ слѣдовать . На 4й . 5й и 6й страницахъ своей книги обѣщаетъ онъ бытъ *полезнымъ , безпристрастнымъ , справедливымъ , благоразумнымъ* , и наконецъ *благочестивымъ* ; однако въ возраженіи на кристическую спашью , въ которой не одобрена басня его *Черви* , Г. Спаневичъ не соблюлъ ни одного изъ своихъ обѣщаній , и въ особенноти погрѣшилъ противъ *благочестивости* : ибо *духъ бодръ , но плоть немощна* .

У всѣхъ благомыслящихъ кристиковъ , давно велось и теперь ведется обычай осыпашь замѣчанія свои цвѣтами оспроумія , не касаясь лица сочинителя , и ненарушая между тѣмъ въ живости , которую граждане просвѣщеннаго государства обязаны являть другому . У г-на Спаневича свои правила ; онъ показываетъ прекрасное желаніе высѣчь розгами своего рецензента (спр. 66) , влѣпашь ему двадцать пять ударовъ палками (спр. 67) , и вывести на эшафотъ , какъ внука Робеспьера и Марашова (спр. 82) ; въ пїищическомъ гнѣвѣ своемъ , кажется , онъ готовъ бы учредить инквизицію для торжественнаго созженія кристиковъ и кристиковъ , ошъ избышка своего усердія готовъ бы

самъ бышь исполнишелемъ приговора надъ шѣмъ, што осмѣлился не похвалишь дурныхъ его стиховъ и прозы: какъ эшо *полезно и безпристрастно!*

Самъ Макаровъ, котораго крипическія замѣчанія на книги можно назвашь очень колкими, нападалъ шолько на сочиненія, лично же особы сочинителя касался шолько говоря о его талантахъ и образованіи, ни слова не упоминая о нравахъ. Г. Спаневичъ называетъ сочинителя крипики на его книгу *подлецомъ, бездѣльникомъ, користолобцемъ, памятозлымъ, развратнымъ* (стр. 16, 30, 31, 45, 46, 47, 48, 49, 58, 59, 80, 81, 82, 91, 92, 97, 98, 99, 100 и слѣдующія до конца книги), *бунтовщикомъ и безбожникомъ* (*): какъ эшо *благоприслойно!* —

Г. Сочинитель *Слособа* разсматривалъ книги выписываетъ самые сильные изъ духовныхъ книгъ тексты прошивъ семи смершныхъ грѣховъ, и искусно направляетъ ихъ прошивъ своего рецензента: *какая примѣрная справедливость!*

(*) Эшо не новое. Котшень называлъ шѣхъ, которые не одобряли нелѣпыхъ стиховъ его, *безбожниками и невѣрными*. Н.

Желая доказать, что онъ старообрядецъ въ слогѣ, и шѣмъ придасть себѣ больше важности, онъ кспати и не кспати употребляетъ слова, *заче, колико, никакъ, корыстно, суесловіе, наприкладъ, поелику, ради, нулно, кольмиже лаче, словоизвиртїя, метасель, рѣя, словесники*, и проч.: какое *благоразуміе!*

Г. Спаневичъ знаетъ, что сїи слова въ Русской липпературѣ шо же, что орлы, драконы, лиліи, изображаемыя на знаменахъ войскъ; они показывають, къ какой сторонѣ принадлежишь авторъ. Увиди въ какомъ-либо сочиненїи: *заче, ради, словесникъ*, вкусоборцы радуешя новому приобрѣтенїю, какъ паписты обращенїю протестаншовъ. Они берутъ такого поэта себѣ подъ защиту, помогають ему своимъ званїями, и думая просвѣтитъ, испребляютъ въ молодомъ фанатикѣ послѣднїя искры. — Сїе счастье или несчастье случилось съ г-мъ Спаневичемъ; онъ воздоился *смакомъ* и чущьемъ (вкусомъ), и угобзился хипроумїемъ. Можетъ быть никакю болѣе меня не уважаешь великаго Ломоносова; но я весьма далекъ онѣ шо-го, чтобъ признашь его непогрѣшительнымъ: онѣ человекъ, онѣ жилъ въ такое время, когда не лзя было не ошибатъся. Державинъ, Карамзинъ, Дмипрїевъ, Мерзляковъ, и т. д. также не дюжинные

писатели; однако и у нихъ можно найти слова несобственные, выраженія или слишкомъ обвешшала, или несвойственные (то есть галлицизмы), хотя они начали писать полвѣка послѣ Россійскаго Пиндара, тогда какъ мы видѣли уже Ломоносовыхъ, Сумароковыхъ, Поповскихъ, Фон - Визинныхъ, Богдановичей, Херасковыхъ и пр. Не по симъ спихамъ

Ты сладостной росой прохладу,
Она щедрою оспраду
Подаситъ и удовольствво всѣмъ,

знаменитъ отецъ Россійской поэзіи, и Г. Станевичъ написавъ *радостей среди*, поспуилъ такъ же худо, какъ подражали Александра Македонскаго, кошорые кривили голову на лѣвую сторону, потому что сей великой завоеватель имѣлъ дурную привычку кривить шею. Напрасно Г. Станевичъ ошибки Ломоносова прибавляетъ къ своимъ собственнымъ погрѣшностямъ; у него и безъ того ихъ довольно. Впрочемъ если авторъ *Слособа* имѣлъ въ виду чрезъ посредство обвешшалахъ словъ сдѣлаться членомъ какого-нибудь ученаго сословія; то можетъ на вѣрное достигнуть своей цѣли, и въ такомъ случаѣ онъ поспуилъ весьма благоразумно! —

Очень забавно, что Г. Станевичъ, разливши въ спляночки свои слезы, думалъ

поржесствовашь надъ почтеннымъ кришикомъ. Публика, сколько намъ извѣстно, не одного мнѣнія съ авторомъ; она думаетъ, что еслибъ онъ разлилъ слезы свои и въ золотые кубки и тогда басня его ничего не приобрѣла бы въ сужденіи внутреннихъ своихъ достоинствъ. Прочитавъ сію поправку, и то что пишеть онъ о червяхъ, тотчасъ родился желаніе спросить у Г. Спаневича: не уже ли не имѣеть онъ друга или покровителя, который бы щепнулъ ему на ухо, чего недоспаетъ баснѣ его *Черви*, для того чтобы походить ей на порядочную басню, которой бы сказалъ ему.

„M'en croirez-vous? gardez votre pièce neuf ans?“

Г. Спаневичъ напрасно сердится на издателя *Вѣстника Европы* за то, что онъ, выспавивъ косыми буквами стихи его и слова, не говоритъ ни слова объ ошибкахъ; есть стихи и слова, которыя сами о себѣ говорятъ, что они неправильны.

Между тѣмъ смѣемъ увѣрить г-на Спаневича, что никакое общество не одобритъ его ругательствъ, и всякой благо-разумной читатель обратитъ къ автору *Слособа* собственныя слова его: „Онъ шутилъ даже надъ тѣмъ, что было, есть и будетъ священо у всѣхъ на-

родовъ — надѣ честію ;“ шупитѣ самымѣ злымѣ , самымѣ дерзскимѣ образомѣ , переполковывая слова г . на Каченовскаго , почтеннѣйшаго издашеля Вѣстника Европы , заслужившаго одобреніе всей Россіи , всѣхъ любительей учености , всѣхъ нашихъ полишиковѣ . Авторѣ *Слособа* называетѣ изданіе сего Журнала бездѣлкою ; а мнѣ кажется , что эшой бездѣлки двадцать Евсшафїевѣ Станевичей сотворишь не въ соспоянїи (*). Пускай онѣ подаритѣ

(*) Г. Станевичъ недавно смастерилѣ два *Разсужденія* : I *о законодательствѣ* , которое смѣло назвать можно не только безсмертнымѣ , но даже вѣчнымѣ , ибо ни начала ни конца не имѣетѣ ; II *о Русскомѣ языкѣ* , которое можетѣ служить достапочнымѣ свидѣшельствомѣ , что сочинитель силенѣ какѣ въ Русскомѣ , такѣ и въ Латинскомѣ , а особливо въ исторїи сихъ языковѣ . Кромѣ многихъ предорогихъ замѣчаній , тутѣ предложены ясныя и неоспоримыя доказательспва , что языкѣ Латинскій гораздо моложе Славенскаго и едва ли не онѣ сего послѣдняго происходитѣ ; ибо слова Латинскія суть не иное что какѣ составныя реченія изѣ Славенскихъ , на примѣрѣ : *donec* изѣ *до* и *нелѣ* , *solidus* изѣ *со* и *литой* какѣ бы *слитой* , *spolium* изѣ *сь* и *поль* , те есть *добыча въ полѣ* ,

насъ хоть одною такою спашью, какъ слѣдующія, помѣщенные въ *Вѣстникъ Европы издашелемъ*, господиномъ Каченовскимъ: Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ временъ Рюрика до Петра Великаго. 2, Мысли о Россіи, или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ состояніи Русскихъ до Петра Великаго. 3, О причинахъ низложенія Папріарха Никона. 4, Демосеновы слова. 5, Опрывоуъ изъ Введенія въ георіи риторики. 6, Опрывки изъ рѣчей святаго Іоанна Златоустаго. 7, Торжество Александра, или могущество музыки. 8, Элегія г-на Царни. 9, Вечеръ. 10, Сельская Элегія. 11, Сонъ Могольца. 12, Похороны львицы. 13, Рондо къ ней. 14, Словей и Малиновка, и проч. пускай, говорю, Г. Спачевичъ сочинилъ или перевелъ хоть одну такую спашью въ стихахъ или въ прозѣ: тогда стихи Горациа и Хераскова, удачно принаровленные рецензентомъ къ

Suadeo изъ *со* и *сѣтъ*, откуда произошло *сѣщю*, *temetum* значилъ какъ бы *той* *мелъ*. Слова: *fistula*, *graculus*, *nebul*, *oculus*, суть производныя уменьшительныя отъ Славянскихъ *свистъ*, *грачь*, *небо*, *око*. Нашъ любословъ весьма основательно догадывается, что начало Славянскаго языка простирается далѣе двухъ тысячъ лѣтъ. М.

г-ну Шпаневичу, перестануть забавлять чиншателей на счетъ его. Теперь же, какъ человекъ безпристрастной, признаюсь, что г-ну автору *Слособа* очень нужно на-сшавленіе:

Дерзая на Парнасѣ, того не позабудь,
Что Музы существа божественнаго суть;
Рѣчами подлыми не оскорбляй ихъ слуха,
Ни мыслей скаресствомъ, ни визостію
духе.

Что иное могъ сказать ему Г. Каченовскій? Впрочемъ напрасно сочинитель *Слособа* разсматривалъ книгу ропщеть на господствующую въ наше время крошость и на свободу книгопечатанія. Еслибъ, отъ чего Боже сохрани, и чего даже не можно предполагать въ нынѣшнее время, по желанію г-на Шпаневича когда-нибудь началось гоненіе на умныхъ людей, которые говорятъ правду — и тогда на-цли бы способъ сказать публикѣ мнѣніе свое о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и сочинителяхъ; можно бы рысь землю

Et comme ce barbier

Faire dire aux rofeaux par un nouvel organe:

Midas, le roi Midas a des oreilles d'âne —

Заклучимъ: чиншая сочиненія г-на Шпаневича, я былъ твердо увѣренъ, что хуже ихъ ничего быть не можетъ; но Г. Шпаневичъ сдѣлалъ чудо — онъ написалъ

Способъ разсматривать книги и судить о нихъ! Въ другихъ сочиненіяхъ его видѣнъ недостатокъ здраваго смысла, свѣдѣній и вкуса: это заставляетъ только жалѣть объ немъ; въ ошвѣтѣ на критику видно, что онъ безсовѣстно клеветаетъ на ближняго: это заставляетъ ненавидѣть въ немъ такую вредную склонность.

Воейковъ.

V.

О с е н ь .

Красное лѣто,
Други, переходитъ!
Въ рощахъ не слышно
Пѣнія пичекъ;
Гуси станицей
Къ югу летятъ.

*

Волъ по долинѣ
Бродитъ печально;
Бѣдный напрасно
Ищетъ отрады;
Зелень увяла
Въ полѣ давно.

*

Желтые листья
Землю покрыли ;
Вспры уныло
Свищутъ въ дубравахъ ;
Солнце потусклы
Мещетъ лучи.

Влажны туманы
Спелюся долу ;
Тщетно печальный
Взоръ простираю :
Холмы и рощи
Скрылись вдали.

Путникъ успалый
Чувствуетъ ужасъ,
Слушая свисшы
Бури осенней ,
Съ ревомъ клонящей
Воющей боръ.

Все представляетъ
Видъ разрушенья ;
Горести чувство
Душу обземлетъ ! —
Что же утѣшитъ
Въ горести насъ ?

Дружба и Музы
Намъ утѣшенья !

Пусть отдыхаетъ
Матерь - Природа
Въ сладкой бесѣдѣ
Кроткихъ богинь.

*

Будемъ спокойно
Ждемъ пробужденья
Матери общей. . .
Таки весною
Съ нѣжной улыбкой
Взглянетъ на насъ.

Н. Грамматинъ.

VI.

С л ъ с ъ.

Графъ Сегюръ сказалъ Англійскому Полковнику Дугласу, прибывавшему на переговорномъ суднѣ въ Кале прошлаго года: „Признайшесь, вѣдь ваше отечество теперь весьма низко опустилось.“ — Не спорю — отвѣчалъ Дугласъ — наше положеніе теперь шанъ худо, что ничѣмъ другимъ спаси себя не можемъ, какъ продолженіемъ войны противу Франціи.

*

Весною 1805 году въ Антверпенѣ обѣдали Французы за однимъ столомъ съ

военнопленными Англичанами. Французы шутили забавно, и говорили много о предсказаниях тогда славных подвигов, а особливо о предпринимаемой высадке на берега Англии. Бришпанцы молчали: „Чтожь вы не смѣшесь?“ спросил молодой Французской Полковникъ одного Англійскаго дворянина. — Буду смѣяться — отвѣчалъ угрюмой Англичанинъ — когда предпримете вашу высадку. — То же говорили Англичане передъ симъ не за долго, когда въ газетахъ писано было о походѣ въ Индію.

Лудовикъ XIV называлъ супружесвое *благотойнымъ средствомъ не видаться*. Вотъ его слова: *c' est une maniere honnête de ne plus se voir*. Въ семъ короткомъ изреченіи живо представляется картина нравовъ тогдашняго вѣка. Во время внутреннихъ безпорядковъ при окончаніи осмнадцатаго столѣтія было еще хуже. Тогда мужья мѣнялись женами; заключали брачной союзъ и черезъ нѣсколько недѣль опять разводились; отдѣливъ отъ супружества таинственную свящость, почитали его взаимнымъ условіемъ. Теперь въ Парижѣ насталъ другой порядокъ, и бракъ получилъ прежнюю свою важность; заемлемую отъ священнаго закона вѣры. Почти во всѣхъ лучшихъ

домахъ мужъ и жена живутъ въ одной половинѣ и даже въ одной спальнѣ. Знашныя молодыя женщины обыкновенно являющіяся въ собраніяхъ вмѣстѣ съ мужьями, и вообще супруги, а особливо придворные, въ обхожденіи между собою показываютъ болѣе любви, нежели въжливости.

*

Недавно открыта въ Римѣ подземная крытая улица, по которой Императоры изъ чертоговъ своихъ ходили въ амфитеатръ Флавіевъ, нынѣ извѣстный подъ именемъ *Колизея*. При семъ случаѣ найдены разныя принадлежности украшеній зданія: карнизы, вазы и капители, свидѣтельствующія о роскошномъ вкусѣ древнихъ Римлянъ. Также открыто прекрасно изваянное шуловище и голова Меркуріева, принадлежащая къ спашубъ, бывшей прежде въ саду Папскомъ, а нынѣ хранящейся въ Музеумѣ Кіарамонти. Еще найдены трубы и каналы, чрезъ которые пропускали воду. Наконецъ открыли двадцать маленькихъ каморокъ, съ опверсшіями на верху сводовъ для свѣта. Думаютъ между прочимъ, что сіи каморки служили убѣжищемъ для нимфъ веселія, кощорья, съ дозволенія правительства, но окончаніи зрѣлищъ въ амфитеатрахъ, баняхъ, на циркахъ и на ристалищахъ, предлагали желающимъ свои ласки за на-

значенную цѣну (*). И такъ вѣроятно, сїи уюшныя хижинки были пещеры про-спонародной Афродиты (*Venus vulgivaga*), и назывались *fornices*, о копорыхъ Мар-ціалъ, Сенека и Ювеналъ упоминають.

*

Во Французскомъ Энциклопедическомъ журналѣ **, помѣщена весьма любопыт-ная статья о потомкахъ Императорской фамиліи *Комниновъ*. Сочинитель, нѣкто г-нъ Жондо, извѣщаетъ, что *Каломе-росъ* Комнинъ въ 16 столѣтїи перепра-вился изъ Морей въ Корсику, вмѣсто Гре-ческаго имени принялъ Италіянское, и изъ *Каломероса* сдѣлался *Беллапарте* или *Буонапарте* (***). Такимъ образомъ и дру-гіе Греки перемѣняли имена свои, неше-ряя прежняго значенїя. Знашныя люди, бывшіе извѣстными въ Греціи подъ имена-ми *Галросъ* (врачь), *Хрисостомосъ* (зла-тоустъ), *Параклитосъ* (утѣшитель), въ Корсикѣ и въ другихъ странахъ Ита-ліи назывались уже *Медичи*, *Бонкадоро*, *Консолаторе*, и проч. Ежели захотѣтъ

(*) *Idem vero theatrum, idem et prostibulum, eo quod post ludos exactos meretrices ibi pro-stituerentur. — Isidor. XVIII, 42. Lamprid. in Elagab. 26 et 32.*

(**) Мартъ мѣсяцъ 1808.

(***) *Καλός*, buono, bello, добрый, *μέρος*, parte, часть.

ПОЛИТИКА.

VII.

Нѣкоторыя извѣстія о восточной Индіи, о прежнемъ и нынѣшнемъ гражданскомъ порядкѣ въ ней, о нравахъ и обычаяхъ ея жителей.

(Продолженіе.)

Главная Управа благочинія въ Калькуштѣ поручена генералъ-инпенданшу и нѣкопоруому числу мирныхъ судей, которые имѣютъ право рѣшить окончательно дѣла неважныя. Во многихъ частяхъ города разспавлены военные караулы. Главной судѣ, учрежденный въ Калькуштѣ, есть послѣдняя инстанція въ дѣлахъ тяжбныхъ и уголовныхъ; власти его подлжитъ вся Бенгальская область и весь берегъ Коромандельскій. Въ учрежденіи сего суда, уже около 30 лѣтъ существующаго, находятъ шу невыгоду, что здорливые Индійцы, увѣрены будучи въ безприспращіи онаго, ни въ чемъ неуспуающъ Европейцамъ, и привыкши почишать себя равными симъ послѣднимъ, забы-

поискашь въ архивахъ свидѣтельствъ писателей современныхъ; но можешь быть найдутся какія-нибудь новыя объясненія и доказательства.

На картинкѣ изображено купанье младенцовъ. Читавшіе прекрасную Сень-Пьерову повѣсть о Павлѣ и Виргиніи, вспомянутъ счастливые дни младенчества ихъ неразлучныхъ малюшкѣ, проведенные на островѣ Иль-де-Франсѣ. Маргарита, мать Павлова, госпожа Делакуръ, мать Виргиніи, были нѣжными друзьями, и готовили дѣтей своихъ для взаимнаго на землѣ блаженства. Судьба предназначила имъ другую участь.

вають о должномъ повиновенїи ; гораздо лучше , еслибъ Англичанамъ была дана власть не споль ограниченная надъ Индїйцами, которые и безъ того уже всегда старались объ освобожденїи себя отъ подданства, шакъ что наконецъ безстыдство ихъ становится опаснымъ. Но сїи толки вовсе неосновательны; ихъ выдумываютъ Европейцы, живущїе въ Калькуштѣ. Я напрошивъ того совершенно увѣренъ, что учредитель главнаго суда заслуживаетъ похвалу и благодарность. Скорбе можно порицать расшочительность и несправедливостъ Европейцовъ, нежели безстыдство Индїйцовъ. Весьма часто случается, что Англичане забирають наличными деньгами у природныхъ жителей, или невыдаютъ имъ заслуженной платы; а какъ Индїйцы принуждены бывають просить на должниковъ своихъ, то Англичане и называютъ ихъ безстыдными. И такъ бѣдные ремесленники и служители весьма счастливы и пошому уже, что имѣють способъ получить свои деньги, которыя безъ сомнѣнїя были бы промошаны. Въ Калькуштѣ нерѣдко случается, что по жалобѣ Индїйца за долгъ сажаютъ въ тюрьму Англичанина. Умные и безпристрастные наблюдатели опнюдь не видяшъ въ Индїйцахъ склонности къ безстыдству, которая вела бы ихъ къ не-

новиновенію. Только однажды худые поступки таможенных приспавов и военных начальников произвели было неудовольствіе и безпокойство въ народѣ, и подали случай правительству обратишь на то свое вниманіе. Самымъ вѣрнымъ доказательствомъ благочинія въ Калькутѣ и совершенства законовъ служишь можешь и то уже, что сей городъ въ такое короткое время приведенъ въ цвѣтущее состояніе, чему до сихъ поръ невидано примѣра. Въ приспаняхъ его стоятъ корабли всѣхъ народовъ; совершенная свобода въ промыслахъ и торговлѣ ободряетъ къ выгоднымъ предпріятіямъ всякаго рода. Многіе Индійцы обладаютъ неисчислимымъ богатствомъ. Англичане служащимъ у нихъ природнымъ жителямъ ввѣряютъ имущество, жизнь и самыхъ дѣшей своихъ. Въ богатыхъ домахъ иногда живетъ ихъ по 60 и по 100 человекъ, которые спятъ въ сѣняхъ и на балконахъ. Двери днемъ и ночью не запираются; не смотря на то въ Калькутѣ гораздо рѣже слышно о воровствѣ, нежели въ Лондонѣ, гдѣ всякой запасается ключами, затворами и спорожами.

За сѣю лѣтѣ передъ симъ не было ниже малѣйшихъ признаковъ города шамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Калькутта. Хотя въ

1690 мѣ году учреждена была Англійская коншора; но спрощь городѣ вздумали не ранѣе 1757 года. Скорое умноженіе жителей должно казаться шѣмѣ удивительнѣе, что тамошній климатѣ весьма нездоровѣ, а особливо для приѣзжихѣ изѣ Европы. Гамильтонѣ рассказываетѣ, что вѣ шесть мѣсяцовѣ при немѣ умерло вѣ Калькуштѣ 400 Англичанѣ, тогда какѣ еще не болѣе 1200 семействѣ Англійскихѣ считалось вѣ цѣломѣ городѣ.

Купцы и повѣренные Остѣ-Индійской Компаніи вѣ Калькуштѣ не только производятѣ торговлю для пользы хозяевѣ своихѣ, но опправляютѣ и собственныя дѣла весьма важныя, имѣя сношенія со знатнѣйшими всѣхѣ земель городами. Если дома, которыхѣ торговой оборотѣ простирается ежегодно до 2 милліоновѣ фунтовѣ стерлинговѣ. Если предположитѣ самую умѣренную прибыль; и тогда выдетѣ, что доходы ихѣ чрезвычайно велики,

Для Компаніи работаетѣ великое множество плотниковѣ корабельныхѣ. Она имѣетѣ свою морскую силу, и вѣ военное время даетѣ каперамѣ письменныя виды. Кѣ числу важнѣйшихѣ занятій морскаго департамента принадлежитѣ ученіе береговыхѣ доцмановѣ. Плаваніе по Гузли,

рукаву Гангеса, при копоромъ лежишь Калькушша, во всякое время бываешь очень опасно, пошому что глубь и ошмбли безпрешанно перембняють мбста свои. Купеческіе корабли, въ Индіи спроющіеся, обходяшся весьма дорого и пришомъ непрочны. По сей причинѣ и цѣны за провозъ чрезвычайно высоки; но какъ сіе неудобство касается до всѣхъ купцовъ безъ извѣшїя, то въ дѣлахъ торговыхъ отъ того не бываетъ ни убытку, ни остановки. Для плаванія по Гангесу употребляющя лодки, имѣющія отъ 8 до 24 веселъ. Лодочники заслуживають особливое уваженіе за честность свою, шрудолюбіе и чистоту нравовъ.

Оберъ - боцманы купеческихъ судовъ и надсмотрщики надъ шоварами, природные Индійцы, обыкновенно опправляютъ должность и торговыхъ маклеровъ, получая за труды свои по пяти процентовъ сверхъ провозныхъ денегъ. Сїи люди также опличающя оборотливостію въ дѣлахъ и честностію. Многие изъ нихъ приобрѣшають великое богатство, и живутъ пошомъ прилично своему соспоянїю, но всегда просто. Не задолго передъ симъ почтенные люди сїи, по глупому шщеславію, были удаляемы отъ должностей при купеческихъ общесшвахъ въ Калькушшѣ.

Однакожь сей предразсудокъ наконецъ забывается.

Бенгальской заливъ весьма опасенъ. Несмотря на то Индйцы, хозяева кораблей, со своими служителями, изъ Малайцовъ, Бенгальцовъ и Китайцовъ, по ещѣ очень посредственныхъ мащитовъ сосшоящими, предпринимаютъ опасныя и продолжительныя путешествія, и почти всегда возвращаются не безъ успѣха. Прибрежному плаванію Индйцы научились у Европейцовъ. Но вообще наука мореходства до сихъ поръ далека отъ совершенства; недостатковъ науки замѣняеся практическимъ познаніемъ моря. Компасъ и другія астрономическія орудія, для мореходства необходимо нужныя, дѣлающагося шамъ весьма грубо и неисправно, и суть не что иное какъ самое несовершенное подобіе орудій Европейскихъ. Случающагося Европейскимъ плавателямъ встрѣчашься съ Индйскими кораблями, и кормщики сихъ послѣднихъ ничего не вѣдающъ о широтѣ и долготѣ мѣста, на которомъ находящяся. Поэтому-то ни одного корабля купечества не ввѣряетъ Индйцамъ.

На всемъ восходѣ народы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о морскомъ ополченіи. Нѣкоторые прибрежныя жители

упражняюща въ разбойническомъ промыслѣ, и даже опправляющъ его съ варварскою жестокостію: въ помѣ сосшойсь все знаніе Индійцовъ въ морской военной наукѣ.

За то уже плаваніе по рукавамъ Гангеса исключительна находится въ рукахъ Индійцовъ, которые дѣло сіе опправляютъ съ отличнымъ искусствомъ и дальновидностію. Гангесъ и Бурремпуштеръ прошекаютъ всю Бенгальскую обласъ безчисленными рукавами, большими и малыми, такъ что на споль великомъ пространствѣ земли нѣтъ мѣста, которое находилось бы отъ рукава далѣе 25 миль Англійскихъ. Тридцать тысячъ мапировъ занимается единственно перевозомъ дѣрева, соли, пшена сорочинскаго и другихъ свѣспныхъ припасовъ. Гангесъ полезенъ сверхъ того въ военномъ отношеніи, запрудняя неприятеля въ набѣгахъ, а своимъ облегчая способы посылать войска въ тѣ мѣста, гдѣ нужно ихъ присущствіе.

Жители Калькушши сосшойсь избъ людей почти всѣхъ народовъ. Армянское общество многочисленнѣе другихъ и болѣе уважается. Дѣйствіе Армянской торговли простирается по всей Индіи, и даже до Кишай и до Персидскаго залива. Вообще

Армянь почишають самыми исправными и совершенно знающими дѣло свое купцами; большая часть домовъ ихъ можетъ хвалиться старшинствомъ передъ другими. Они ведутъ себя скромно и честно; безпрестанно занимаются торговлею, даже и тогда, когда уже приобрѣли великія богатства; при торжественныхъ случаяхъ никому не уступаютъ въ пышности.

Купцы Магомешанскаго исповѣданія имѣютъ въ Калькутѣ 13 большихъ домовъ торговыхъ и много второстепенныхъ. Между ними есть немало такихъ, которые обладаютъ чрезвычайнымъ богатствомъ, и уступаютъ развѣ только нѣкоторымъ домамъ Индійскимъ. Капиталъ въ одинъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ не почищается у нихъ рѣдко стію (*). Сколь ни были бы велики доходы Индійцевъ, они всегда ведутъ жизнь самую хозяйственную. Больше всего издерживаютъ на благочестивыя подаянія; въ одеждѣ и столѣ терпятъ немогутъ не только великолѣпія, но ниже малѣйшихъ признаковъ роскошества. Въ случаѣ поль-

---

(*) Въ Калькутѣ живетъ нѣкто *Джонъ Вристовъ*, состоящій въ службѣ Компаніи. Онъ получаетъ ежегоднаго дохода больше 200,000 ф. с.

ко свадебныхъ обрядовъ и духовныхъ праздниковъ Индѣйцы ненаблюдаютъ хозяйственной своей расчепливости. Тутъ уже сами Брамины распоряжаются и назначаютъ издержки, смотря по достатку хозяина. Иногда при сихъ торжествахъ господствуетъ чрезвычайная пышность, такъ что нѣсколькимъ сопнямъ гостей подносятся яшвы дорогія и самыя рѣдкія на золотой посудѣ. Хотя праздники обыкновенно учреждаются въ честь какого-нибудь божества; но тутъ невидно ничего такого, что могло бы присутствующихъ расположить къ набожнымъ мыслямъ. Большая часть времени проходитъ въ пѣніи и танцахъ, для чего нарочно призываютъ людей, промысляющихъ сими искусствами; но онѣ однообразны и до крайности скучны. Иногда представляются таншомимы, самыя нецѣломудренныя и для глазъ неносныя. Но какъ Индѣйцы усердно и неотступно приглашаютъ на свои праздники, и вмѣняютъ себѣ въ честь, когда бывають у нихъ Европейцы; то по неволѣ надобно иногда прихворяться и показывать, будто забавы ихъ приносятъ великое удовольствіе.

Португальскихъ купеческихъ домовъ также немало въ Калькутѣ. Ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ своими нравами

и обычаями такъ близко не подошелъ къ природнымъ жишелямъ, или лучше сказать, такъ много не смѣшался съ ними, какъ Португальцы. Они съ давняго уже времени женяшся на Индїанкахъ, и перенимають всѣ пороки тамошней земли, не заимствуя однакожь добродѣтелей. Португальцы смуглаѣ Индїйцовъ, и говорятъ тамошнимъ языкомъ столь же хорошо, какъ природные жишели. Достошно примѣчанїя, что ниже самымъ Португальцамъ никогда не удалось обратишь Индїйца къ Христїанской вѣрѣ.

Англїйскихъ купцовъ великое множество въ Калькуштѣ. Между ними немало богачей, обладающихъ невѣроятнымъ богатствомъ. Люди сіи отличаются хорошимъ воспитанїемъ и разсудительностїю. Они расщочають деньги не столько на великолѣпіе шпола и экипажей, какъ на благошворенїе ближнимъ, на пособїе бѣднымъ и сираждущимъ. Недумаю, чтобы нашелся другой городъ въ свѣтѣ, гдѣ столь многія особы подавали бы такую богашую милосшыню, и гдѣ болѣе совершалось бы благошворительныхъ подвиговъ, нежели въ Калькуштѣ.

Изъ числа купцовъ Англїйскихъ немногіе состояють въ службѣ Остш-Индїй-

свой Компаніи. Сїи немногіе присвоиваютъ себѣ въ обхожденіи отличное преимущество, которое за нѣсколько лѣтъ передъ симъ подавало случай къ разнымъ забавнымъ происшествіямъ. Почетныя мѣста и старшинство между гостями въ собраніяхъ и на пиршествахъ почитались дѣломъ весьма важнымъ, и усилія присущивующихъ въ присвоеніи себѣ сихъ отличій доходили до ребяческаго. На хозяйствѣ дома лежала тягоспная обязанность разбирать споры гостей о старшинствѣ и рѣшать мѣлочныя ихъ пререванія. Желая подать руку женщинамъ, чшобъ идти вмѣстѣ съ нею въ другую комнату, надлежало прежде весьма прилѣжно размыслишь, не оскорбился ли симъ поступкомъ шобъ, кшо по чину своему имѣетъ на то болѣе права, и слѣдственно можетъ почестъ себя обиженнымъ. Всего неприятнѣе было въ танцахъ назначать мѣста женщинамъ; ибо сїе обстоятельство каждой разъ подавало случай къ спорамъ въ собраніяхъ.

Евреевъ немного въ Индіи, и рѣдкіе изъ нихъ тамъ селятся. Впрочемъ торговля замашки *Баніанъ*, то есть Индійцевъ того племени, которое упражняется единственно въ мѣлочныхъ промыслахъ, совершенно походящъ на жидовскія. Они производятъ всю мѣлочную торговлю въ

городѣ Калькуштѣ; носятъ по домамъ свои товары, и всячески стараются продать ихъ для себя съ выгодною; надобно хорошо знать, по какой цѣнѣ вещи продаются, чшобы не попалъ въ ихъ сѣти. Люди сїи опличаются подлою хитростію, которая родилась въ нихъ отъ жадности къ прибышку, и за которую сограждане вовсе ихъ не уважаютъ; ибо промышленники сїи неспыдаясь даже хвастають, когда удалось имъ обмануть кого-либо продажей. Впрочемъ всѣ товары гораздо дешевле продаются въ лавкахъ Индіянъ, нежели Европейцовъ, отъ того что первые менѣе проживають денегъ.

Въ послѣдніе годы, когда число Европейцевъ значительно умножилось въ Индіи, а особливо въ Бенгальской области, воспитаніе юношества сдѣлалось важнымъ предметомъ общественнаго попеченія. По причинѣ легкихъ способовъ набогачаться и часъ отъ часу усиливающегося расплѣнія нравовъ, у Европейцевъ ежегодно родится множество дѣтей законныхъ и побочныхъ. Послѣдніе большею частію поручаются общественной попечительности. Европейцы не держатъ ихъ у себя дома; а природные жишели даже гнушаются ими. Для того учреждены воспитательные дома, въ которыхъ незаконнорожденные дѣти и вообще

сироты содержатся безденежно. Для ученія дѣтей обоего пола опредѣлены наставники и наставницы. Бѣдные родители отдають дѣтей своихъ въ сіе же заведеніе, плащя ежегодно умѣренную цѣну.

По причинѣ множества дѣтей начальники незнають, что съ ними дѣлать при нашествіи срока къ выпуску. Сіе особливо касается до питомокъ; ибо какъ въ Калькуттѣ нѣтъ средняго состоянія между Европейцами и Индійцами, то и разумѣется само собою, что сіи безродныя дѣвушки нескоро находятъ себѣ приспанище. Отъ того число дѣтей ежегодно увеличивается. Жалко и горестно смотрѣть на молодыхъ дѣвицъ, зная, что большая часть изъ нихъ должна оставаться навсегда въ воспитательномъ домѣ.

Благошворительные Европейцы учредили больницу въ Калькуттѣ единственно для тамошнихъ жителей природныхъ. Весьма странно, что до Европейцовъ не было въ Индіи ни одного подобнаго заведенія. Индійцы строили страннопріимныя дома для собакъ и кошекъ — а о людяхъ позабыли!

Хотя ученіе вѣры не дозволяетъ Индійцамъ пользоваться лѣкарствами отъ на-

шихъ медиковъ; однакожь они поприхоньку весьма часно пребуютъ у нихъ совѣповъ.

Опыты доказали, что вообще подъ поворотными кругами климатъ весьма нездоровъ для Европейцовъ, а особливо тамъ, гдѣ земля ровная, болотистая и жаркая. Батавія, на примѣръ, есть мѣсто самое опасное. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ Калькуштѣ высушили многія болота, и большія полосы безплодной земли сдѣланы удобными къ посѣву; несмотря на то еще многого недостаетъ, чѣобы область Бенгальскую можно было называть здоровою. Причина, почему Европейцы теперь менѣе страдаютъ отъ климата нежели прежде, состоитъ въ томъ, что нашли средства нѣсколько ослаблять вредныя его дѣйствія. Жители Калькушты вообще стали воздержнѣе въ пищѣ, а особливо въ пищи, которое прежде влекло за собою пагубныя слѣдствія. Самые врачи теперь лучше знаютъ свойство тамошнихъ болѣзней. Почти всѣ недуги, которыми подвержены Европейцы, происходятъ отъ желчи. Пребываніе въ Бенгалахъ можно назвать пробнымъ камнемъ здоровья. Многіе изъ Европейцовъ умираютъ въ короткое время; другіе подвержены бывающъ слабости, часъ отъ часу увеличивающейся, которая наконецъ превращается

въ совершенную сухотку. Нѣкошорымъ удаешся посредствомъ строгой діеты сохранишь себя отъ вреднаго дѣйствія климата ; однаковъ здоровье сихъ людей всегда измѣняешся, и они обыкновенно поспѣшають возвратишься въ Европу, чшобы по возможности продлишь остатокъ жизни:

Блѣдножелшой цвѣтъ лица естъ обыкновенный признакъ всѣхъ людей, живущихъ въ Бенгальской обласши: Увидѣвши чело-вѣка съ лицомъ свѣжимъ, пошчасъ заключають, что это недавно приѣхавшій изъ Европы. Даже изъ шѣхъ Европейцовъ, которые по виду кажутся совершенно здоровыми, весьма немногіе въ продолженіе жаровъ лѣшнихъ могутъ опправлять какою-либо работу, пребующую движенія: Случаешся, что въ баталіонѣ бываешъ лѣшомъ по одному только или по два здоровыхъ офицеровъ, годныхъ исполняшь свою должность, хошя прочихъ не лзя назвашь больными.

Особы женскаго пола постоянно вѣдушъ жизнь умѣренную ; отъ того менѣе бывають подвержены вреднымъ дѣйствіямъ атмосферы ; нежели мужчины: Несмотря на то, краса женшинъ скоро увядаешъ, и рѣдкія берегають свѣжій цвѣтъ на лицѣ своемъ: Всякая женщина, приѣхавшая въ Индію, по прошествіи года носить уже

на себѣ признани разрушенія. Прежде многимъ красавицамъ Европейскимъ удавалось поспѣвать по приѣздѣ въ Индію выгодно выходить за мужъ; нынѣ, когда число сихъ невѣстъ увеличилось, онѣ уже не такъ легко получаютъ желаемое. Случается нерѣдко, что молодыя дѣвушки, бесполезно проживши 3 или 4 года въ Калькутѣ, и потерявъ красоту свою и здоровье, принуждены бываюти возвращаться въ Европу. Можети быти настанетъ время, когда сіи любезныя странницы плывучи въ Европу будутъ находить на мысѣ Доброй Надежды то, чего тщетно искали въ Индіи.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

VIII.

Возрожденіе Германіи.

Nil sperandum.

Сочинители песпрадонъ, издатели журналовъ и рецензенты истощаюти весь запасъ разума своего на похвалы, соплетаемыя возрожденію Германіи и виновникамъ онаго. Приспращныи зрители заранѣе пророчествуюти о счастливыхъ слѣдствіяхъ сея перемѣны. Систематики пишути учебныя книги о новыхъ законахъ,

жопя доньяѣ еще не положено прочнаго имѣ основанія. Только изрѣдка слышится голосъ чловѣка мыслящаго, копорой не вѣришь появленію сего феникса, видишь разрушеніе, ожидаетъ прославляемаго возрожденія, ежели только оно когда-либо сбудется, и чувствуетъ, что любезное отечество его вычернено изъ списка государствъ независимыхъ.

Увидѣвши въ Мартѣ мѣсяцѣ Минервы спашью съ надписью *Nil difperandum*, я подумалъ-было, что сочинитель ея принадлежитъ къ числу сомнѣвающихся полишниковъ; я надѣялся найши голосъ патриота, копорой не ослѣпляется пустыми призраками, видишь нынѣшнее положеніе Германіи, знаетъ, что оно весьма худо, но неопчаевается въ поправленіи. Ожиданіе мое ушвердилось еще болѣе, когда примѣшилъ я, что начало спашьи изуродовано, или отъ страха или по принужденію. Сочинитель говоритъ о потерянной независимости; видишь вокругъ себя пустошу и разрушеніе. Можетъ быть въ спрочкахъ выброшенныхъ говорено было о невозвратной гибели, о вѣчномъ униженіи, о всегдашнемъ рабствѣ. Онъ, какъ истинный Нѣмецъ, печалился, однакожь не предается опчаянію; надѣется лучшаго жребія въ будущемъ, основывая упованіе

свое на великихъ историческихъ событіяхъ.

Такъ! — говоритъ каждой читатель самъ себѣ — авторъ съшлѣ безъ сомнѣнія думалъ объ Ахейскомъ союзѣ и Царѣ Македонскомъ, о Ломбардахъ и Фридрихѣ рыжебородомъ, о Швейцарахъ и Австріи, о Вильгельмѣ Оранскомъ и Филиппѣ II, или, что къ намъ Нѣмцамъ гораздо ближе, о Германнѣ и Августѣ, Морицѣ Саксонскомъ и Карлѣ V, Густавѣ Адолфѣ и Фердинандѣ, Фридрихѣ Великомъ и пѣлою половиною Европы. Такъ! сими примѣрами онъ хочеть поселить надежду и бодрость въ сердцахъ своихъ одноземцовъ!

Но читатель скоро узнаеть свою ошибку.

Гдѣ это лучше основанное и крѣпче составленное зданіе, долженъ спвующее замѣнить *вѣтхую готическую гравину Нѣмецкой Имперіи*? Не ищите его въ нынѣшнемъ Рейнскомъ союзѣ; ибо всякому благомыслящему Нѣмцу извѣстно, что онъ не есть союзъ Германіи, не есть союзъ государствъ добровольно соединившихся. Онъ неимѣеть единства, и даже тогда не имѣлъ бы его, когда, по желанію сочинителя, всѣ прежніе чины Имперіи были бы включены въ число членовъ союза. Въ томъ невидно еще никакого единства, что принадлежаще къ Рейнскому союзу

государяи , объявленные независимыми , но подчиненные высшей власти, имѣютъ равную обязанность подданныхъ своихъ отдавать въ службу чужой Державы , какъ скоро она пошребуетъ сей жертвы: а безъ единства не можетъ быть никакого союза ; безъ него разрушенныя части никогда не могутъ составишь цѣлой машины. Правда , что войска нѣкоторыхъ государствъ Нѣмецкихъ соединены довольно крѣпко, или лучше сказать, военная сила Германіи вокругъ обложена цѣпью , коея оба конца находятся въ мощной рукѣ повелителя , управляющаго ими по своему желанію : вотъ все , что сдѣлано по разрушеніи Нѣмецкой Имперіи. Тутъ не только невидно основанія для будущей независимости , но въ помѣ-шо и состоишь главное препятствіе.

Кромѣ Князя Примаса, ни одинъ изъ государей Нѣмецкихъ не показалъ намѣренія заботишья объ уложеніи. Данное имъ самодержавіе повидимому ни для чего болѣе не служишь, какъ для взаимнаго ихъ опчужденія. Говорили о предполагаемомъ Сеймѣ ; наконецъ объ немъ забыли. Приготовленъ актъ уложенія; но онъ, шому уже нѣсколько мѣсяцовъ , лежишь въ Парижѣ. Мечшалаи объ Ареопагахъ , о которыхъ донынѣ ничего неизвѣстно. Ожидали благихъ слѣдствій отъ дѣяшельности Іоганна

Миллера; но онъ сложилъ съ себя званіе государственнаго Секретаря, и единствен-но занимается учебными заведеніями въ Кассель.

Какую выгоду получило *единство управленія* отъ того, что Князья Сольмскій, Видскій, Сейнскій, Лейнингенскій и многіе другіе лишились владѣній своихъ, а на мѣсто ихъ помѣщики малыхъ деревень сдѣланы владѣтельными Князьями? Какая въ томъ польза, что вмѣсто прежнихъ государей, довольно сильныхъ, приняты въ союзъ Князья слабые, и объявлены самодержавными?

Сочинитель говоритъ, что низложенныхъ Князей постигло *праведное мщеніе Немезисы* и что они явили себя *недостойными уваженія*. Споль дерзновенной приговоръ даетъ намъ причину думать, что сочинителю болѣе извѣсны тайнства Рейнскаго союза, нежели намъ прощымъ людямъ. Гдѣ мы ничего невидимъ кромѣ случая и рѣшительнаго произвола; тамъ онъ ясно усматриваетъ дальновидныя намѣренія, полезныя распоряженія. Жаль только, что ему неугодно было сказать, кто именно сѣи жертвы праведнаго мщенія Немезисы; жаль, что не упоминаетъ о тѣхъ преступленіяхъ, за которые низверженныхъ Князей исключилъ изъ числа государей достопочтенныхъ.

Говоря о повинности Нѣмецкихъ государей отдавать войска свои въ чужое распоряженіе, сочинитель предлагаетъ вопросъ: „Развѣ Германія не обогрѣлась кровію за домъ Австрійскій?“ Мы будемъ отвѣчать вопросами же: Когда Австрія для собственной своей войны требовала войскъ отъ чиновъ Имперскихъ? Когда всѣ войска Германіи были въ распоряженіи Австрійскаго дома? Не каждой ли разѣ надлежало опредѣлять на Сеймѣ о войнахъ, ежели она касалась до чиновъ Имперіи? Теперь, напрошивъ, не отъ произволу ли одной особы зависить приказать Нѣмцамъ сражаться за чужое государство? Сочинитель можетъ бытъ еще не знаетъ, что сверхъ опредѣленнаго участка недавно отъ Рейнскаго Союза потребовано 20,000 рекрутъ для Французскаго войска.

Не лзя не согласиться съ господиномъ сочинителемъ, что всѣ желаютъ общаго мира. Но ежели онъ думаетъ, что къ нему уже проложена дорога, и что миръ скоро совершится; то грубо ошибается, невѣдая о происшествіяхъ свѣта. „Англія клонится къ упадку; для Франціи миръ весьма нуженъ; Императоръ желаетъ мира.“ Изъ сихъ положеній второе можно принять за неоспоримое; первое и претіе сомнительны. Господинъ сочинитель знаетъ сокровѣннѣйшія намѣренія

такого Монарха, которой не объявляешь ихъ никому, ниже ближайшимъ своимъ Министрамъ, и даже въ то время, когда производишь оныя въ дѣйство!

Господинъ сочинитель увѣряетъ, что Франція, имѣвши удобной случай опечесство наше превратить въ свою провинцію, великодушно опрелася отъ сего приобретения. Къпожь изъ новыхъ государей можешь похвалиться, что въ управленіи важнѣйшихъ частей дѣйствуетъ совершенно по своей волѣ? Самъ Неспоръ государей Нѣмецкихъ не долженъ ли былъ ввести у себя перемѣны по руководству чуждой власти? Не былъ ли онъ принужденъ законы своего опечесства приаровить къ уложенію Французскому? Не дѣлаются ли и въ другихъ мѣстахъ пригошвленія къ принятію чуждыхъ законовъ? Одно изъ сильнѣйшихъ государствъ Рейнскаго союза, Веспфальское Королевство, не образуешь ли по Французскимъ обычаямъ? Не очевидно ли, что все Нѣмецкое исчезаетъ, не исключая даже наименованій? Оберъ - Амшманны превращаются въ *Префекты*, Биргермейстеры и сельскіе учители въ *Меры*, городовые магистраты въ *совѣты муниципальные*, амшманы въ *супрефекты* и *мирные суды*, оберфорштмейстеры въ *inspecteurs des forêts*, и проч.?

Великому Герцогству Бергскому пред-
стоитъ равная участь. Вестфалія и Бергъ
новидимому должны бытъ образцами для
устроенія новаго порядка въ прочихъ ча-
стяхъ Германіи. Послѣ сего пускай сомѣ-
вается, кто хочетъ, будшо Германія и
теперь еще не есть провинція Французской
Имперіи! *(Изъ Архив. Минервал.)*

IX.

Извѣстія и замѣчанія.

Мрачная туча, на горизонтѣ подиши-
ческомъ недавно явившаяся, еще но-
сится надъ Европою, и до сихъ поръ ни-
кто не увѣренъ, исчезнетъ ли она безвре-
дно, или воспламенитъ войну въ Германіи.
Изъ разныхъ мѣстъ пишутъ, что со-
стороны Австріи ничего опасаться не
должно, и что Императоръ Наполеонъ по-
лучилъ весьма удовлетворительный от-
вѣтъ касательно земскаго ополченія и
вообще приготовленій военныхъ. Между-
тѣмъ въ министерскихъ кабинетахъ ра-
ботающъ неупомимо; движенія въ вой-
скахъ продолжаются. безоспаповочно и
еще дѣятельнѣе, нежели прежде. Все
Австрійское войско состоятъ будетъ изъ
8 частей, подъ начальствомъ Эрцгерцо-
говъ и отличнѣйшихъ генераловъ; число

людей для каждой части предполагается до 40,000 ; известный полковникъ Графъ Варшенслебенъ, которой въ 1805 году подъ Ульмомъ съ 1500 гусаръ пробился сквозь Французскую армію, получилъ приказаніе немедленно ѣхать къ полку изъ своего помѣстья. Духовныя особы по возможности своей содѣйствуютъ поспѣшному образованію земскаго войска, а нѣкоторые изъ нихъ объявили желаніе защищать опечесство. Велѣно набирать бездѣтныхъ вдовъ и пожилыхъ дѣвокъ, которыхъ будутъ приспавлены къ больницамъ и казармамъ для мытья и услуги. Не смотря на такую дѣятельность, не смотря на готовность Венгровъ идти поголовно противъ непріятели, кажется, что съ обѣихъ сторонъ опасаются начинать дѣло. Конечно Англія очень обрадуется, когда между двумя сильными государствами опять загорится война въ Европѣ; однакожь друзья человечества желаютъ мира, и надѣются, что великодушное посредство Сѣвернаго Монарха удалитъ всякія опасенія.

Замѣчаютъ, что Императоръ Наполеонъ, которой въ прежнее время начиналъ войну поспѣшно и рѣшительно, поступаетъ нынѣ гораздо осторожнѣе. Можеть бысть это приписывать должно тому, что обстоятельство Франціи теперь не въ такомъ положеніи, въ какомъ прежде были.

Государства, почитаемыя прежде завоеванными землями, нынѣ собственно принадлежатъ брашьямъ его или ближнимъ родственникамъ. Только Португаллія, Ганноверъ и Пруссія изъ числа оныхъ извѣмлюшся, сосшоя подъ военнымъ управленіемъ Франціи; но сіи земли приносятъ невеликую прибыль. Оказавшіяся недовольствія въ Италіи, а особливо въ Тосканѣ и Церковной Области, сопротивленіе, встрѣчаемое въ Испаніи, безпокойства, на берегахъ Испанскихъ и Португальскихъ открывающіяся, пребуютъ заботливыхъ распоряженій и крайней осторожности.

Въ Пруссіи войска приводяшся въ движеніе и пришомъ весьма дѣяшельно. Никто не знаетъ подлинно, куда онѣ назначаются; но судя по дружескимъ связямъ между Франціею и Пруссіею, о которыхъ пишутъ въ Парижскихъ вѣдомостяхъ, угадывать неспрудно. Однакожь Король все еще живетъ въ Кенигсбергѣ, и прилѣжно занимается устройеніемъ порядка по части военной и гражданской; объ отбѣздѣ его въ Берлинъ доселѣ ничего неслышно.

Въ короткое время прошло черезъ Дрезденъ около 25,000 Французовъ. Они ѣдутъ на крестьянскихъ подводахъ, идутъ черезъ городъ строемъ, попомъ оная садятся на повозки. Увѣряютъ, что къ сему

Французскому корпусу присоединится около 15,000 Саксонцовъ.

Въ Испанію отправляются войска безостановочно сухимъ путемъ; ибо Англійской флотъ, плавающій у береговъ Средиземнаго моря, не только препятствуетъ посылать людей военныхъ, но даже дѣлаетъ остановку въ торговыхъ сношеніяхъ; отъ чего въ Марсели крайне жалуются на бездѣйствіе, а купцы терпятъ немалой убытокъ. О военныхъ дѣйствіяхъ въ Испаніи достоверно ничего не знаютъ. Недавно писали, утверждаясь на молвъ, что Маршалъ Бессьеръ недалеко отъ Валладолида разбилъ Испанскихъ мятежниковъ, собравшихся изъ провинцій Галлиціи, Астуріи и Леона, и что послѣдніе при семъ случаѣ потеряли 10,000 человекъ одними убитыми. Въ Вѣнѣ говорятъ, что мятежники послали въ Лондонъ своихъ депушатовъ, которые выпросили свободу плѣннымъ Испанцамъ, и сверхъ того 15,000 человекъ вспомогательнаго войска. По извѣстіямъ изъ Ліона отъ 7 Августа видно, что между Франціею и Испаніею нѣтъ еще никакихъ сношеній, кромѣ военныхъ. „Большая дорога изъ Байоны въ Мадридъ, черезъ Вишпорію, Бургосъ и Валладолидъ, небезопасна для отправленія товаровъ; другая черезъ Перпиньянъ въ Барцеллону еще ненадежна,

Пошому что въ Капалонїи мяшежи не
ушли. Надобно знашь, что Капалон-
скїе мяшежники не имбють никакой связи
сб мяшежниками других провинцій: они
состоятъ изъ поселянъ, а не изъ город-
скихъ жителей, и подняли оружіе пошому
только, что думаютъ, будто вѣрѣ угро-
жаетъ опасность. Большой части Фран-
цузскаго войска, нынѣ отправляемаго въ
Испанїю, велѣно идти въ Капалонїю. Глав-
ная квартира Генерала Дюгема все еще
находится въ Барселлонѣ, и походъ его
въ Валенцію по видимому остановленъ.
О состоянїи дѣлъ въ Валенціи и Мурціи
ничего достоверно не знаютъ; а только
надѣются, что обѣ сїи провинціи добро-
вольно покорятся скипетру Іосифа-Напо-
леона. Извѣстїе о высадкѣ Англичанъ въ
сихъ странахъ и о взятїи ими флота
подъ Каррагеною неподтверждается. Во
внутреннихъ провинціяхъ Испанїи восста-
новлено спокойствїе. Со времени отбѣзда
Гроссѣ - Герцога Бергскаго главное началь-
ство надъ всѣми Французскими войсками
поручено Генералу Савари, Адъютанту
Императора, нынѣ пожалованному въ до-
стоинство Герцога Ровиго. Онъ же отпра-
вляетъ и важную должность Генералъ-Лей-
тенанта, или намѣстника Королевскаго;
Іосифъ прилжно занимается новымъ
устройствемъ военной части. Многіе Генер-

ралы, въ числѣ ихъ Журданъ и Дюмасъ, призваны изъ Франціи и Неаполя. Общественнаго управленія Массены въ Испанію опять ничего не слышно. Увѣряютъ, что многолюдный корпусъ Французскій навсегда будетъ оставленъ при Королѣ Іосифѣ. Въ Кадиксѣ еще не вошли Французы; и жители сего города продолжаютъ свои дружескія сношенія съ мятежниками Севильскими и Гренадскими. Въ Андалузію вступилъ корпусъ Французовъ; но до сраженія еще не доходило, ибо надѣются возстановить порядокъ миролюбнымъ образомъ. Изъ сѣверозападной Испаніи и изъ Португаліи съ нѣкотораго времени вовсе не получаютъ извѣстія; но послѣднія, какія только дошли до насъ, не подають причины къ важнымъ опасеніямъ. Впрочемъ вообще надѣются, что дѣла въ Испаніи скоро приведены будутъ въ лучшее состояніе; ибо присутствіе новаго Короля въ Мадридѣ, его умѣренность и рѣшительность, власть многихъ вельможъ, въ службѣ его состоящихъ и управляющихъ важныя должности, великое и припомъ ежедневно умножающееся число людей, преданныхъ новому правительству, безнадежное состояніе мятежниковъ, неизмѣняющаго распорядителя и дѣйствующаго совершенно безъ плана, наконецъ все даетъ основательную причину ожидать счастливыхъ.

елѣдствіѣй. Англичане до сихъ поръ нигдѣ не высадили войскъ своихъ, ниже въ Португаліи, въ которой они надѣялись найти сообщниковъ болѣе, нежели въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. О будущей судьбѣ Португаліи ничего достоверно неизвѣстно; а разныхъ слуховъ, прошивурѣчицъ одинъ другому, мы повсюду здѣсь не намѣрены. Россійской флотъ Адмирала Сивина стоялъ на якоряхъ въ пристани Лиссабонской.“

Юля 15 въ Байонѣ подписанъ Императоромъ Наполеономъ манифестъ о возведеніи Гросс-Герцога Іоакима въ достоинство Короля Неаполитанскаго и Сицилійскаго. Каролина супруга Іоакимова, овдовѣвъ, получила престолъ Королевскій. Во всякомъ другомъ случаѣ женской полѣ изключается изъ наслѣдства, которое должно переходить въ родъ Императора Наполеона, потомъ Короля Іосифа, потомъ Короля Лудовика, потомъ Короля Іеронима. Новый Монархъ Неаполитанскій, имѣвъ свиданіе въ Парижѣ съ Императоромъ, уже отправился въ свои области.

Турецкій Визирь со стотысячнымъ войскомъ, послѣ 12-дневнаго пути, подошелъ къ городу Софіи, что въ Болгаріи. Тамъ при священномъ знамени Магомедовѣ Турки поклялись жестоко опустошить Сербамъ. Послѣ того Солиманъ Паша съ ча-

спію Азіатцівъ опправился къ Ниссѣ , сразился два раза съ Серб ми (13 и 14 Іюля) , опбилъ у нихъ крѣпосщцу Делиградъ , и опнялъ 9 пушекъ ; 2 знамя и нѣсколько свѣспныхъ и военныхъ припасовъ . Большаго же сраженія , о кошоромъ писано въ нѣкошорыхъ вѣдомостяхъ , совсѣмъ не было . Сербскій Сенащъ издалъ повелѣніе , чшобы всѣ способные носить оружіе выходили на сборныя мѣста . Теперь уже они гошovy .

Въ Конспаншинополѣ 28 число Іюля ознаменовано важнымъ государствениымъ произшесшвїемъ . Мустафа Байрактаръ ; Паша Рущукскій , предпринялъ возвести на престолъ Султана Селима , сверженнаго въ прошломъ году за нововводимыя ире-мѣны , а можетъ бышь и за преданносшь его Франціи . Онъ пришелъ съ частію надежнаго войска , захватилъ Дарданельскаго Комменданша , Кавагли Оглу , кошорому потчасъ велѣлъ опрубишь голову , низложилъ Муршїя и всѣхъ Минисшровъ Султана Мустафы , и задушилъ Агу Ннычарскаго . Султаномъ провозглашенъ Магмушъ брашъ Мустафы , сынъ Абдула Гамида ; родившійся 1785 года . Еще не знають ; что сдѣлалось съ Мустафою .

11 Септябрѣ :

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ОКТАБРЬ, 1808.

№ 19.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Меланхолія.

(Сочиненіе женщины, которая никогда не бывала въ меланхолии.)

Я была высока ростомъ, имѣла свѣшлые волосы, блѣдное лице, голубые глаза и наружность спокойную; меня увѣряли, въ то время, когда начали увѣрять во многомъ, что я имѣю видъ меланхолическій. Дѣвушка пятнадцати лѣтъ думаетъ весьма много о томъ, что ей говорятъ, и никогда не воображаетъ, чтобы могли съ нею говорить не подумавши. Я начала уважать меланхолію именно потому, что она замѣчена была во мнѣ другими, радовалась, что имѣла въ себѣ такое необыкновенное достоинство, наконецъ старалась пріобрѣсти яснѣйшую идею о

меланхоліи, чшобы при случаѣ, когда начнушѣ восхищаться моимѣ меланхолическимѣ видомѣ, имѣшѣ нѣкоторое понятіе о той пріятности, которой цѣлый свѣтѣ во мнѣ удивлялся.

Эшо случилось со мною вѣ началѣ зимы: открылись балы, и я забыла на время о меланхоліи. Делиль говоритѣ правду: меланхолія не любитѣ ни шума, ни собраній блестящихѣ, по крайней мѣрѣ, я вѣ этомѣ увѣрена по собственному опыту. При первомѣ конпредансѣ исчезалѣ во мнѣ тотѣ милый меланхолическій видѣ, которымѣ плѣняла я другихѣ; и вѣ промежуткахѣ танцовѣ, вѣ минушу принужденнаго отдыха, когда я должна была сидѣшѣ на софѣ, пошому чшо никому не приходило вѣ голову со мною танцовать, на лицѣ моемѣ написаны были, вмѣсто меланхоліи, скука, нетерпѣніе, безпокойство. Скажу откровенно, чшо вѣ большомѣ свѣтѣ всѣ чувства, будучи слишкомѣ быспры, и слѣдуя одно за другимѣ чрезвычайно поспѣшно, прошивны меланхоліи, пребующей *простора*, времени, пригошовленія; кшо хочешѣ имѣшѣ ее, шопѣ, можно сказать, долженѣ кѣ ней расположить себя такѣ точно, какѣ бы онѣ располагался спать: по крайней мѣрѣ положеніе меланхолика не должно быть ни слишкомѣ видное, ни

слишкомъ прїятное, ни слишкомъ не-прїятное и менѣе всего безпокойное: всякое волненіе уничтожаетъ ее; и я увѣрена, что въ почтовой коляскѣ также не легко погрузишься въ меланхолію, какъ и заснуть покойнымъ сномъ.

Въ концѣ Декабря побѣжала я въ деревню съ моимъ опцемъ, который по дѣламъ своимъ принужденъ былъ оставить Парижъ: не подумайте, чтобы я нашла меланхолію въ древнемъ; почти развалившемся замкѣ, почтенной обитали моихъ предковъ — я нашла въ немъ одну ужасную скуку. Не было ли мнѣ время подумать о меланхоліи! я сожалѣла, печалилась, желала, мучилась безпокойствомъ. Въ пасмурный день ожидала свѣтлаго; въ холодный зябла; въ бурный и вѣтрѣнный; когда Готическія окна нашего замка ужасно стучали, боялась; зябнуть; бояться не иное что; какъ просто зябнуть и бояться — толи называется быть въ меланхоліи; копорой дѣйствія никогда не могутъ быть выражены словами? По крайней мѣрѣ, горести; копорья можно назвать по имени; и впечатлѣнія, въ копорыхъ мы можемъ дать себѣ отчетъ; ни мало не составляютъ меланхоліи: Словомъ сказать; я провела въ старомъ замкѣ цѣлую зиму; не меланхолическую; но чрезвычайно печальную.

Наконецъ пришла весна, и вмѣстѣ съ весною явился въ нашей пемницѣ одинъ молодой человекъ, прекрасный собою и очень любезный: безъ него, можетъ быть, и весна, и зелень, и воды, и пѣніе птицъ познакомили бы меня съ меланхоліею; но такъ случилось, что я и онъ были неразлучны, вездѣ — и на зеленыхъ лугахъ, и на берегу водъ, и въ рощѣ, гдѣ пѣли птицы! Я чувствовала въ себѣ новую живость, была въ волненіи, въ безпокойствѣ, старалась его занимать, искала его взоровъ, съ чувствомъ слушала каждое слово его, давала особенный смыслъ каждому его движенію; каждая наступающая минута казалась мнѣ щастливѣе пропекшей; я упреждала время, и призывая будущее, была привязана всею душою къ прошедшему: въ его отсутствіи, думала я объ одномъ его возвращеніи, и думала безпрестанно: увѣряюшъ, что любовь неразлучна съ меланхоліею! любовь довольная и еще постоянная — вѣрю! она уже не имѣетъ нужды въ надеждѣ, еще незнакома съ раскаяніемъ, и забавляетъ себя меланхоліею (*). Не знаю, имѣла ли я настоящую любовь;

(*) Извинише, милостивѣя государыня! по чувство, которое почитали вы любовію, кажется намъ было не иное что, какъ сильное желаніе нравиться. Послѣ печальной

но твердо увѣрена, что не имѣла и признака меланхолии.

Я никогда не забуду этого времени, которое почишаю лучшимъ въ моей жизни: оно прошло, и прошло невозвратно.

зимы и скучныхъ провинціальныхъ лицъ, явленіе весны и съ нею пріятнаго Парижскаго лица, съ блестящими, краснорѣчивыми глазами, съ привѣтливою улыбкою, можетъ показаться очаровательнымъ. Удовольствіе, которое противъ воли находишь въ обществѣ молодого челоѣка, должно быть слишкомъ живо, когда онъ непосредственно слѣдуешь за скукою зимнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ пустомъ замкѣ, и весьма простиительно принять его за наспорящую любовь: привѣтствія, соединенныя съ вѣжливимъ взглядомъ и широкимъ гармоніею пріятнаго голоса, дѣйствуютъ совсѣмъ иначе на сердце пятнадцатилѣтней дѣвушки, нежели шумъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, отъ котораго стучатъ Готическія окна и хлопаютъ желѣзныя ставни; и мы не удивимся, если первыя покажутся истинною мелодіею любви для той, которая цѣлые три мѣсяца осуждена была внимать однимъ послѣднимъ. Всѣ сіи обстоятельство легко могли обмануть любезную искашельницу меланхолии. Она, по совѣсти, можетъ насъ

Я не сказала своей тайны : въ шестна-
цать лѣтъ весьма трудно скрываться ,
но очень легко молчать ; однако при-

убрашь, что испытала прямую любовь ; столь
же естественно ей удивляться, что вмѣстѣ
съ любовью не чувствовала она меланхоли;
наконецъ весьма позволительно ей утвер-
ждать, что меланхолия есть приближище любви
праздной, то есть, щасливой и еще по-
сторонней. Мы, съ своей стороны, отважи-
ваемся замѣтить, что любовь, разумѣется
исключая, та, которая объемлетъ сердце
и не дѣетъ въ немъ мѣста никакому другому
чувству, и щасливая и несчастная, нераз-
лучна съ меланхоліею, несомнѣнною на-
противъ съ желаніемъ нравиться — ска-
зать *кокетствомъ* было бы грубо; но го-
воря языкомъ нашихъ прародителей, кото-
рые никогда не таили правды, и основы-
ваясь на ихъ священномъ правилѣ : *тому,*
кто солжетъ, да будетъ слыдно, осмѣ-
лимся признаться нашей остроумной сочи-
тельницѣ, что истинную любовь ея почи-
таемъ истиннымъ кокетствомъ, слѣдова-
тельно охотно увольняемъ ее отъ меланхо-
ли. Желаніе нравиться — возвратимся къ
учтивости нашихъ современниковъ — ожи-
вляетъ, приводитъ въ волненіе, въ без-
цокоество, слѣдовательно не даетъ мѣста
меланхоліи, тихой, ограничивающей душу

знаніе слетѣло бы съ языка моего, когда бы шотъ, который ожидалъ его съ такимъ неперпѣніемъ, не вздумалъ пред-

---

тѣмъ единственнымъ чувствомъ, которымъ она полна, которое для нее дорого, отъ котораго она отдѣлиться не въ силахъ. Любовь, и щастливая и несчастная (выключая одно несчастіе мучительной ревности), до тѣхъ поръ, пока она оспается любовію, необходимо соединена съ меланхоліею. Меланхолія не есть ни горестъ, ни радость: я назвалъ бы ее отпѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, отпѣнкомъ унынія на душѣ щастливца. Любовь, и щастливая и несчастная, съ той самой минуты, въ которую поселяется она въ сердцѣ, усиливается въ немъ безпреспанно, и та минута, въ которую это спремленіе прекращается, или уничтожаетъ ее на вѣки, или обращаетъ ее въ пихую, неизмѣняемую привязанность: въ обоихъ случаяхъ она теряетъ имя любви, и тогда только отдѣляется отъ нее меланхолія. Щастіе любви есть наслажденіе меланхолическое: то, что чувствуешь въ настоящую минушу, менѣе того, что будешь или что желалъ бы чувствовать въ слѣдующую: ты щастливъ, но стремишься къ большему, болѣе совершенному щастію, слѣдовательно въ самомъ твоёмъ упоеніи ощутишелеиъ для

упредишь меня — своею невѣрностію!
онъ меня оставилъ: я удивилась, на-
чала сердиться, плакашь! называла его

тебя какой - то недостаткомъ, копо-
рый вливаетъ въ душу твою тихое
уныніе, придающее болѣе живости самому
наслажденію; ты не находишь словъ для
изображенія тайнаго соспоянія души твоей,
и это самое безсиліе погружаетъ тебя въ
задумчивость! И когда же щастливая любовь
выражалась веселіемъ? Когда не замѣняла она
изобильнаго языка Орапоровъ томностію
меланхолическаго взгляда, задумчивымъ без-
молвіемъ, чувствомъ непримѣтно разливаю-
щимся по лицу и понятнымъ для одного толь-
ко взора, тихимъ звукомъ голоса, слышимъ
и отзынающимся въ одномъ только сердцѣ?
Пока любовь возрастаетъ, по шѣхъ поръ она
неразлучна съ надеждою: надѣяшься и не
довѣряешь почти одно и тоже, а невѣрная
надежда въ самую минуту щастія соеди-
нена съ уныніемъ меланхолии. Я говорилъ
объ одной любви щастливой, то есть
раздѣляемой и не гонимой судьбою. Любовь
нещастная, любовь, наполняющая душу,
но разлученная съ сладкою надеждою
жить для того, что намъ любезно, слиш-
комъ скоро умертвила бы наше бытіе, ког-
да бы отдѣлена была отъ меланхолии, отъ
сего непонятнаго очарованія, которое при-

неблагодарнымъ , но была бы въ опчаянїи , когда бы имѣла причину требовашь отъ него благодарности ; я радова-

---

даешъ неизбяснимую прелестъ самымъ мученїямъ. Невидимая цѣпь привязываетъ тебя къ твоей горести ; въ ней твое бытіе ; утративъ ее , ты самъ уничиженъ , ибо все то , что прежде наполняло твою душу , вдругъ исчезаетъ . . . и какой любовникъ предпочтетъ мертвую пустоту сію животворному , ничѣмъ незамѣняемому терзанїю своей страсти ? Говоря о несчастїяхъ любви , я воображаю только однѣ препятствїя жребїя : несчастїе утратишь то , что украшало бы нашу жизнь , что для насъ всего выше , всего святѣе , чему нѣтъ никакой замѣны , и утратишь безъ надежды возврата , навѣки — такое несчастїе можетъ отвертитъ душу отъ привязанности къ жизни , ибо жизнь мила не собою , но тѣми привязанностями , которыми живошорится наше сердце ; но это самое чувство отвращенїя отъ жизни можетъ имѣть нѣкоторую сладость , меланхолическую , драгоцѣнную , благо единственное ; сладость , заключенную въ мысли , что ты любимъ , хотя не долженъ мечтать о соединенїи ; или въ мысли , которая не даетъ тебѣ щастїя , но въ то же время не даетъ и совершенно разрушиться заблужденїю души твоей ; въ мысли , что

лась, что не сказала ему ни одного рѣши-
тельного слова, но въ то же время пла-
кала, была въ волненіи; здоровье мое раз-

сердце, опиятое у тебя судьбою, еще свобод-
но, еще спокойно, еще не опданс; невозмож-
ность владѣть имъ тебя терзаешъ, но тай-
ный голосъ тебѣ говоришъ въ то же время:
перемѣнись твоей жребій, и можетъ быть
она была бы твоею! Ты призываешь смерть,
ты веселишься, примѣчая, что жизнь твоя,
въ которой нѣтъ уже будущаго, начинаетъ
гаснуть и наконецъ угасаетъ, но разлу-
чаясь съ нею и останавливая на ней по-
слѣдній, меланхолическій взглядъ, ты го-
воришь: жизнь моя могла бы быть пре-
лесна! Пока человекъ упрекаетъ одну
только судьбу, по тѣхъ поръ остается
ему нѣкоторая обманчивая надежда на пере-
мѣну: и въ сихъ-то упрекахъ, и въ семъ-то
обманчивомъ ожиданіи перемѣны заключено
тайное меланхолическое наслажденіе, которое
самую горестъ дѣлаетъ для него драгоценною.
Но еслили мысль о *взаимности*, суще-
ствующей, или только возможной, отдѣлева
отъ любви; тогда исчезаетъ и то, что въ
самой горести было усладительно для сердца:
ты чувствуешь одно утомительное озира-
щеніе отъ жизни; говоря самому себѣ: я
для *нее* ничто, никогда бытіе мое не бу-
детъ необходимо для *ея* счастья, ты ощу-

строивалось, а меланхолия не приходила! Но щаспю началась революция; она разорила меня, и соспарбла — сильныя причины забыть несчастную склонность. *Не скучно ли вамъ было нынѣшній день?* спросилъ кто-то у одной женщины, которая была принужденною свидѣтельницаю казни десяти или пятнадц-

---

щаешь себя слишкомъ одинокимъ, оставленнымъ; самое уваженіе къ самому себѣ нѣкоторымъ образомъ теряется: оскорбительная мысль быть *ничемъ* для того существа, въ которомъ заключается для насъ *все*, уничтожаетъ самихъ насъ передъ собственными нашими глазами; ты расстаешься съ жизнью безъ сожалѣнія, равнодушный, увѣренный, что въ ней ничто не можетъ уже переѣнниться, что никакія обстоятельства не дадутъ тебѣ единственнаго, незамѣняемаго щастія: любви существа любимаго. Вотъ единственный случай, въ которомъ меланхолия разлучается съ любовью и уступаетъ мѣсто унынію мрачному; во всякомъ другомъ — выключая одно мучительное состояніе ревности — онѣ нераздѣльны. И такъ, любезная искательница меланхолии, говоря, что не имѣла ее вмѣстѣ съ любовью, доказываетъ намъ только то, что она — не любила. Ж.

цапи несчастныхъ, умерщвленныхъ Робеспьеромъ. Надобно признаться, что революція не позволяла намъ ни скучать, ни бытъ въ меланхоліи. Тюрьма производила меланхолію только въ томъ, что ничего, кромѣ тюрьмы, не боишься. Получивъ свободу, я могла бы легко заняться меланхолическими мыслями въ маленькой моей комнатѣ, въ которой не было ничего, кромѣ четырехъ голыхъ стѣнъ, дряхлаго стола о трехъ ножкахъ и глинянаго ночника, если бы могла забыть, что надобно припассти что нибудь къ завтрашнему обѣду. Въ дождливое время я досадовала, что принуждена была идти въ дождь; а въ ясную погоду всего веселѣе было мнѣ думать, что я уже не вымокну на дождѣ: спрашиваю, можно ли по удовольствію, которое ощущаемъ, избѣжавъ отъ спраданія, назвать меланхолическимъ? Оно живо и столь же положительно, какъ и то чувство, которое замѣняетъ: слишкомъ знаешь, что претерпѣлъ, чтобы не знать того, чѣмъ наслаждаешься. Тѣ, которые имѣютъ горести слишкомъ ощущительныя, имѣютъ и радости полныя; пошому — то и удовольствія черны, слѣдуя за тяжкою работою, всегда бывающъ огнь шумны.

Меланхолія — говорила одна умная женщина — *есть выздоровленіе горести,*

И матери своей печали видѣ имѣетъ!
но эта дочь тогда только можетъ быть на-
слѣдницею матери, когда не захватитъ
наслѣдства ни суеты, ни заботы; а вы-
здоровленіе ощутишельно только для
тѣхъ, которые могутъ выздоравливать на
покоѣ. *Простые люди*, сказалъ одинъ
свѣтской человекъ, *очень счастливы: они*
здоровы, когда не больны; то же можно
сказать и о людяхъ занятыхъ: не будучи
несчастливы, они довольны. Мои обстоя-
тельства поправились; но эгимъ обязана я
своей попечительности, и теперь одними
только попеніями могу сдѣлать свои об-
стоятельства еще лучшими: мысль о томъ,
что мнѣ остается исполнить, все-
гда примѣшивается къ тому, что я мо-
гла бы чувствовать; всякое новое на-
слажденіе пробуждаетъ во мнѣ наде-
жду и усиливаетъ желаніе дѣйствовать.
Все мои надежды оживляются, когда я
нахожусь въ пріятномъ обществѣ, или
смотрю на ясное небо, или наслаж-
даюсь прекраснымъ видомъ: тогда начинаю
выдумывать новые планы, размышляю о
средствахъ, готовлюсь къ успѣхамъ. Но
въ пасмурный день, или будучи нездоро-
ва, не могу представить себѣ ничего,
кромѣ непріятностей, воспоминаю однѣ
прошедшія свои неудовольствія, распола-
гаю себя къ новымъ пожертвованіямъ; сло-

вомъ, въ какомъ бы ни была состоянїи моя душа, она всегда имѣетъ пищу что нибудь положительное и существенное. Я никогда не имѣла ни желанїя, ни печали, не зная въ точность, чего желаю и о чемъ печалюсь; никогда не помню, чтобы я была щаслива, не зная навѣрное, отъ чего произтекаетъ мое щастїе и слезы мои всегда имѣли извѣстную мнѣ причину. Меланхолїю можно назвать роскошью, излишномъ чувствительности, худымъ употребленїемъ, которое дѣлаютъ изъ нее люди; которые не знаютъ, что изъ нее сдѣлать. Что же касается до меня, то я всегда знала, на что употребить свою чувствительность; я была *занята* во всѣхъ положенїяхъ жизни, и часто слишкомъ несчастна, чтобы предаваться Меланхолїи.

Каролина II.

II.

*Письмо Рускаго путешественника
изъ Лаузанны.*

1/2 Юля.

Вотъ уже три недѣли, какъ я уѣхалъ изъ Парижа. Однако на канунъ моего отъѣзда успѣлъ побывать въ прекрасной

залъ Одеона, гдѣ былъ данъ Италіянской спектакль — второе представленіе послѣ открытія сего театра. Чтобы получить мѣсто, послалъ я человека въ три часа къ театру, и шуръ съ великимъ трудомъ можно было достать билетъ: по этому заключайте о тѣснотѣ. Симв произшествіемъ кончилось мое пребываніе въ Парижѣ. — Изъ Парижа проѣхалъ я въ Шалонъ (sur la Saone), гдѣ пробылъ день и откуда рѣкой Саоной на почтовой лодкѣ отправился въ Ліонъ. На лѣвомъ берегу рѣки видны холмныя поля, а на правомъ растутъ виноградъ, копорой даетъ легкія или споловыя Бургонскія вины, какъ: Массон, Беанне, Beaujolais и проч. Онѣ чрезвычайно мягки и вкусомъ прекрасны. Привыкши къ Портъ-вейну, я пилъ ихъ за квасъ. Моя порція въ день была отъ двухъ до трехъ бушлоковъ. Вы не можете представить, какая благословенная земля сія часть Бургони, по копорой я ѣхалъ. Во всѣхъ пражиряхъ за столъ съ премо курсами (т. е. мяснымъ, зеленью и десертомъ), съ лучшимъ легкимъ Бургонскимъ виномъ, вы не болѣе платите, какъ 2½ или 3 франка. Вина пейте, сколько хопите; оно, также какъ у насъ въ пражиряхъ квасъ, совсѣмъ не ставится въ счешъ. Что касается до высокихъ или крѣпкихъ Бургонскихъ винъ, какъ Romard, Volney и

прч., то оныя разводятся болѣе къ западу, около Дижона; я черезъ эти мѣста побѣду осенью въ Италію. — Въ Ліонѣ я прожилъ три или чешыре дня. Городъ сей имѣетъ чрезвычайно выгодное положеніе: онъ на мысу, между двухъ рѣкъ Роны и Саоны, только изъ всего видно, что онъ много пострадалъ въ революцію и едва начинаетъ оправляться. — Отсюда проѣхалъ я въ Женеву, гдѣ пробывъ два дни, отправился въ Шамуни, чтобы посмотреть Савойскіе ледники; но погода была чрезвычайно дурная, и по сей причинѣ я принужденъ былъ съ великимъ трудомъ лазить на горы. Отсюда хотѣлъ пройти въ Valais, но за дождями сего выполнить было не возможно; и такъ воротился опять въ Женеву, откуда проѣхалъ въ Лаузану. Третьяго дни ходилъ пѣшкомъ въ Vevey, и изъ сего мѣста переѣзжалъ Леманъ, чтобы увидѣть печальныя скалы Мелльери, копорыя Руссо въ своей Элоизѣ сдѣлалъ столь знаменитыми. Только не успѣлъ побывавъ въ деревушкѣ Кларанъ, и посмотреть Юліиной рощи (bosquet de Julie). Надобно вамъ сказать, что замокъ въ этой извѣстной деревушкѣ принадлежитъ теперь Г. Бургарелли. — Нынѣ вечеромъ ѣду въ Бернъ, гдѣ пробывъ два дни, проберусь черезъ Тунъ въ Unterseen,

и шамб , взявъ проводника , пушусь пѣшкомъ по гористой Швейцарїи , дабы насладиться Алпійскими сценами. — Подвизходъ моего пушешествїя имѣю въ виду посѣпить два весьма примѣчательныя заведенїя : школу Песпалоцїя , и хозяйство Г. Фелленберга въ Гофвилѣ , по близости Берна. Ежели вы еще ничего не слыжали о Фелленбергѣ , то скажу вамъ , что онъ своими новыми методами хлѣбопашества возбудилъ вниманїе всей западной Европы ; онъ человекъ весьма большаго ума , обширныхъ свѣденїй и швердаго характера. Усовершенствованїя его состоятъ въ глубокой распашкѣ и новыхъ земледѣльческихъ инструментахъ , на дѣланїе коихъ дана ему исключительная привиллегїя. Ежели у меня достанетъ довольно денегъ , то я куплю нѣкоторыя модели , и перешлю ихъ къ вамъ черезъ Лейпцигъ ; также пространнѣе увѣдомлю васъ о томъ , что увижу примѣчательнаго въ хозяйствѣ Фелленберга. Я имѣю къ нему письмо отъ одного моего прїятеля , Барона Спакельберга , съ которымъ я вмѣстѣ учился въ Геттингенскомъ Университетѣ.

Г.

III.

Подражаніе Катуллу.

Ахъ! вспомни нѣ счастливы дни,
Въ которые клялась ты вѣчно быть моею —
Какъ скоро протекли они!

Ты говорила мнѣ: „горячностью своею

„Гордисься Лезбія должна;

„Она мнѣ болѣе и воздуха нужна,

„Дышу и украшаюсь ею!

„Съ тобой меня и Зевсъ не можетъ разлу-
чить!

„Моя отрада въ томъ, чтобъ милаго любить!“

Притворныя слова безумца обольщали,

Казалось, Боги имъ внимали!

Прелестница! я былъ обвороженъ тобой!

Теперь исчезло все! злосчастною судьбой

Я радостей лишенъ — свою невѣрность
знаю,

И не любовь мою, но щасніе теряю.

В. Пушкинъ.

IV.

Посланіе къ . . . въ деревню.

И такъ, мой милый другъ, оставя скучный
свѣтъ,

И въ поле уклонясь отъ шума и суеты,

Въ деревнѣ ты живешь, спокойный другъ При-
роды,

Среди кудрявыхъ роць, подъ сѣнію свободы!

И жизнь твоя течетъ , какъ свѣтлый ру-
 чеекъ ,
 Бѣгущій по лугамъ , какъ легкой вѣтерокъ ,
 Играющій въ поляхъ съ душистыми цвѣтами ,
 Или въ тѣни древесъ пастушки съ волосами .
 Безчечность твоя удѣлъ ! спокрапѣ она милѣй
 И пышности владыкъ и блеску богачей !
 Не тотъ , по мнѣ , счастливъ , кто многимъ
 обладаетъ ,
 Воспитанъ въ роскоши , въ звѣздахъ зла-
 тыхъ сіяетъ
 (Ни злато , ни чины ко счастью не
 вѣдутъ) ;
 Но тотъ , чьи ясны дни въ невинности те-
 кутъ ,
 Кто сердцемъ не смущенъ , кто славы не желалъ ,
 Но искренно , въ душѣ , свой рокъ благосло-
 вляя ,
 Доволенъ тѣмъ что есть , и лучшаго не ждетъ —
 И Небо на него лучъ благости лѣетъ !
 Громъ брани до него въ пустынь не доходитъ ;
 Ни алчность почестей , ни зависть не пре-
 вожитъ
 Его , сидящаго при свѣтломъ ручейкѣ ,
 Или въ объятіяхъ своей супруги нѣжной .
 О другъ мой ! такъ и ты , оставя градъ мя-
 тежной ,
 Въ уединеніи , въ безмолвной тишинѣ ,
 Вкушаешь всякій день лишь радости однѣ !
 То бродишь по лугамъ , по полю гуляешь ;
 То лирою своей Климену восхищаешь ;

То быспро на конѣ несешься по полямъ,
Какъ шумный вѣтръ пустынь; по хо-
дишь по ушрамъ
Съ собакой и ружьемъ — и съ птицами воюешь;
То сидя на холмѣ прелестный видъ рисуешь!
А вечеромъ, когда зефировъ рѣзвыхъ рой
На листьяхъ алыхъ розъ, осыпанныхъ росой,
Утихнетъ и заснетъ, какъ пахарь возвратится
Съ полей, чтобы въ семьѣ покоемъ насладиться,
Какъ вечера шуманъ обыметъ мрачный лѣсъ,
Когда усѣется звѣздами сядъ небесъ:
Тогда ты, вышедши изъ хижины смиренной,
Покрытой мягкимъ мхомъ, древами осѣненной,
Съ своею милою приблизишься къ рѣкѣ,
И станешь разбѣгать съ ней волны въ челнокѣ,
И будетъ вамъ Луна сопутницей пріятной!
Взоръ бросивъ на себя, взоръ только сердцу
внятной,
Промолвишь милая, вздохнувъ: другъ нѣж-
ный мой!
Какое счастье быть любимой тобой!
Но, ахъ! всегда Судьбы къ намъ будутъ
такъ преклонны?
Быть можешь, разлучатъ съ тобой насъ лю-
ди злобны,
Иль смерть . . . печальна мысль! . . ., На
что себя смущать,
Ты скажешь ей, на что покой свой нарушать?
Любезны мы Богамъ, чего же намъ стра-
шиться?
Мы чистою душой привыкли имъ молиться!

Когда отъ насъ въ слезахъ убогій уходилъ?
Когда гонимый въ насъ друзей не находилъ?
Утѣшься, милая! мы добры — и конечно
Насъ Боги наградятъ здѣсь жизнью долго-
вѣчной!

По томъ, обнявшись, въ безмолвіи, домой
Пойдете медленно вкушать ночный покой.
Вы не услышите ни пшечекъ щебетанья,
Ни звука отъ роговъ, ни эха грохотанья —
Сны благотворные съ лазоревыхъ небесъ
Слетяшъ на ложе къ вамъ съ толпой пріят-
ныхъ грезъ,

А упренній Зефиръ, прохладу разливая,
Разбудяшъ опять васъ. . . Живи въ поляхъ,
вкушая

Прямая радости чувствительныхъ сердецъ!
Когда же Нимфъ соборъ оставитъ мрачный
лѣсъ,

Когда шуманами одѣтая Аврора
Въ лѣсу поющихъ птицъ не будетъ слышать
хора,

И вмѣсто яркихъ розъ лишь иней по утрамъ
Съ осенней будетъ мглой на землю сыпать
къ намъ:

Тогда, мой милый другъ, въ Столицу возвратися,
Таковъ, какъ былъ всегда, къ друзьямъ сво-
имъ явися!

Повѣрь! и въ городъ возможно съ счастьемъ
жить:

Оно вездѣ — умѣй его лишь находить!

К. П. В . . . . . ий.

V.

Письмо Франклина къ Госложѣ
Гельвецій.

Пасси, 1781.

Огорченный вашимъ намбреніемъ, оставшаяся вѣчно вдовою въ честь покойнаго и достойнаго любви Господина Гельвеція, возвратился я вчера ввечеру домой, бросился на постель, заснулъ, и мнѣ показалось, что я на томъ свѣтѣ, въ поляхъ Елисейскихъ.

У меня спросили: не имѣю ли желаній видѣть кого-нибудь изъ прежнихъ моихъ знакомцевъ, или изъ другихъ замѣчательныхъ для меня людей? — Ведице меня къ Философамъ, сказалъ я. — Въ этой миршовой роцѣ, опевѣчали мнѣ, найдете двоихъ, очень любезныхъ; они сосѣди, живутъ дружно и часто пьютъ вмѣстѣ нектаръ. — „Кто они? — Сократъ и Гельвецій. — Уважаю обоихъ; но прежде хочу увидѣться съ Гельвеціемъ, потому что разумѣю немного по Французски, и никогда не учился по Гречески. — Гельвецій обошелся со мною очень учтиво; онъ зналъ меня по слуху, и долго разговаривалъ со мною объ Американской войнѣ, о состояніи Религій, правительствъ и свободы во Франціи. — „Что же не спросите вы у меня

ничего о вашей пріятельницѣ Госпожѣ Гельвецій? Она васъ помнитъ, и все еще любитъ. Не будетъ часу, какъ я съ нею разстался.“ — Ахъ, Господинъ Франклинъ! вы говорите о моемъ прошедшемъ счастіи; но здѣсь забываютъ прошедшее для того, чтобы наслаждаться настоящимъ. Въ первые годы Елисейской моей жизни, я ни о комъ не думалъ съ такимъ чувствомъ, какъ объ ней. Наконецъ я утѣшился; нашелъ здѣсь другую жену, которая ни въ чемъ не уступаетъ первой; не лъзя сказать, чтобы она равнялась съ нею въ красоту, но она такъ же разсудительна, добросердечна и любитъ меня очень много. Словомъ сказать, я съ нею щасливъ! она старается угождать мнѣ въ самыхъ бездѣлицахъ; теперь ея нѣтъ дома — будучи великая хозяйка, она сама пошла закупасть нектаръ и амброзію, которыми хотимъ угостить нынѣшній вечеръ нѣкоторыхъ старинныхъ знакомцевъ. Прошу васъ подождать еще полчаса: вы ее увидите. — „Я примѣчаю, Господинъ Гельвецій, что наша общая пріятельница постоянно въ васъ: многіе, очень изрядные люди просили у нее позволенія заступитъ ваше мѣсто, и всѣ получили отказъ. Я самъ признаюсь долженъ, что любилъ ее безъ ума — что же? изъ любви къ вамъ, она и не подумала отвѣчать на

любовь мою. “ — Сожалѣю о вашемъ нещасїи, любезный Франклинь! Госпожа Гельвецій добрая, прекрасная, привлекательная женщина; а вы, между нами скажешь, не заслуживаете со стороны ея ошказа. Но скажите мнѣ, бывающъ ли когда нибудь у нее Аббатъ Лар. . . . и Аббатъ М. . . ? — „Довольно часто; ни одинъ изъ вашихъ прїятелей съ нею не раззнакомился.“ — Если бы вамъ удалось кофею и сливками заманишь на свою сторону Аббата М. . . . и заставишь его сказать нѣсколько словъ въ вашу пользу; то можешъ бышь ваши желанїя были бы увѣнчаны успѣхомъ. Этомъ человекъ убѣдительно Жанъ Скота и Св. Августина въ своихъ доказательствахъ: онъ предлагаетъ мысли свои въ такомъ совершенномъ логическомъ порядкѣ, что никакая вѣрность женщины прошивишься ему не въ сосноянїи. Но было бы еще лучше, когда бы вы какимъ-нибудь дорогимъ изданїемъ древняго Классика убѣдили Аббата Лар. . . . вишїйспивовашъ противъ васъ! Я всегда замѣчалъ, что Госпожа Гельвецій имѣла непреодолимое побужденїе дѣлать прошивное совѣтамъ Господина Аббата. . . . Въ эту минуту новая Госпожа Гельвецій вошла съ своимъ запасомъ нектара и амброзїи. Кого же я увидѣлъ? Госпожу Франклинь, прежнюю Американскую мою подругу. Я из-

умился, хотѣлъ вступиться за свое право; она отвѣчала мнѣ весьма холодно: я имѣла удовольствіе быть вашею вѣрною женою сорокъ девять лѣтъ и четыре мѣсяца — безъ малаго полвѣна! будьте эпитимъ довольны. Теперь принадлежу другому, и наша связь продолжится во всю вѣчность.“ — Будучи оскорбленъ отказомъ моею Эвридикой, я въ пуге минушу рѣшился покинуть неблагодарныхъ тѣней и возвратиться на землю, чтобы опять увидѣть и солнце и васъ. Я здѣсь. Отпущимъ за общую нашу обиду!

В. Франклинъ.

VI.

В о л ь д е м а р ь.

Вы помните спарика Вольдемара. Онъ никогда не выѣзжалъ изъ того уѣзднаго городка, въ которомъ родился, а зналъ свѣтъ не хуже тѣхъ людей, которые, проведя болѣе десяти лѣтъ въ путешествіи, могли похвастаться, что разбросали деньги свои по всѣмъ столицамъ Европы. Онъ съ удовольствіемъ, въ свободное время, рассказывалъ своимъ пріятелямъ небольшія повѣсти, которыми научила его собственная опытность, повѣсти весьма неважныя

по слогу повѣствовашеля , но важныя по шѣмъ практическимъ испишамъ , кошорымъ служили онѣ одеждою. Сипранносшь Вольдемарова была та , что онѣ обыкновенно послѣ одной повѣсти рассказывалѣ и другую , имѣющую къ ней опношеніе.

Однажды молодой Вольфъ , его знакомецъ , увѣрилъ его , что не знаетъ человекъ ка подобнаго ему въ благоразуміи.

Вольдемаръ покачалъ головою. Правду ли говоришь , любезный Вольфъ ? спросилъ онѣ съ улыбкою.

„Всѣ называютъ тебя разсудительнымъ Вольдемаромъ. Я дорого бы далъ за швое искусство. . .“

Не шрудно имѣть его. Замѣчай прилѣжише за глупцами.

„За глупцами , Вольдемаръ ?“

Такъ шочно , Господинъ Вольфъ , за глупцами! и дѣлай прошивное шому , что они дѣлаютъ. Я расскажу тебѣ одинъ случай. Въ моей молодости жилъ у насъ въ городѣ одинъ Машемашикъ , угрюмой , вѣчно нахмуренной человекъ , именовъ Фейшъ. Шикшо не слыхалъ онѣ него никогда ни слова. Всегда ходилъ онѣ понушивъ голову , бормоталъ про себя невнящныя слова , разговаривалъ съ однимъ собою , и ни одному чело-

вѣну не смопрѣлъ вѣ лицо. Опгадай, какъ называли у насъ эшаго важнаго Матемашика ?

„Ученымъ , глубокомысленнымъ !“

Просто: глупцомъ. Нѣтъ , сказалъ я самому себѣ , Господинъ Фейтъ худой примѣръ : подражашь ему невыгодно ! Вѣчно глядѣть изъ подлобья , не говоришь ни сѣ кѣмъ ни слова , бѣгаешь отъ людей какъ отъ чумы — куда эшо годишся ! Не правду ли я говорилъ , любезный сосѣдъ ?

„Конечно правду , Вольдемаръ !“

Правду, однако не совсѣмъ. Вѣ эшо же время вертѣлся у насъ вѣ городѣ Господинъ Брелотъ , Французъ , какого званія человекъ , не помню. Онъ всякому, безъ разбора , бросался вѣ глаза , говорилъ безпрепятственно и со всѣми ; но что говорилъ , о томъ не спрашивай. Какимъ именемъ , думаешь ты , величали эшу спрекозу ?

„Весельчакомъ ! забавникомъ !“

Такъ же просто: глупцомъ. Боже мой ! подумалъ я , какъ же мнѣ заслужишь имя благоразумнаго ? — Не будь ни Фейшомъ , ни Брелотомъ ! опвѣчалъ мнѣ разсудокъ. Гляди людямъ смѣло вѣ глаза , какъ одинъ , и умѣй заглядывать вѣ самага себя , какъ другой ! Говори громко сѣ другими , какъ Господинъ Брелотъ , и тихо сѣ собою , какъ Господинъ Фейтъ — и я послѣдовалъ совѣту разсудка. Вотъ шо искусство , за ко-

торое люди называютъ меня разсудительнымъ Вольдемаромъ.

Въ другой разъ посѣшилъ его молодой купецъ, Фликъ, весьма несчастный по торговымъ дѣламъ своимъ. Онъ горько жаловался на счастье, которое во всемъ почти ему измѣняло.

Напрасно печалишься, Господинъ Фликъ — сказалъ ему Вольдемаръ — счастье найдется, если только будешь искать его.

„Давно ищу этаго счастья, Вольдемаръ! наконецъ потерялъ терпѣніе. Бѣда за бѣдою! Хочу все оставить; сложу руки, и поселюсь дома.“

И сдѣлаешь очень дурно, Господинъ Фликъ. Искать счастья надобно всякому, и всѣ его ищутъ, хотя не всѣ находятъ; но это отъ того, что не всѣ умѣютъ наспорящимъ образомъ держать — голову.

„Какъ, Вольдемаръ! держать голову?“

Такъ точно, Господинъ Фликъ, голову! я объясню тебѣ это двумя примѣрами. Сосѣдь мой Клаусъ строилъ домъ. Бревны, опрубки и камни размешаны были по улицѣ. Нашему Бургомистру, Господину Трику, понадобилось пройти мимо строенія: онъ былъ тогда и молодъ и вѣ-

шренъ ; спѣшилъ на званный обѣдъ, разряженный, разчесанный въ прахъ ; по несчастію поднялъ немного высоко свою голову . . . запнулся за чурбакъ, ударился прическою о землю, переломилъ ногу и на вѣкъ остался калекою.

„Сшарики говорятъ правду : не подымай высоко носа — можешь споткнуться!“

Однакожъ, любезный Фликъ, и не опускай его ~~слишкомъ~~ низко — просмотришь ! Дни ~~черезъ два~~ послѣ этого несчастія случилось другое. Убздный спихотворецъ нашъ, Господинъ Феферъ, долженъ былъ пройти мимо того же строенія. Богъ знаетъ что было у него въ головѣ, спихи или домашнія заботы ; но онъ, пошупивъ голову, не видалъ, что вокругъ него дѣлалось — вдругъ оборвись веревка, и страшное бревно, промчавшись мимо его какъ молнія, грянулось на мостовую ! Спихотворецъ отъ испуга упалъ безъ памяти навзничь, занемогъ, долго пролежалъ въ постелѣ, и едва не умеръ. Теперь понимаешь ли, что значитъ умѣть, настоящимъ образомъ, держать голову ?

„Понимаю ! ни очень высоко, ни очень низко.“

Другими словами : держись середины ! Человекъ, который спокойно умѣетъ посма-

приваши и впередъ и назадъ, и вверхъ и внизъ и по сторонамъ, зайдешъ далеко, безвреденъ, и вѣрно никогда не скажешъ, что счастье измѣняетъ ему.

Въ другой разъ посетилъ Вольдемара молодой Грель, также купецъ, который только что начиналъ *искать своего счастья*. Онъ имѣлъ нужду въ деньгахъ, которыхъ надѣялся занять у Вольдемара.

На что тебѣ деньги? спросилъ у него Вольдемаръ.

„Я имѣю въ головѣ предпріятіе. Выгода, которую предвижу, не важная; но для чего же терять и малую выгоду, если она сама собою вамъ предсказывается?“

Такое разсужденіе не понравилось Вольдемару. А сколько тебѣ надобно денегъ, Грель?

„Бездѣлица! сотня шалеровъ.“

Сотня шалеровъ найдется и у меня — я готовъ служить ею хорошему пріятелю; но въ придачу къ этой суммѣ могу ссудить его такою вещью, которая, между друзьями, стоитъ болѣе тысячи шалеровъ; по крайней мѣрѣ, онъ можетъ обогатиться ею, если только захочетъ. —

„Какъ, Вольдемаръ! въ придачу —“

Не пугайся, любезный Грель! это крошечная повесть, больше ничего. В молодости моей был у меня соседом пивовар Кауц, большой чудаков, кошкой пошел по миру от пусшой поговорицы.

„Как от поговорицы?“

Когда приятели спрашивали у него: есть ли барыш от пива? то он обыкновенно отвчал: какой барыш! бездлица! пятьдесят или шестьдесят талеров! — А если говорили ему: Господин Кауц! и ты потерпел от банкротства! то он имел привычку отвчаться: что за потеря! сто или двести талеров! стыдно и говорить об этом! Наконец узнал он, что такое бедность. А никогда не бывал бы ему бедным, когда бы не имел он дурной поговорицы. — Какой ты суммы просил у меня, любезный Грель?

„Я . . . я . . . мне нужны сто талеров!“

Виноват, забыл. Но я имел еще сосед; он прозывался Томом — это человек имел поговорицу, с кошкой выстроил каменной дом в при эшажа, с большими флигелями и магазином.

„Очень любопытен знать эту поговорицу!“

Когда у него спрашивали: каково поругуешь, Господинъ Томъ? есть ли барышь? — то онъ отвѣчалъ: превеликой! сто палеровъ! и съ такимъ видомъ что сердце радовалось! — Еспльижь, напропивъ, случалось сказать ему: отъ чего такъ задумчивъ. Господинъ Томъ? что съ тобою сдѣлалось? — Ахъ, друзья мои! отвѣчалъ онъ. потерялъ много, очень много денегъ! цѣлые пятьдесятъ палеровъ! — Этомъ челозѣкъ началъ съ малаго, а кончилъ большимъ; я уже сказывалъ тебѣ, что онъ имѣлъ домъ въ при эшажа, съ огромными флигелями и магазиномъ. Какаяжь пословица тебѣ болѣе нравится?

„Разумѣется, послѣдняя!“

Но — другъ мой и Господинъ Томъ не всегда бывалъ, съ своею пословицею, правымъ. На примѣръ, встрѣчаясь съ бѣднымъ, и принужденъ будучи подать ему милоспыню, онъ такъ же говорилъ: много, очень много денегъ! а въ этомъ случаѣ не худо бы было ему подражать сосѣду Кауцу. Я, любезный Грель, замѣшивъ про себя и шу и другую пословицы, иногда говорю языкомъ Господина Кауца, а иногда языкомъ Господина Тома.

„Что касается до меня, то я держусь пословицы Тома!“

Сколькожь тебѣ надобно денегъ ?

„Много, очень много, любезный Вольдемаръ — сто талеровъ!“

Не забывай же нашего разговора, Господинъ Грель! Занимая у пріятеля, шверди пословицу Тома; а помогая пріятелю въ нуждѣ, говори, какъ Господинъ Кауцъ.

Энгель.

VII.

С л е з ы.

Сколько различія въ слезахъ! Сколько различія въ причинѣ ихъ и дѣйствіи! — Отъ чего же дано имъ одно и тоже имя ?

Ты пронутъ — въ глазахъ твоихъ блистаютъ слезы; ты плачешь, когда говоришь съ собою о тебѣ; когда ты самъ описываешь самого себя другимъ; когда читаешь мнѣ свое сочиненіе, — но я не могу раздѣлять твоего чувства, я никогда не буду участникомъ той нѣжной любви, которою ты къ самому себѣ наполненъ.

Ты плачешь — оскорбленная гордость твоя страдаетъ, и ты принужденъ скрывать свое негодованіе: не ожидай же отъ меня

участія : никогда сіи слезы гордости , сіи слезы самолюбія не могутъ расширять моего сердца !

А тебя, для котораго дышаешь и плачешь почти одно и то же, тебя, который плачешь всегда, вездѣ, съ малодушною слабостію — тебя я презираю ! Могу ли безъ отвращенія смотрѣть на лице твое, орошенное холодными слезами и представляемое побою въ свидѣтели глубокаго твоего чувства ?

Какія жь слезы должны меня прогнать ? Слезы, невольно, почти безъ вѣдома, ліющіяся по лицу несчастія ; слезы, которыя никогда не могутъ быть произведеніемъ искусства.

Твои слезы, почтенный отецъ ! слезы, которыя со всѣми усиліями нѣжной души стараешься ты удержатъ въ своемъ сердцѣ, чтобы не обличить передъ людьми твоего милаго сына въ неблагодарности.

Твои слезы, прелестный младенецъ, когда безразсудная мать наказываетъ тебя несправедливо ; когда ты самъ не знаешь причины своего спраданія ; когда напрсно призываешь защитника, не имѣя надежды, чтобы онъ тебя услышалъ.

Твои слезы, нѣжная, крошная Эльмина ; слезы, которымъ никогда бы не

орошать лица швоего, споль безмятежно было швое щастіе! слезы, проливаемыя о миломъ; непоспоянномъ супругѣ. Плачь; Эльмина! онъ удалися, а ты спремишься къ нему душею! плачь, Эльмина, все уже перемѣнилось въ судьбѣ швоей!

Но ты, мой другъ, моя сопутница; моя супруга; будь спокойна! клянусь не переживишь той минуты; въ которую первыя горестныя слезы будутъ извлечены мною изъ глазъ швоихъ. Будь спокойна! мое внимательное; мое неусыпное сердце будетъ угадывать; будетъ предупреждать твои печали. Я доказалъ, что имѣю искусство улаждать ихъ; искусство; данное мнѣ любовью. Но тогда, когда несчастныя мысли омрачатъ нашу душу, когда оживишся въ ней воспоминаніе о бренности бытія и неравенствѣ его продолженія, тогда не будемъ уклоняться отъ чувства, приводящаго насъ въ волненіе, дадимъ свободу симъ сладкимъ слезамъ, низпосланнымъ съ неба; симъ непорочнымъ слезамъ, которыя; по тайному чувству души; человекъ приноситъ въ даръ Всевышнему Правителю своего жребія. Онъ самъ таинственнымъ могуществомъ соединилъ насъ съ Собою нѣжною связію слезъ: такъ! въ минути печали и тихой покорности, мы ощущаемъ себя въ присутствіи Божества, мы

ближе къ Нему, и ближе, нежели Монархъ, сѣдѣющій на первомъ престолѣ вселенныя. Важный предметъ для размышленія! мысль утѣшительная и оправданая!

Генкеръ.

VIII.

Сократъ о безсмертіи души.

(Клеандръ къ Смердису.)

Ты приведешь себѣ на память, почтенный Магъ, съ какимъ прискорбіемъ нѣкогда писалъ я къ тебѣ о томъ, что разговаривая съ Сократомъ на берегахъ Иллиса, среди глубокихъ его размышлений, не предложилъ ему важнѣйшаго вопроса: о безсмертіи души. Съ неперпѣніемъ ожидалъ я случая болѣе благопріятнаго; и вчера имѣлъ его — случай самый поржеспвенный! — Я удивлялся утѣшительному дѣйствію этаго ученія; оно драгоцѣнно для всѣхъ справедливыхъ людей, и достойно Оромазда! Священная истина! какой безбожникъ въ ней усомнился?

Одинъ изъ друзей моихъ, Аксіохъ, сдѣлался болѣнъ, и при всей безпорочности своего характера, при всемъ превосходствѣ ума,

которыми онъ отличался, онъ впалъ въ чрезмѣрную слабость и уныніе. — Я спрашивался, чшобъ безпорядокъ мыслей въ такомъ опасномъ состояніи не имѣлъ вреднаго вліянія на его жизнь: — онъ безпрестанно говорилъ о непремѣнномъ разрушеніи существа своего, объ ужасномъ ничтожествѣ, и говорилъ съ такимъ отчаяніемъ, которое приводило меня въ трепетъ.

Сократъ, котораго пригласилъ къ нему сынъ его Клиніасъ, пришелъ немного спустя послѣ меня. Я не могу пересказать вамъ всего, что говорилъ онъ Аксіоху, съ пою выразительностію и силою разсудка, который всегда былъ первымъ достоинствомъ истинной Философіи, и котораго благопріятныя дѣйствія еще болѣе ощущительны въ послѣднюю минушу жизни, когда нужно утѣшеніе, подкрѣпленное надеждами, основанными на разумѣ. —

Сократъ, бесѣдуя такимъ образомъ съ Аксіохомъ, мгновенно разсѣялъ все мысли его о ничтожествѣ: „Превосходство и совершенство души, говорилъ онъ ему, „служатъ неоспоримыми доказательствами „ея божественнаго и безсмертнаго произхожденія. И, ешльибъ она не была такова, шо могла ли бы обладать шѣмъ му-

„жествою и силою, которая уничтожа-
„ютъ всѣ препятствія. Человѣкъ ис-
„полняетъ предпріятія обширнѣйшія! съ
„превосходными своими силами, онъ ни во
„что вмѣняетъ оныя! дѣятельности его
„все покорно. — Онъ переплываетъ моря, со-
„здаетъ грады, образуетъ республики,
„созерцаетъ небеса, изчисляваетъ движе-
„нія планетъ. Онъ видитъ, предвидитъ,
„предсказываетъ. Если бы душа не была
„оживлена дуневіемъ Божественнымъ, то
„могла ли бы она въ созерцаніяхъ своихъ об-
„нимать все пространство Природы? И
„если она произшла отъ Бога, то мо-
„жетъ ли не существовать вѣчно? —

„Нѣтъ, Аксіохъ! ты не падешь въ
„бездну забвенія и ничтожества; ни одно
„душевное удовольствіе отъ тебя не опни-
„мется — онъ будутъ умножены, будутъ
„усовершенствованы, содѣлаются числѣн-
„ными и вѣчно неизмѣняемыми. Освобо-
„жденный отъ сей тѣлесной темницы, ты
„пренесешься въ міръ, гдѣ нѣтъ ни тру-
„довъ, ни скорбей, ни болѣзней, ни спа-
„роси, ни мучительной неизвѣстности.
„сти.“ —

Твое размышленіе, Сократъ, восклик-
нулъ Аксіохъ, открываетъ мнѣ исти-
ну! — Я не спашусь болѣе смерти, но

ожидаю ее и желаю. — Разеуждая еще долгое время объ этомъ предметѣ, Сократъ сказалъ Аксіоху: „Я хочу теперь поговорить съ тобою о будущемъ соспоянїи душъ, чему нѣкогда училъ меня мудрецъ Гобрїасъ. — Онъ получилъ эпинасшавленїя отъ дѣда своего, который во время военныхъ предпрїяшїй Ксеркса былъ посланъ въ Делосъ вопрошати мѣдныя скрижали, принесенныя на сей островъ Описомъ и Эцегусомъ. — Ему было шамъ сказано, что душа, освобожденная отъ тѣла, преселится въ мѣсто невидимое, въ подземное царство Плутона. —

„Переходъ, по которому пойдѣмъ мы изъ сей жизни въ чертоги его, укрѣпленъ мѣдными стѣнами, съ запорами желѣзными — за ними Ажеронъ и Коципъ — а шамъ долина Испины, гдѣ возсѣдають судїи, Миносъ и Радамантъ. „Они испытуютъ прошедшую жизнь тѣхъ, которые туда являющся. Ни что не скроется отъ ихъ спрогихъ испытанїй. „Прелестныя сады, въ которыхъ собраны всѣ средства бышъ счастливымъ, будуть жилищемъ людей добродѣтельныхъ. Но злыхъ и порочныхъ Фурїи повлекутъ чрезъ Таршаръ — въ мѣста, исполненныя ужасами — туда, гдѣ несчастныя Дана-

„иды вѣчно помятся въ трудахъ, всегда
„щещныхъ; гдѣ Танталъ, пожираемый жаждою
„дою ненасытимою; гдѣ Тиціусъ и Сизифъ —
„всѣ злобные, всѣ грѣшники!

„Вотъ слова Гобріаса; но я утверждаю
„изъ нихъ только то, что кажется мнѣ
„основаннымъ на неизмѣняемыхъ началахъ
„разума, ш. е. безсмертіе души и награ-
„жденіе въ другомъ мірѣ за добрыя наши
„дѣла въ здѣшнемъ. Успокойся, Аксі-
„охъ — ты будешь блаженъ, потому
„что ты былъ добродѣтеленъ.“

Совратъ! воскликнулъ Аксіохъ, ты
не возвратилъ меня къ жизни, но сдѣлалъ
болѣе — ты возвысилъ меня къ без-
смертію! — безъ ужаса ожидаю теперь
той минуты, въ которую начнешся новое
мое существованіе. —

Я возвратился домой, почтенный
Смердисъ, пораженный глубокимъ чув-
ствомъ удивленія и признательности къ
верховой мудрости Оромазда! Онъ
одарилъ людей вѣрными средствами къ
усовершенствованію бытія своего, сред-
ствами, основанными на вѣчныхъ надеж-
дахъ. — Проси! —

С. Смирновъ.

ІХ.

О з е р о (*).

Блестящее среди прекрасная Природы,
 Въ объятіяхъ лѣсовъ, полей, луговъ и горъ,
 О Озеро! твои спокойства полны воды,
 Всѣхъ больше водъ другихъ влекутъ мой умъ
 и взоръ!

А страстные твои любители, Зефиры,
 Слетѣвшіе съ кристальныхъ струй тво-
 ихъ,

Порхая по струнамъ моей пустынной лиры,

И вѣжно потрясая ихъ,

Въ невнятныхъ звукахъ сихъ

Манятъ и приглашающъ,

Зерцало вѣрное Природы, пѣнь тебя!

И мнѣ стихи внушаютъ.

*

Ахъ! какъ не пѣть, покой, Природу, Музъ любя!
 Твой сонмъ обширныхъ водъ, но взоромъ из-
 мѣримыхъ,

(*) Эпи стихи доставлены отъ А. А. Палицына. То, что вы говорили въ вашемъ Вѣстникѣ — пишетъ онъ въ письмѣ своемъ къ Издашело — о путешествующемъ моемъ воспитанникѣ Алферовѣ, ободряетъ меня препроводить къ вамъ и стихи сестры его, также моей ученицы. — Помѣщаемъ ихъ съ удовольствіемъ, желая сдѣлать пріятное почтенному благодѣтелю Алферовыхъ, а вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, многимъ Читателямъ нашего Вѣстника. Ж.

Водѣ, безѣ разлитія, и вѣвѣкѣ неиспощимыхъ,
 Усѣянныхъ собраньемъ острововъ
 И зеленѣющихъ мѣстами тростниковъ,
 Въ разнообразіи картинномъ зримыхъ;
 Судами поселянъ и чолнами ловцовъ,
 Стадами лебедей и прочихъ птицъ-гребцовъ,
 Прелесно испещренныхъ;
 Ихъ криками, игрой, и пѣснями пловцовъ
 Повсюду оживленныхъ! . . .
 Ахъ! какъ не пѣть твоихъ амфитеатровъ береговъ,
 То низкихъ, то крутыхъ, пустынныхъ, на-
 селенныхъ,
 Подъ солнцемъ, подъ луной различно освѣ-
 щенныхъ;
 Подъ тѣнью ль видимыхъ тумановъ, облаковъ,
 Въ зеркалѣ ль тихихъ водъ изображен-
 ныхъ,
 Безвредныхъ ли твоихъ въ движеніи валовъ?
 Не пѣть ли собственны красы и особливы,
 Твои премѣнные и мысы и заливы,
 Гдѣ смотрятся въ водахъ друзья ихъ, пыщ-
 ны ивы;
 Гдѣ мечетъ уду, сѣть, въ запись рыболовѣ;
 Куда ведетъ стрѣлковъ
 Пріятной голосъ куликовъ? . . .
 Въ истокахъ, въ устьяхъ рѣкъ, ключей и
 ручейковъ,
 Твоихъ ли данниковъ, или тобой рожденныхъ,
 Равно тобой обогащенныхъ,
 Исполненныхъ твоихъ избытковъ и даровъ,

То быстрыя струи, шумящи и игривы,
Являющъ ихъ пути спорошны,
Исходы ихъ и входы горделивы;
То тихія въ травѣ, межъ камней иль песковъ,
Журчатъ и нѣжатся, шаясь подъ сводъ кустовъ. . . .

Забуду ль здѣсь еще картины незабвенны,
Отъ коихъ были мы въ восторги погружены:
Какъ смоприся въ водахъ твоихъ Луна извѣстичь;
Какъ Солнце первой свой или послѣдній лучъ,
Просперши изъ-за горъ, и длинными браздами
Сливаясь съ тѣнями,
Лазурь свою златитъ;
Какъ въ радужны цвѣты туманы наряжаетъ;
Какъ перлами въ росѣ на тростникахъ блестящъ!

Чему и подражать Искусство не дерзаетъ.
Безсмертной кистию Вернетъ, Лорень, Пусинъ,
Царя свѣтилъ писать не смѣли ни одинъ.
Пишовъ лишь иныхъ восторги наградило
И самое свѣтилъ свѣтило.

Знашь пѣсноябніе въ Поэзіяхъ глава;
Сильнѣе струнъ, кистей и красокъ въ немъ слова.

Всѣхъ зрѣлищъ сихъ красы различны,
Однимъ твоимъ водамъ и берегамъ приличны.

Достойны, вѣдаю, чтобъ пѣла ихъ не я;
Тебя бы сладостной вѣвицѣ пѣть Ручья!

*

Но не картинами и видами твоими,
Ласкающими взоръ, пѣняюсь я одними:

Картины всѣ для глазъ

Лишь только прогаютъ на часъ;

Холодныхъ зрителей и праздныхъ утѣщаютъ,

Живописателей Природы восхищаютъ:

Для услажденія чувствительныхъ сердецъ

Другія надобны картины наконецъ,

Которыя къ глазамъ и душу пріобщаютъ,

Которыя покой, блаженство возвращаютъ,

И чувства сего ни чѣмъ не возмущаютъ;

И миртыя твои картины лишь одни

Ту несмущенную приносятъ сладость мнѣ.

Пусть водъ иныхъ для глазъ картины веселбе;

Твои для сердца всѣхъ милѣе.

*

Я слышу — водопадъ шумитъ;

Смотрю, какъ воды онъ спремитъ;

Какъ брызжетъ, пѣнится, кипитъ,

Цвѣты всѣ свѣта отражаетъ:

И бьющихъ водъ гора алмазная горитъ!

На часъ меня онъ удивляетъ;

Игра чудесная Природы въ немъ разитъ;

Кичливость, суетность ласкаетъ,

Иль дерзость оживляетъ. . . .

И чтожь потомъ? . . . онъ только оглушаетъ. . . .

Султанъ . . . и за возрѣнье мстишь!

*

Рѣка, ручей, и всѣ водѣ быстрыхъ токи,
Бываютъ иногда свирѣпы и жестоки

Къ гостепріимнымъ берегамъ,
Въ которыхъ обрѣли они своимъ струямъ
Возлечь покойно ложе:

Терзаютъ тѣ берега и ложе то извѣтъ,
И въ своенравіи любезныхъ не щадятъ,
Подобясь лютостью Азійскому Вельможѣ.
Любуясь ихъ красой въ иныя времена,
Клянутъ въ другія ихъ со спомомъ имена.

*

Чтожь безпредѣльныхъ водъ пустыня,
Море? . . .

Не ближе ли всего съ нимъ мысль и слово:
горе? . . .

Боюсь я на него и робкой взоръ простерть:
Какъ пѣть, въ семнадцать лѣтъ, мнѣ ужа-
сы и смерть?

Могу ли подражать на сельской тихой лирѣ,
Безсиьной подражать и пшичьимъ голосамъ,
Или журчащимъ ручейкамъ,
Всѣмъ преволненіямъ и звукамъ въ водномъ
мірѣ,

Гремящимъ небесамъ,
Ревущимъ, плещущимъ волнамъ,
Спешащимъ берегамъ,
Обуреваемымъ судамъ
И утопающимъ пловцамъ? . . .

Но естлибъ духъ и даръ пѣвцовъ его имѣла,
То Моря и тогда я пѣть бы не хотѣла,
Неблагодарнаго всегда къ своимъ друзьямъ.

Ласкаться ли еще за страсть къ нему на-
градой?

Въ немъ гибнетъ Камоэнсъ съ безсмертной
Лузіадой! . . .

Вотъ слабый Моря видъ,

Царя между водами,

Иль справедливѣе; тирана межъ рабами.

Въ немъ всё страшитъ,

Оно всему грозитъ;

Оно не брегъ одинъ — страны опустошаетъ;

И даже поглощаетъ;

Подземные огни воспламеняетъ;

Въ немъ всё и взоръ, и умъ, и сердце изумляетъ;

Въ немъ всё величествомъ и ужасомъ помитъ!

Его покой, дары; добро, какъ зло опасны;

Съ нимъ связи всѣ, на немъ владычество
несчастны,

Влекущія бѣды; развраты; роскошь, брань.

Пусишь жадность и корысть несущъ тирану
дань;

А я тирановъ ненавижу

Ни въ людяхъ; ни въ водахъ.

*

Въ зеркаловидныхъ лишь однѣхъ твоихъ
струяхъ,

На скромныхъ, Озеро, твоихъ лишь берегахъ

Я постоянное добро и счастье вижу.

Ты браней не ведешь съ землею никогда;

Ее не потопляешь;

Не сносишь ни жилищъ, ни сельскаго труда,

Судовъ не разбиваешь,

И не наводишь ты на чуждые берега
Къ опустошенью ихъ внезапнаго врага ;

Къ отважнымъ замысламъ не соблазняешь,
Корыстью, роскошью людей не отравляешь ;
Не льются на тебя ни слезы ихъ, ни кровь.
Надъ ясною твоей и тихою водою

Любуясь въ ней собою ;

Летаютъ Граціи, Зефиры и Любовь !

Ты щедрости прямой примѣры лишь являешь,
Безъ благодарности добро всегда творишь :

Струями чистыми ты жителей поишь ;

Своими рыбами и птицами питаешь ;

На кривы ихъ жилищъ протникъ произра-
щаешь ,

Гулянемъ на водѣ и видами даришь.

Ты образъ Мудраго въ уединеньѣ !

Ты добродѣтелей его изображенье ;

Неколебимаго блаженства образецъ ;

Картина скромности и мудрости свободы ;

Невинной красоты и благости Природы ,

Для добрыхъ и просныхъ чувствительныхъ
сердецъ .

Безъ своеправія Вельможи и Султана ,

Безъ ненавистнаго величества Тирана ;

Возлегли въ скрытый долъ отъ бурь ,

Объянио въ небесную лазурь ,

Украшенное островами ,

Увѣчанное протниками ,

Съ сосудомъ неподвижныхъ водъ ,

И заключенное подъ свѣтозарный сводъ ,

Кругообразными ; какъ храмомъ , берегами ,

Хотя сей храмъ не блещетъ торжествомъ,
Ты нѣкимъ кажешься мнѣ воднымъ Божествомъ!
Ахъ! какъ не чтишь себя хвалами!

*

Почто же сонмъ пѣвцовъ морей, ручьевъ и
рѣкъ,
Едва ли о тебѣ гдѣ слово вскользь изрекъ?

Не отъ того ли ты забыто,
Что и на Пиндѣ, шакъ какъ въ свѣтѣ, зна-
менито

Лишь то, что блещетъ и гремитъ,
Хотя блистаниемъ и громомъ нѣмъ вредитъ;

Или что странностью дивитъ;

Иль что затѣйно, хитро, ново,

То вещь ли, видѣ ли, дѣйствомъ, слово,

Съ восторгами о томъ кричатъ весь свѣтъ,

И общимъ мнѣніемъ во свѣдѣ

Влекутся Философы, Вашия и Поэты;

А добродѣтели уединены, мирны,

Не часно о себѣ внимаютъ звуки лиры?

*

Да примутъ, Озеро, съ тобою здѣсь они

Дань малую въ мой едва наставши дни;

Да посвящая имъ и впредь произведенья

Восторга моего отъ нихъ и удивленья!

И естли жизнь мою угодно длишь Судьбѣ,

Да будетъ тишиною,

Донынѣ чувствуемой мною,

Она подобится тебѣ;

Да будетъ, какъ теперь, всегда уединенна,

Отъ предразсудковъ, отъ страстей,

И отъ ловцовъ, и отъ сѣтей,
Тебѣ подобно огражденна!

Да буду я всегда имѣть такихъ друзей,
Такихъ наставниковъ, какъ въ юности моей!
Да льюся одному на гробъ слезы вѣчно
Отъ благодарныхъ чувствъ моихъ;
А попеченія и дружество сердечно
Да будешь дань моя живущему изъ нихъ!
Да старости его подамъ я утѣшенье,
Примѣру моему во нравахъ, въ просвѣщенъ,
За все о юности моей его раченье.
Да Музы усладяшъ его преклонный вѣкъ,
Къ которымъ онъ любовь въ душѣ моей воз-
жегъ;
Да будешь игры ихъ всегда забавой нашей;
Да пьемъ швой, Озеро, покой мы полной чашей!

29 Августа, 1808 года,
въ Полсвкѣ.

ПОЛИТИКА.

Х.

*Нѣкоторыя извѣстія о восточной
Индіи, о прежнемъ и нынѣшнемъ
гражданскомъ порядкѣ въ ней, о
нравахъ и обычаяхъ ея жителей.*

(Окончаніе.)

Вообще утверждать можно, что число людей, раскаявающихся въ предпринятомъ путешествіи въ Индію, гораздо болѣе числа довольныхъ; и сіи послѣдніе, думая надобно, при концѣ жизни своей удостовѣряются, что живучи дома съ меньшимъ богатствомъ могли бы наслаждаться равнымъ удовольствіемъ. Правда, нѣкоторымъ удается получить выгодныя мѣста въ службѣ Компаніи; другіе торговыми оборотами наживаются богатство: за то уже сколько есть молодыхъ людей, которые, положась на случай и не имѣя въ виду ничего вѣрнаго, пускаются въ Индію, ничего тамъ для себя не находятъ кромѣ нищеты, и бѣдственно умираютъ!

За нѣсколько столѣтій, почти во всей Европѣ было одинакое правленіе. Во времена феодальной системы гордые и сильные вельможи проповились верховному своему начальнику и приписняли народъ. Одно духовенство умѣло сохранить права свои на общее уваженіе. Точно то же было и въ Индіи; даже теперь еще по оставшимся слѣдамъ видѣть можно, что въ старину тамъ было такое же государственное устройство, какое въ Европѣ. Многіе Князья, Райями называемые, имѣли надъ собою верховнаго главу, или Императора. Прочіе начальники племенъ и обществъ находились въ зависимости сихъ Князей, платили имъ подать, и отправляли военную службу. Часть земли принадлежала духовенству; другая была собственностію селъ и деревень, коихъ жители нераздѣльно пользовались угодьями.

Индійскіе поселяне до сихъ поръ еще принадлежатъ владѣльцамъ, которые продаютъ ихъ вмѣстѣ съ землею (*glebae adscripti*). Сіи люди не имѣютъ никакой собственности, но получаютъ извѣстную долю для пропитанія себя, семейства своего и скотины. Въ тѣхъ странахъ Индостана, гдѣ много воды, земля не требуетъ великихъ усилій отъ крестьянина; напрошивъ того въ мѣстахъ безводныхъ,

на примѣръ на берегу Коромандельскомъ, въ пошѣ лица снѣдають хлѣбъ свой. Впрочемъ, много или мало работаетъ крестьянинъ, соснояннѣ его во всѣхъ частяхъ Индїи достойно жалосши. Рѣдко найши можно крестьянина, котораго все имущество (то есть хижина, платье, домашнїя вещи и земледѣльческія орудїя) стоило бы одинъ фунтъ стерлинговъ. Изъ десяти крестьянъ девятро ходитъ почти совершенно нагими, и шерпятъ во всѣмъ крайнїй недостатокъ. Впрочемъ ни одинъ изъ нихъ не чувствуетъ своей бѣдности, пошому что въ году бываетъ 8 мѣсяцовъ такихъ, въ которые платье для него во все не нужно. Тамъ крестьянинъ не знаетъ, что не одною только водою можно утолять жажду. Онъ питается однѣми расшенїями, а въ нихъ никогда не бываетъ недостатка. Индїецъ довольствуется такою пищею, которая уморила бы Европейца; не смотря на то, онъ спокоенъ.

Весь народъ Индїйской раздѣляется на четыре великія касты или колѣна, а именно: на *Браминовъ*, *Катрисовъ*, *Банианъ* и *Сордерасовъ*. Есть люди непринадлежащїе ни къ какому изъ сихъ отдѣленїй и всѣми презираемые: это *Парїасъ*, которые страдаютъ за преступленїя своихъ праотцовъ. Они живутъ какъ бы

въ оплученіи отъ церкви, и почитающа нечистыми; имъ не дозволяется ни входить въ храмы, ни присутствовать при обрядахъ богослуженія. Человѣкъ, до котораго *Паріасъ* допронулся, почитается также нечистымъ, пока не совершитъ омовеній, на сей случай закономъ предписанныхъ.

Чиноположеніе Іерархіи содержится въ священной книгѣ *Ведъ*, въ которой предначертаны должности каждой касты. Тамъ сказано, что Брамину должны быть терпѣливы, миролюбивы, умѣренны, правдивы, мудры и учены; отъ Каприсовъ или военной касты требуются неустрашимости, великодушія во всѣхъ поступкахъ, благородства души и непреложной рѣшительности побуждать на полъ брани; Баніане повинны производить торговлю, воздѣлывать землю и упражняться въ скотоводствѣ; наконецъ долгъ Сордерасовъ есть безропотно нести иго рабства. Одни Брамину имѣютъ право читать и толковать *Веду*; прочимъ вѣдилось бы въ смертной грѣхъ, еслибъ кто либо дерзнулъ заглянуть въ сію священную книгу. Каприсамъ дозволяется только слушать чтеніе *Веды*, а Баніанамъ чтеніе толкованія на *Веду*; Сордерасы ни самъ, ни другимъ пользоваться не могутъ.

Кромѣ того, народъ раздѣляется еще по ремесламъ и художествамъ. Каждой Индїецъ непременно долженъ оставаться при ремеслѣ своихъ предковъ. По сей-то причинѣ каждое отдѣленіе не смѣшивается съ другими ни чрезъ брачныя союзы, ни же инымъ какимъ-либо способомъ.

Брамины, объявляющіе другимъ кастамъ повинности ихъ, сами подвержены весьма строгимъ правиламъ въ разсужденіи пищи. Они ѣдятъ молоко, пшено и разныя коренья; животныхъ употребляютъ въ пищу имъ не дозволяется. Питаются наиболѣе молокомъ, они благоговѣйно почитаютъ коровъ. Такое же почтеніе въ древнія времена оказываемо было быкамъ у Египтянъ, Финикїянъ, Аѳинянъ и другихъ народовъ. Вѣроятно сей предразсудокъ получилъ начало свое на востокѣ, откуда уже перенесенъ въ другія части свѣта.

Всѣ священники изъ касты Браминъ; но не всѣ Брамины имѣютъ право быть священниками. Въ семъ отношеніи есть сходство между Браминами и Левитами у древнихъ Евреевъ. Брамины, неимѣющіе званія священника, могутъ заниматься торговлею и промыслами; имъ только не дозволяется отправлять низкія работы. Обыкновенно опредѣляются они

въ должностъ секретарей при знашныхъ людяхъ, или прикащиками въ домахъ купеческихъ; многіе посвящаютъ себя военному сослоянїю, оспаваясь однакожь въ своей кастѣ. Въ какомъ бы званїи Браминъ ни находился, всѣ Индїйцы оказываютъ ему отличное уваженіе.

Браминны - священнослужители единственно занимаются своею должностїю, науками и воспитанїемъ юношества. Читая книгу объ Индїйскомъ священноначалїи ясно видѣть можно, что сами Браминны сочинили ее. Они присвоиваютъ себѣ преимущество даже передъ Князьями; ибо Райя вмѣняетъ себѣ въ честь кушать пищу Браминою приготовленную; напрошивъ того Браминъ ни для чего не отвѣдаетъ пищи приготовленной Райею. Такимъ же образомъ опшрывается великое пристрастїе въ опредѣленїи наказанїй за пресупленїя. „Ежели Браминъ — написано между прочимъ въ законной книгѣ — учинивъ пресупленїе, за которое всякой другой повиненъ смертной казни; по судья долженъ приговорить его только къ шемничному на всю жизнь заключенїю: ибо умершвишь Брамина было бы величайшее злодѣянїе, почему никакой судья да не дерзаетъ произносить надъ нимъ приговора къ смерти. Если жь напротивъ того

Сордерасъ оскорбитъ Брамина и часто будетъ досаждашь ему, то судья долженъ приговорить его къ смертной казни. «Изъ сего уже можно видѣть, что Брамина имѣютъ первенство и въ свѣтскихъ дѣлахъ и при духовныхъ обрядахъ.

Райи принадлежатъ къ отдѣленію Катрисовъ. Владѣнія сихъ Индійскихъ Князей достаются наследникамъ по праву первородства; однакожь сіе право простирается не далѣе одной степени; ибо Райя, неимѣющій сына, воленъ усыновить себѣ кого захочетъ. Младшіе дѣти Райи служатъ въ войскѣ, или опправляютъ важныя гражданскія должности.

Торговля исключительно принадлежитъ Банїянамъ, которые иногда наживаютъ ею великія богатства. — Каста Сордерасовъ есть самая многочисленнѣйшая, ибо къ ней принадлежатъ художники, ремесленники и земледѣльцы. У насъ въ Европѣ починается самая трудная задачею вопросъ: какъ сдѣлать счастливыми бѣдныхъ людей работающихъ? Въ Индіи сей вопросъ рѣшенъ весьма хорошо чрезъ содѣйствіе вѣры, которая учитъ, что Сордерасъ въ сей а не въ другой кастѣ родился для того, чтобы подвергнуться испытанію, или для очищенія

грѣховѣ, содѣянныхъ имѣ въ прежней жизни, и для того чшобы терпѣнїемъ своимъ заслужить лучшую долю въ будущей жизни. Вотъ почему Индїецъ любитъ ремесло свое и соспоянїе!

Къ великому счастїю Индїйцевъ, въ Европейцахъ уже уменьшилось усердїе преслѣдовать и ушѣснятъ иновѣрцовъ, когда они заводили въ сихъ земляхъ свои селенїя; иначе милїоны людей, споль твердыхъ въ своей вѣрѣ, погибли бы неминуемо. Зато уже шеперь Европейцы очень мало заботятся объ умноженїи спада правовѣрныхъ; за духомъ гоненїя послѣдовала ненасытная жадность къ золоту. Одно другаго стоить! Впрочемъ не лзя сказать, будто Директоры Остѣ-Индїйской Компанїи совсѣмъ не думаютъ о поддержанїи богослуженїя для пользы Англичанъ, въ службѣ компанїи находящихся; однакожь и шо справедливо, чшо число духовныхъ особъ и качества ихъ не соотвѣпствуютъ намѣренїю пещись объ опшравленїи Божїей службы для Европейцовъ и о распро-
сраненїи Хриспїанскаго ученїя между природными жшпелями. Во всѣхъ провин-
цїяхъ, Компанїи подвластныхъ, число ду-
ховныхъ особъ простирается до девяти;
пришомъ еще знатъ надобно, чшо три
или четыре мѣста бывають праздными;

слѣдственно на лицо состоитъ не болѣе пяти или шести человекъ; двое изъ нихъ живутъ въ Калькутѣ, а прочіе разсѣяны по всѣмъ провинціямъ, которыя обширнѣе всей Великобританіи. Отъ того происходитъ, что браки, крещеніе и похороны совершаются почти всегда безъ священниковъ. Все богослуженіе состоитъ въ томъ, что священникъ читаетъ молитвы; только въ Калькутѣ иногда сказываютъ поученія. Многіе Англичане, проживши лѣтъ по тридцати въ Индіи, ни одного разу не слушали проповѣди. Необходимымъ слѣдствиемъ такого небреженія бываетъ развратъ всякаго рода, и Компанія очень худо дѣлаетъ, наблюдая въ себѣ излишнюю бережливость. Духовныя особы отличныхъ свѣдѣній и благонравія не согласяся за умѣренную плату оставить свое опечесво и всю жизнь свою провести въ отдаленной странѣ, въ которой не всегда можно имѣть выгоды, какими привыкли пользоваться въ Европѣ; вообще, въ Индіи трудно найти священника, способнаго внушить уваженіе къ особѣ своей и къ должности, имъ отправляемой.

Вѣра Индійцевъ особенно склоняетъ къ умеренности, порядку и спокойствію. Она удерживаетъ отъ излишества и непошрествъ, весьма обыкновенныхъ

въ Европѣ. Ежели они въ чемъ и нарушаютъ правило умеренности, такъ это въ употребленіи опиума и шабаку. Принимая опиумъ они лишаются разсудка, и въ семъ отношеніи походятъ на Магомешанъ, которые вопреки заповѣди пророка иногда употребляютъ крѣпкіе напитки до излишества. Разница въ томъ, что тамошніе Магомешане распутны, высокомерны и мстительны, а Индійцы напротивъ того умеренны, скромны и миролюбивы.

Частыя омовенія, предписанныя закономъ Брамъ, весьма полезны для обитателей жаркой Индіи. Каждой Индіецъ моеется по крайней мѣрѣ по одному разу въ день; такая опрятность производитъ хорошія слѣдствія.

Ежели сравнишь пользу и вредъ, произтекающіе отъ Индійской вѣры и дѣйствующіе на распространеніе знаній и вообще на благо человечества въ обществѣ, то перевѣсъ останется на сторонѣ послѣдняго. Важная невыгода состоитъ въ множествѣ праздниковъ, посвящаемыхъ единственно обрядамъ богослуженія. Въ Индійскомъ календарѣ, напечатанномъ въ Калькутѣ, нашелъ я 91 праздникъ; надобно замѣтить, что нѣкоторые продолжаются по три дни и по четыре. Важное

препятство для успѣховъ земледѣлія состояишь еще и въ томъ, что Индійцы по большей части питаются одними растеніями. Впрочемъ земля въ Индіи весьма плодородна, и не требуетъ усилій отъ крестьянина.

Индійцы ни съ однимъ Европейскимъ народомъ не могутъ сравниться въ дѣятельности. Сказано выше, что разныя соспоянія живутъ отдѣльно, одно съ другимъ несмѣшиваясь; отъ того происходитъ, что человекъ, одаренный способностію къ какому-либо ремеслу или искусству, принужденъ оставаться въ бездѣйствіи, и слѣдственно не ищетъ способовъ къ усовершенствованію своей склонности. Въ Европѣ соревнованіе служитъ самымъ лучшимъ побуждательнымъ средствомъ къ изобрѣтенію выгодъ въ жизни общественной. Оно производитъ перемѣны во нравахъ и въ образѣ мыслей; оно причиною, что одинъ и тотъ же народъ иногда черезъ нѣсколько десятиковъ лѣтъ самъ на себя не похожъ. Въ одно время господствуетъ духъ воинственный, въ другое склонность къ торговлѣ; иногда народъ предается роскоши, иногда наукамъ и художествамъ. Напротивъ того въ Азій цѣлѣ общество гражданское, равно какъ особенно каждой человекъ, опасается всегда

въ одномъ положеніи. По сему то описа-
ніи повѣствователей, жившихъ во време-
на Александра великаго, и для нашего вѣ-
ка годятся.

Нѣкоторые писатели думаютъ, будто
въ Бенгалахъ искусства нѣкоторымъ обра-
зомъ процвѣтаютъ, потому что каждый
Индіецъ по необходимости упражняет-
ся въ ремеслѣ своихъ предковъ. Правда,
въ сей странѣ искусства находящаяся на
высшей степени, нежели между дикими
народами; однакожь по той же самой при-
чинѣ уже нѣсколько столѣтій онѣ оспа-
ются въ одинакомъ состояніи. Почти ни
одно изъ ремеселъ не достигло въ Индѣ-
спанѣ той степени совершенства, на
которой онѣ стоятъ у насъ въ Европѣ.

Вѣра кромѣ того еще Индѣйцамъ пре-
пятствуетъ наслаждаться въ полной мѣрѣ
счастіемъ жизни, предписывая имъ далекія
пешешествія и тягостные обряды покаянія.
Въ известную пору народъ со всѣхъ странъ
Индїи толпами отправляется на поклоне-
ніе въ такіе мѣста, гдѣ есть досто-
памяшныя капища. Издержки и время,
безполезно при сихъ случаяхъ употребле-
емая, есть не что иное какъ дань пла-
тима суевѣрію. Сверхъ того нѣсколько

тысячъ народа непрерывно упражняется въ ношеніи воды изъ рѣки Гангеса во храмы Ягернаушскіе; сія вода, священною почитаемая, лется попомъ изо рта изваянной коровы. Вообще полагаютъ, что сею странною работою всегда занято 15,000 человекъ. Сколько рукъ, которыя можно бы употребить на полезное дѣло! Всѣ Князья запасаются священною водою изъ Ягернауша, и потомъ пьютъ ее въ праздничное время при богослужебныхъ обрядахъ. Что касается до набожныхъ путешествій, то суевѣріе умышленно увеличиваетъ затрудненія, надѣясь, что сіе вмѣнится въ большую заслугу. Были примѣры; что путешественники, идучи на богомолье за нѣскольکو сотъ Англійскихъ миль, на каждомъ шагу падали на землю, и тѣломъ своимъ измѣряли всю дорогу. Мучительные обряды покаянія превосходятъ всякое вѣроятіе. Нѣкоторые люди оспаются неподвижно въ одинакомъ положеніи шакъ долго, пока совсѣмъ лишатся возможности владѣть членами тѣла; другіе сжимаютъ руки въ кулакъ, и держатъ ихъ крѣпко въ семъ положеніи до тѣмъ, пока ногти вроснутъ въ тѣло и появятся на другой сторонѣ ладони; еще другіе приказываютъ у себя перевязывать руки надъ головою, и оспаются въ семъ положеніи до тѣхъ поръ, пока сдѣлаютъ-

ся совершенными калѣнами. О другихъ жестокостяхъ неупоминаю, равно какъ и о мучительнѣйшихъ смертныхъ казняхъ, весьма часто совершаемыхъ.

Послѣдній долгъ, исполняемый надъ любимымъ родственникомъ, показываетъ, до какой крайности доводитъ суевѣріе. Когда уже нѣтъ надежды къ выздоровленію больного, въ такомъ случаѣ выносятся его на берегъ Гангеса, и шамъ подъ открытымъ небомъ на солнечномъ жару заставляющъ его ожидать послѣдняго вздоха, а между тѣмъ кладутъ ему на глаза, въ ротъ и въ уши грязь, взятую изъ рѣки Гангеса, и безпрестанно льютъ воду на голову. Послѣ смерти сожигаютъ тѣло и оставшійся прахъ бросаютъ въ рѣку, ежели родственники въ состояніи пополнить издержки, нужныя при семъ обрядѣ; въ противномъ случаѣ, трупъ умершаго бросаютъ въ Гангесъ. Отъ того воздухъ на берегахъ Гангеса бываетъ весьма нездоровъ; зараженные частицы онаго распространяющъ гнилыя горячки и другія прилипчивыя болѣзни по городамъ сосѣдственнымъ.

При отправленіи одного праздничнаго обряда, по переводу съ ихъ языка называемаго *прогулкою боговъ*, изувѣрство

совершаетъ такія жестокости , на которыя смолчать невозможно безъ ужаса и опшвращенія. Нѣсколько тысячъ людей везетъ на себѣ чрезвычайно большую и тяжелую о бо-ши колесахъ шельгу ; суевѣрные глупцы бросающа подъ колеса , уповаю за сей подвигъ получить ошличную награду въ будущей жизни.

Сказываютъ , что въ Ведѣ и въ другихъ священныхъ книгахъ содержится превосходная система нравственности ; чему и повѣришь можно , судя по нѣкоторымъ отрывкамъ , переведеннымъ на Европейскіе языки ; но какъ народу строго запрещается читать священныя книги , то и ученіе ихъ остается безъ дѣйствія. Во всей Индіи нѣтъ ни одного училища для наставленія народа , и весьма рѣдкіе изъ простолюдиновъ читають и писають умѣють. Вообще народъ совершенно ничего не вѣдаеть о своей вѣрѣ ; ему неизвѣстна не только исторія боговъ или мифологія , но ниже причины установленія священныхъ обрядовъ , предъ глазами его совершаемыхъ. Смѣло утверждать можно , что невѣжество и суевѣріе съ нѣсколькихъ вѣковъ были и суть виною тому , что Индійцы постоянно пребываютъ въ боязни и постыдномъ рабствѣ. Всѣ старанія возбудишь въ нихъ бодрость и дѣятельность

встанушся щещными , пока не изкоренишся суевѣрїе. Одни Брамыны могушъ просвѣшишь народъ ; но сїе было бы прошивно ихъ выгодамъ : ибо они знають , что по мѣрѣ увеличивающагося просвѣщенїя власшь ихъ часъ отъ часу ослабѣвашъ долженствуетъ ; пошому-то и желаютъ они лучше господствовать надъ народомъ глупымъ , нежели соединенными силами упражняшся въ изслѣдованїи истины. Индїйцы проводятъ всю жизнь свою въ совершенномъ равнодушїи и моральномъ нѣкотораго рода безчувствїи ; а человекъ не къ сему назначенъ отъ природы !

Многіе изъ новыхъ путешественниковъ иначе говорятъ объ Индїйцахъ , а особливо объ ихъ успѣхахъ въ просвѣщенїи. Описанїя ихъ справедливы , что касается до Князей и Брамыновъ Индостана. Науки и свободныя искусства въ Индїи исключительно принадлежатъ знашнымъ людямъ и ученымъ ; за то уже народъ не имѣетъ о нихъ ни малѣйшаго понятїя.

Раздѣленїе Индїйцовъ на многїе классы чрезвычайно вредно для цѣлаго народа. Четыре главныя касты раздѣляются на 50 или 60 классовъ. Муштина , принадлежащїй къ высшему классу , никакъ не согласился взять за себя женщину изъ низшаго ; а еслибъ это случилось , то неминуе-

мо былъ бы выключенъ изъ своего общества ; сіе для Индійца сколько же спрашно, сколько для Европейца оплученіе отъ церкви. Какъ выгодно упоиженіе можно бы средство сіе для нравственности!

Брачные союзы заключаются безъ согласія жениха и невесты, по есиъ малолѣтнихъ мальчика и дѣвочки. Сіе важное дѣло начинается договоромъ и предварительнымъ изслѣдованіемъ о заслугахъ предковъ той и другой стороны, а оканчивается пищенствомъ и обрученіемъ. Съ сего времени бракъ почитаютъ дѣйствительнымъ; однакожь жениху и невестѣ не дозволяется видѣть другъ друга до совершенія брачнаго обряда. При заключеніи договора строго наблюдается равенство состояній; въ противномъ случаѣ самъ женихъ, будущія дѣти его и всѣ потомки подлежатъ отверженію отъ общества человеческого. То же бывало, когда Индїецъ встѣ за однимъ столомъ съ человекомъ низшей касты. Сей предразсудокъ сколько уважается, что послѣдній бѣднякъ почелъ бы себя нечислымъ, еслибъ Монархъ Европейскій приблизился къ его трапезѣ. Индїецъ, садясь за столъ, обыкновенно обводитъ вокругъ себя черту, которую никто изъ Европейцовъ переходить не долженъ; въ противномъ случаѣ хозяинъ кидаетъ собакамъ приготовленное кушанье,

хотя бы самъ и семейство его умирали отъ голоду.

Изъ всего сказаннаго видно, что сей добродушной, подъ тяжкимъ игомъ невѣжесва изнемогающій народъ самъ себя мучилъ суевѣрными вымыслами. Можетъ быть Провидѣнію угодно было подвергнуть его въ наши времена власти Европейцевъ, для того чтобы доставить ему выгоды общежитія и сдѣлать его счастливѣе!

ХІ.

Извѣстія и замѣчанія.

Все что до сихъ поръ ни писали о военныхъ происшествіяхъ южной Европы, основано было или на письмахъ частныхъ людей, или на слухахъ, или на догадкахъ. Наконецъ появилось въ Монитерѣ подробное описаніе о соспоянїи дѣлъ въ Испанїи. Къ сожалѣнію, не только не подтвердились извѣстія о возстановленїи шамъ порядка и спокойствія, но видно даже, что Испанцы упорно и жестоко сопротивляются новымъ распоряженіямъ. Въ концѣ мѣсяца Мая — въ то самое время, когда призванная въ Байону Юнпа заботилась о благѣ своего опечества — вдругъ вспыхнулъ огонь мяшежа какъ въ сввер-

ныхъ, такъ и въ южныхъ провинціяхъ Испанскихъ. Въ Кадиксѣ, Валенціи, Картагенѣ, Гранадѣ, Куенсѣ и во многихъ другихъ городахъ чернь умертвила своихъ губернаторовъ; такую же участь понесли Французы, уже давно поселившіеся въ Испаніи, и прибѣжавшіе туда за своими дѣлами на короткое время. Разныя отдѣленія Французской арміи покорили многіе города, взяли приступомъ Саррагоссу, одержали сряду нѣсколько славныхъ побѣдъ; Маршалъ Бессьеръ съ 12,000 человекъ разбилъ 35 тысячную толпу мятежниковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Генерала Куесшы и проч. Попомъ въ семъ описаніи между прочимъ помѣщено слѣдующее :

„До сихъ поръ счастливые успѣхи Французовъ въ Испаніи и прибытіе Короля въ Мадридъ давали справедливую причину предсказывать скорое и удачное окончаніе дѣлъ Испанскихъ, какъ вдругъ Генералъ Дюпонъ — послѣ многихъ приключеній, копорья могутъ бытъ описаны по надлежащемъ изслѣдованіи и по собраніи извѣстій и обясненій — сдѣлалъ проекрашную ошибку, допустилъ опрѣзашъ себя отъ Мадрида, а что еще хуже, отъ двухъ прешей своего войска, и наконецъ разбитъ 19 го Іюля прешью часшъ, при немъ находившуюся въ самомъ невыгодномъ по-

ложеніи, не имѣвши времени отдохнуть послѣ быстрыхъ переходовъ. “

„Немного найдется примѣровъ такому пошунку, прошивному всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Сей Генералъ, неумѣвшій водить своего войска, еще менѣе твердоспи и распоропности оказалъ при переговорахъ. Подобно Сабину Типурію (*), онъ, влекомый къ гибели духомъ прельщенія, дозволилъ другому Амбіопринсу одурачить себя хитростію и обманами. Но Римскіе войны счастливѣе нашихъ: они умерли съ оружіемъ въ рукахъ. “

Сіе неожиданное приключеніе, слухъ о высадкѣ Англійскихъ войскъ на берегахъ Галліціи, и наконецъ несносной жаръ, препятствующій военнымъ дѣйствіямъ, заставили Французовъ соединиться на выгодномъ мѣстѣ, имѣющемъ прохладной воздухъ и здоровую воду. Августа 1 го Король Іосифъ выѣхалъ изъ Мадрида; 20 го числа онъ находился въ Бургосѣ.

По причинѣ сихъ происшествій было засѣданіе въ Сенатѣ, гдѣ чипаны: посла-

---

(*) Имя Легата при войскѣ Юлія Цесаря въ Галліи. Съ однимъ легиономъ и пятью когортами онъ погибъ отъ возмущившихся Эбуроновъ, у которыхъ съ отрядомъ своимъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ.

ніе къ Сенаторамъ отъ Императора Наполеона, два донесенія сему Государю отъ Министра иностранныхъ дѣлъ, договоры съ прежнимъ Королемъ и Принцами Испанскими, и донесеніе военнаго Министра. Изъ сего послѣдняго слѣдуетъ, что войско претерпѣло уронъ довольно значительной; что для отмщенія Испанцамъ предназначено 200,000 человекъ подвижнѣе къ горамъ Пиренейскимъ, не ослабляя однакожь Французскихъ армій ни въ Германіи, ни въ Далматіи; и что по сему общошпельству надлежитъ сдѣлать вновь рекрутскій наборъ изъ людей поступающихъ въ службу 1806го, 7го, 8го, 9го и 10го годовъ. Число сихъ назначаемыхъ къ службѣ простирается должно до 160,000 человекъ, коими дополнены будутъ войска, находящіяся въ Испаніи, Германіи, Италіи и на Сѣверѣ. — Въ донесеніи Министра иностранныхъ дѣлъ написано между прочимъ слѣдующее: „Хотя Дворъ Виискій всегда являлъ дружескія расположенія къ Вашему Величеству; однакожь военная сила его нынѣ превосходитъ соразмѣрность противъ многолюдства и доходовъ Австріи. Всемилостивѣйшій Государь! Министры ваши желаютъ, чтобы вы обратили на то свое вниманіе, и увидѣли бы необходимую нужду умножить число и своихъ войскъ, дабы удержать при себѣ

перевѣсѣ по отношенію могущества и народонаселенія между обѣими Имперіями.“

Въ посланіи отъ Императора къ Сенаторамъ достойны замѣчанія слѣдующія строки : „Я рѣшился продолжать дѣла въ Испаніи съ величайшимъ напряженіемъ и изстрѣбить войска , присланныя въ сію землю изъ Англіи. Союзъ мой съ Россійскимъ ИМПЕРАТОРОМЪ не дозволяетъ Англіи имѣть какую - либо надежду, успѣть въ своемъ намѣреніи. Я вѣрю возможности мира на твердой землѣ ; однакожь не хочу и не могу состоять въ зависимости отъ ложныхъ расчетовъ и ошибокъ другихъ Дворовъ ; и поелику сосѣди мои умножаютъ войска , то долгу пребыть , чтобъ и я также увеличилъ силу своихъ ополченій.“

Еще и теперь многіе твердо увѣрены, что миръ не нарушится въ Германіи. Приготовленія и переходы войскъ не всегда оканчиваются войною. Императоръ Наполеонъ, 15 Сентября находившійся уже въ Майнцѣ, ѣдетъ въ Германію — не съ обнаженнымъ мечемъ, но съ вѣшвю оливною. Въ Веймарѣ или въ Эрфуртѣ могущественные Монархи рѣшатъ участь Европы. Пишутъ, что Императоръ Францъ II отправишся туда же изъ Пресбурга , гдѣ онъ недавно торжествовалъ вънчаніе своей Супруги , какъ Венгерской Королевы.

Въ Мониперѣ напечатано письмо Прусскаго Ассессора Коппе, захваченное по приказанію Маршала Сульша вмѣстѣ съ прочими его бумагами. Оказываемое въ немъ неблагорасположеніе къ Французскому правительству не подавало хорошей надежды на согласіе между Франціею и Пруссіею, и даже заставляло выводиться короля догадки, нынѣшнему положенію дѣлъ въ Европѣ совершенно прошивныя. Однакожь, по видимому, опять все перемѣнилось; ибо въ томъ же Мониперѣ напечатано послѣ уже, что между господиномъ Шампаньи, Министромъ вѣщнихъ дѣлъ, и Принцомъ Вильгельмомъ Прусскимъ заключено соглашеніе, уничтожающее всѣ недоразумѣнія, доселѣ бывшія между обѣими Державами.

*

Отъ Князя Понше-Корво (Бернадошша) и Генералъ-Лейтенанта Киндалана изданы двѣ увѣщательныя прокламаціи къ Испанцамъ; находившимся въ Даніи и опрещившимся отъ повиновенія. И до нихъ достигнулъ духъ раздора, 200 Человѣкъ безоружныхъ Испанцовъ проведено черезъ Гамбургъ. Сказываютъ, что еще 3000 ихъ отдано подъ спражу на островъ Зееландъ. Прочіе ускользнули на островъ Лангеландъ.

3 Октября.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

къ No 19.

В Ъ С Т Н И К А Е В Р О П Ы.

*Операции, благополучно сдѣланныя
Операторомъ, Докторомъ Медици-
ны и Хирургіи, Надворнымъ Со-
вѣтникомъ и Кавалеромъ Ефремомъ
Мухинымъ въ прошломъ 1807 году.*

Внѣ Голицынскій Больницы.

Вскрытъ слезовикъ (saccus lacrimalis),
наполненный гноемъ, который, бывши
величиною въ куриное яйцо, закрывалъ
глазъ, и открытъ слезной носовой ходъ.

Срѣзанъ наростъ, бывшій величиною
въ лѣсной орѣхъ, имѣвшій свое положеніе
на концѣ носа.

Вырванъ мясной полипъ изъ наруж-
наго слуховаго хода, а у другаго вывер-
ченъ ушной мясной полипъ чрезмѣрной
величины.

Отрѣзанъ природный наростъ, быв-
шій подлѣ уха, величиною въ лѣсной
орѣхъ, у прехлѣпняго младенца.

Вскрытъ нарывъ, и выпущено болѣе
полфунша гноя, бывшій за ухомъ, а дру-
гой на указательномъ перстѣ.

Сшита верхняя губа рта, бывшая вся
до носа раздѣленною отъ рожденія у де-

вяши - лѣшняго младенца ; и когда она по прошествіи пяти дней разорвана была , то снова учинено сошвеніе , послѣ чего губа сращена благополучно и довольно прилично ; а у другаго сшила верхняя губа рпа обводнымъ швомъ (*sutura convoluta*), у кошорой по срединѣ до носа недоставало до вершка.

Подрѣзанъ языкъ къ низу приросшій у семи младенцовъ.

Вырвано двадцать шесть зубовъ, пораженныхъ гнилью, и двенадцать корней коренныхъ зубовъ, костюдою пораженныхъ.

Вскрыты двѣ гноянки нарочитой величины, имѣвшія свое положеніе на бокахъ шеи.

Вкладываемъ былъ подвижной прутъ въ желудокъ чрезъ ротъ и пищепріемной каналъ, для продвинутія кости, остановившейся въ семъ каналѣ.

Срѣзанъ наростъ грибовиднаго свойства, лишенный кожи, величиною въ гусиное яйцо, кошорой имѣлъ положеніе свое подъ грудью у женщины.

Вырванъ (*extirpatio*) наростъ величиною въ большой кулакъ, всомъ въ два фунша, пораженный открытымъ ракомъ, который имѣлъ прикрѣпленіе свое къ боку груди.

Выядрена мышечная опухоль (*athetoma*), кашеобразное существо въ себѣ

заключавшая , величиною въ голубиное яйцо , и положеніе имѣвшая въ подгрудной ложбинкѣ у двѣицы .

Справленъ и сращенъ конецъ надгрудника (*clavicula*) , переломленной вкось .

Отрѣзаны (*amputatio*) три перста правой руки , ашоновымъ огнемъ пораженные .

Вынята половина большой швейной иглы , совершенно сокрытой у наружнаго бока большаго ручнаго перста , въ конечномъ составѣ его .

Справленъ верхній конецъ лучевой кости , вывихнутый въ локотномъ сгибѣ .

Вырѣзанъ ракъ мозолистой , шишковидной , открытый . имѣвшій положеніе свое по срединѣ спины , прикрѣпленный однимъ краемъ къ спиннымъ отросткамъ , а другимъ къ мышцамъ , по вырѣзаніи коего рана была длиною въ четверть аршина , а шириною въ три вершка .

Разрѣзана крестобразно сумочка хрящеваго существа , весьма толстая , заключающая въ себѣ нѣсколько крупинокъ сгустившихся мокротъ , причинявшая долговременную трубочную язвину (*fistula*) , которая дномъ прикрѣплена была къ наружной поверхности крестцовой кости .

Выпущено воды (*sectio radicalis*) изъ лѣвой стороны шуляшника до двухъ фунтовъ у одного , у другаго выпущено (*le-*

ctio radicalis) крови (haematocoele) до двухъ фунтовъ , у шрешьяго выпущено воды (punctura) до двухъ фунтовъ (hydrocoel) , а у четвершаго выпущено воды чрезъ прободеніе (punctura) шулятника (hydrocoel) до полфунта .

Отрѣзаны при почечуйныя шишки нарочитой величины , копорыя были прикрѣплены къ внутренней сторонѣ задне-проходнаго кольца .

Вкладываемъ былъ мочеиспускатель одинъ разъ , и выпущено мочи семь фунтовъ , другой разъ четыре фунта , шрешій при фунта у мужчины , страдавшаго шридцать дней чрезмѣрнымъ распянутіемъ мочеваго пузыря отъ задержанной мочи , копорая во все сіе время шла у него только по каплямъ , и наполненный мочею распянутый пузырь сначала казался опухолью брюха , каковая бываетъ у женщинъ въ началѣ девяшаго солнечнаго мѣсяца беременности ; еще въ разныя времена и разнымъ людямъ вкладываемъ былъ мочеиспускатель двенадцать разъ для выпущенія мочи .

Сдѣлана заволѣка сквозь мѣшечную опухоль , копорая заключала въ себѣ крупичашую влагу (atheroma) , занимала пахъ и всю почти внутреннюю сторону лѣваго бедра , и была величиною въ большую человеческую голову .

Вскрытъ нарывъ, находившійся два мѣсяца подъ бедреннымъ влагалищемъ, и выпущено гною до десяти фунтовъ.

Вскрытъ нарывъ, окружавшій и покрывавшій весь предколѣнникъ (patella), и выпущено гноя до полфунта.

Срѣзанъ наростъ величиною въ гусиное яйцо, пораженный открытымъ ракомъ, по перевязкѣ корня его превращенъ въ мершвенность (gangraena), и отдѣленъ съ корнемъ, которымъ былъ онъ прикрѣпленъ къ берцовой кости у лѣвой лодыжки.

Сдѣлана гороховая ранка (fonticulus) у берцовой мякоти (tuga).

Справлены и сращены предплюснныя кости, переломленныя у нижняго конца ихъ.

Срѣзаны три ногтя у обѣихъ ногъ съ большихъ пальцевъ и одного средняго, а у другаго срѣзанъ ноготь съ большаго пальца лѣвой ноги, пораженные гнилью (caries).

Привита коровья оспа сто-шестидесяти младенцамъ.

Выгнашы *болѣе тысячи* мѣлкихъ глистовъ (ascarides) у *лятилѣтняго* младенца, и песьмообразный глистъ у *девятилѣтняго* дитяти, длиною въ *двадцать аршинъ*.

Въ Голицынской Больницѣ.

Ошрѣзанъ грибовидной (fungosus) наростъ, имѣвшій положеніе свое сзади уха.

Вырѣзанъ хрящевидной наростъ, приросшій къ скуловому отростку верхней челюсти и къ скуловой кости, подъ лѣвымъ глазомъ, величиною въ гусиное яйцо.

Отрѣзано поднебенье (*palatum molle*).

Вынятъ мясной полипъ изъ лѣваго наружнаго слуховаго хода, прирѣпленный у перегородки онаго. У другаго такой же полипъ вынятъ, имѣвшій свое положеніе въ правомъ ухѣ. Еще у двухъ вырваны изъ обѣихъ ноздрей по чешыре пузыристыхъ полипа (*fungositas*).

Подрѣзанъ языкъ, къ низу приросшій, у двухъ младенцъ въ.

Вскрытъ слезной мышокъ (*laccus*), величиною въ голубиное яйцо, закрывавшій глазъ, и по вышущей гной сроненъ.

Срѣзанъ мозолистой наростъ величиною въ грецкой орѣхъ, имѣвшій свое положеніе въ надшейкѣ (*pusula*).

Вынята изъ уха часть кости, гнилью пораженная (*exfoliatio*).

Выядрены (*enucleatio*) мышечныя опухоли, имѣвшія свое положеніе въ правой брови и векѣ, заключавшія въ себѣ молочнаго цвѣта жидкость, густую какъ размазня.

Вскрытъ слезной мышокъ, изливавшій изъ себя гной (*fistula*), и сдѣлано отверстіе въ носовой каналъ, у женщины, страдавшей сею болезнью десять лѣтъ.

Вырвано пять зубовъ, костюбдою пораженныхъ, и еще два составлявшія другъ и безобразной рядъ переднихъ зубовъ, которые ранили верхнюю губу.

Вырванъ ракъ, имѣвшій свое положеніе на нижней губѣ рта, у трехъ мужчинъ.

Вырвана вся лѣвая грудь (*thymia*) и подплечныя (*subaxillares*) железы, пораженные открытымъ ракомъ, имѣвшая вѣсу до трехъ фунтовъ, у двѣицы.

Продвинута рыбья кость, остановившаяся въ пищепріемномъ каналѣ.

Сдѣлано грыжесѣченіе (*herniotomia*) у женщины, страдавшей пупочно-кишечно-сальниковою грыжею (*enteroepiplocele*), коей мѣшокъ былъ длиною до четверти, а шириною до половины четверти аршина, и снаружи былъ лишенъ кожи. Мѣшокъ сей, по надлежащемъ введеніи кишокъ, отрѣзанъ и рана сшита (*gastrographia clavata*).

Вправлена бедренная кость, вывихнутая изъ вертлюга внутрь и внизъ у одного, а у другаго вверхъ и наружу.

Вынятъ камень чрезъ мочевиный разрѣзъ (*sectio vesicae*), бывшій два мѣсяца въ шеѣ мочевого пузыря, и причинившій содержаніе мочи у одного, а у другаго вынятъ чрезъ разрѣзъ мочеиспускательнаго канала, величиною каждой въ кофейной бобѣ.

Вскрыты шри гноянки, двѣ въ паху, а одна предѣ ухомѣ имѣвшія положенія, у двухъ человекѣ.

Ошпилены берцовыя кости послѣ пораженія голѣни совершеннымъ омертвѣніемъ (gangraena).

Срѣзанъ ногошь съ большаго ножнаго пальца, костюдою (caries) пораженной, у двухъ человекѣ.

Вырѣзанъ открышый ракѣ, имѣвшій положеніе свое на икрѣ правой ноги, у мужчины.

Г-мъ Шлабъ-Лѣкаремъ Крыловымъ.

Вырѣзанъ ракѣ (cancer), имѣвшій свое положеніе на нижней губѣ рта, шести человекѣмъ, изъ числа которыхъ одному сдѣлано сошвеніе (futura clavata).

Выядрена (episcleatio) мышечная опухоль величиною въ лѣсной орѣхѣ, имѣвшая свое положеніе на нижнемъ векѣ глаза.

Подрѣзанъ языкѣ, къ низу приросшій, у одного младенца.

Вынята изъ наружнаго слуховаго хода отдѣлившаяся часть кости, гнилью пораженная.

Вырѣзана (extirpatio) затвердѣлая железа, находившаяся подѣ бороною, величиною въ куриное яйцо.

Продвинута въ желудокѣ говяжья косточка, остановившаяся въ пищепріемномъ каналѣ.

Вырвано одиннадцать зубовъ , косто-
ѣдою (caries) пораженныхъ.

Отрѣзано шесть перстовъ ручныхъ
лоскушнымъ образомъ (amputatio ranci-
lata), изъ коихъ два раздробленные куз-
ничнымъ молотомъ, а четыре пораженные
аншоновымъ огнемъ (gangraena) оцѣ оз-
нобленія (regnis), у трехъ человекъ.

Отняты обнаженные до половины лу-
чевая кость и три перстныхъ косточки
послѣ нечаяннаго совершеннаго сожженія
прочаго тѣла.

Отнята обнаженная паховая железа
перевязкою , изъ шелковой нитки сдѣлан-
ною пораженная раною раковаго свойства.

Сдѣланъ разрѣзъ (sectio radicalis)
шуляшника (scrotum), и выпущено воды
два фунта.

Сдѣлано обрѣзаніе (circumcisio) всей
крайней плоти (praeputium), обросшей
какъ снаружи такъ и внутри полипо-
видными шишками раковаго свойства и
препятствующими совершенно завороту,
у двухъ человекъ, а у трехъ сдѣланъ
вдольной разрѣзъ оной.

Вскрытъ нарывъ значной величины ,
бывшій подъ бедреннымъ влагалищемъ.

Вынята половина швейной иглы , за-
росшая кожею , вонзенная въ берцовыя
мягкія части , по разрѣзаніи оныхъ.

Справлены и сращены переломленные и раздробленные по срединѣ берцовая кость и дудка.

Сдѣлано восемь гороховыхъ ранокъ (fonticulus) на разныхъ частяхъ шѣла.

NB. Сей Номеръ выдается нѣсколько поздно: болѣзнь Издателя, который имѣетъ право надѣяться въ этомъ случаѣ на снисхожденіе своихъ Читателей, была причиною такого замедленія. — Рисунокъ, приложенный къ сей книжкѣ, есть изображеніе Геркулеса, похищающаго Альцесту изъ областей Плутона. Оригинальная картина считается однимъ изъ лучшихъ произведеній новѣйшей Живописи во Франціи.

О П Е Ч А Т К И

въ No 19.

Стран. 179. стр. 17.

Налечалано:

Его, сидящаго при свѣшломъ ручейкѣ,
Или въ объятіяхъ своей супруги нѣжной.

Читай:

Его, сидящаго при свѣшломъ ручейкѣ,
Подъ сѣнію древесъ, съ Гораціемъ въ рукѣ,
Или въ объятіяхъ своей супруги нѣжной.

Стран. 181. стр. 12.

Налечалано:

Разбудятъ опять васъ . . .

Читай:

Разбудятъ васъ опять . . .

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ОКТАБРЬ, 1808.

№ 20.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо старой женщины къ молодой.

Ты непременно хочешь, чтобы я почтала себя несчастною! Въ самомъ дѣлѣ, мой милый другъ, тебѣ осьмнадцать лѣтъ, ты остроумна, прекрасна лицомъ, имѣешь молодого любезнаго мужа; но ты женщина — какой ужасъ! Последнее свое письмо, въ которомъ съ такимъ глубокимъ, сердечнымъ огорченіемъ ты жалуешься на судьбу свою, заставило и меня почти оплакать несчастный жребій нашего пола, хотя я давно и очень давно увѣрена, что Провидѣніе, въ раздѣлѣ своихъ благъ, ни мало не обидѣло женщинъ. Это мнѣніе можетъ показаться тебѣ страннымъ — будь терпѣлива и

выслушай мои доказательства ; но прежде совѣшую тебѣ вспомнить, что мнѣ шестидесять три года, что я женщина опытная, и что наконецъ я имѣла время думать, ибо женщины, какъ ни говори, начинаютъ думать весьма поздно: въ молодости впечатлѣнія и чувства, слишкомъ живыя, слишкомъ пріятныя, опымаютъ у насъ свободу, необходимую для размышленія; и только тогда, когда улетаетъ молодость, когда уже не овружаютъ насъ удовольствія, получаемыя отъ другихъ, обращаемъ мы взоры на самихъ себя, начинаемъ знакомиться съ собою, начинаемъ спокойно разсматривать то мѣсто, которое по назначенію судьбы должны мы занимать въ свѣтѣ. Мой другъ, зна эпоха жизни моей, отъ которой еще столько много опдалена ты своею молодостію, можетъ быть для тебя насавительна; воспользуйся ея плодами.

И женщины и мужчины *равно* могутъ быть счастливы: я никогда не позволю себѣ въ этомъ сомнѣваться; но также не позволю себѣ и утверждать, чтобы женщина, не руководствуясь разсудкомъ, могла найсти прямое счастье; напрошивъ, то, что называется обыкновенно *хорошимъ поведеніемъ*, для женщины болѣе необходимо, нежели для мужчины: это слово

принимаю въ обширнѣйшемъ его смыслѣ, не въ одномъ только отношеніи къ связямъ любви. Для женщины пруднѣе, нежели для мужчины, заслужишь общее уваженіе — кто противъ этого споритъ! но ты въ своемъ гнѣвѣ называешь это *невозможностію*, и ошибаешься. Чѣмъ мужчины опличаются одинъ отъ другаго? Чѣмъ пріобрѣтаютъ они общее уваженіе? Дѣлами добродѣтельными! Имѣй прекрасный характеръ, и будешь почтенъ, хоша бы впрочемъ ты не имѣлъ никакого другаго достоинства. Можно быть славнымъ, можно удивлять своими талантами, и въ тоже время не быть у другихъ въ уваженіи: сколько разительныхъ примѣровъ имѣли мы передъ глазами! сколько можемъ наименовать людей, необыкновенныхъ умомъ и дарованіями, но презрѣнныхъ свѣтомъ! сколько писателей, которыхъ сочиненіями восхищаются, но которые сами, будучи опвергнуты обществомъ, живутъ въ пренебреженіи; какъ будто въ доказательство великой истины, что быть достойнымъ уваженія всего необходимѣе для человека.

И такъ — есльи доказано, что уваженіе людей пріобрѣтается одними добродѣтельными дѣлами; то женщины имѣютъ такое же на него право, какъ и мужчины. Запрещено ли имъ быть столь же молчаливыми, искренними, швердыми въ

словѣ, благошворительными, преданными друзьям своимъ? Можно сказать, что нѣкоторымъ добродѣтелямъ придають онѣ особенную прелесть: женщина обязываетъ съ большею нѣжностію, и лучше умѣетъ утѣшить несчастнаго своего друга — правда и то, что всѣ добродѣтели, связанные съ чувствительностію, для нее легче и ей свойственнѣе; но съ ними весьма не рѣдко соединяетъ она и тѣ, которыя не столь обыкновенны для ея пола, напримѣръ молчаливость, самую необыкновенную. Насъ женщинѣ не безъ причины называютъ нѣсколько болтливыми; но вѣрь мнѣ, что въ ту мину, въ которую молчаливость сдѣлается добродѣтелію *всѣхъ* женщинѣ, мужчины перестанутъ повѣрять свои тайны одинъ другому — для нихъ въ тысячу разъ пріятнѣе было бы открываться намъ, когда бы они могли не опасаться слѣдствій своей откровенности. Я знаю нѣкоторыхъ женщинѣ, которыя пользуются совершенною довѣренностію своихъ друзей, у которыхъ пребудутъ совѣща во всѣхъ важныхъ дѣлахъ — наковы же онѣ? Женщины разсудительныя ~~и~~ въ поведеніи своемъ безпорочныя! И такъ, моя милая, нашему полу не будетъ отказано въ общемъ уваженіи, какъ скоро онѣ сдѣлается его достояніемъ.

Всего болѣе огорчаешься, другъ мой, тѣмъ, что слава дѣлаетъ женщину всегда несчастною. „Женщина, имѣющая дарованія необыкновенныя — утверждаешь ты — не можетъ ими наслаждаться и принуждена ихъ скрывать, въ противномъ случаѣ сдѣлается предметомъ посмѣянiя. Мужчины, въ этомъ случаѣ, поступаютъ съ нами такъ, какъ будто бы наше соперничество было для нихъ опасно!“ — Не думаю, чтобы мужчины его опасались, или имѣли причину опасаться. Женщины, милый другъ, никогда не могутъ похитить у нихъ перваго мѣста: свидѣтельствуюсь опытомъ всѣхъ вѣковъ! Когда обширное предпрiятiе приходило въ голову женщинѣ? Полъ нашъ способенъ производить прiятное и даже полезное; но *Преображенiе*, *Лакоонъ*, *Мизантропъ*, *Гораци* — горе той, которая пожелаетъ достигнуть до сей высоты! Одна уже мысль о шагомъ намѣренiи производитъ круженiе въ головѣ. — „Но женщина, которая занимается искусствами или словесностию, обыкновенно дѣлается смѣшною!“ — Почему обыкновенно? Развѣ не отъ нее зависишь избѣжать странности? развѣ не можетъ она пользоваться своимъ дарованiемъ, не удивляя имъ цѣлой Европы? И эта страсть возбуждаетъ удивленiе не

есть ли истинное доказательство посредственности? Чего мы ищемъ въ свѣтѣ? — Щастія. — Очень хорошо! Теперь спрашиваю у всѣхъ писателей: которыхъ ми-нуты въ жизни почищаютъ они истинно щасливыми? Конечно, минуты работы! удовольствія ума столь сладостны сами по себѣ, что нѣтъ никакой нужды присоеди-нять къ нимъ постороннихъ! Иная книга не имѣетъ никакого успѣха въ свѣтѣ, но авторъ, не смотря на то, обязанъ ей минушами живѣйшаго наслажденія — онъ былъ совершенно щасливъ въ то время, когда надъ нею прудился, и этихъ минутъ никто уже у него не похищитъ. Вотъ на-слажденія, которыхъ женщины позволено искасть — но только въ тиши, безъ всякаго шума, не думая о блескѣ. И еслили ея сочиненія прямо достойны быть славными, то върь мнѣ, что слава сама найдетъ скромнаго автора въ его убѣжищѣ, онъ будетъ предметомъ искренняго удивленія, и милая стыдливость, краса добродѣтелей женскихъ, спасетъ его отъ посмѣянія.

Свѣтъ уворяютъ несправедливостію — заблужденіе! онъ справедливѣе, нежели какъ мы думаемъ. Онъ обращаетъ въ спранныя одни безполезные усилія самолюбія, но уважаетъ простоту и скромность. И можетъ ли онъ щадить такую жену?

щину, которая желаетъ одной шумной извѣстности, которая, не уважая приличія, находитъ способъ гремѣть своимъ именемъ, въ то время, какъ знаменитыя произведенія ума ея покрыты забвеніемъ или осмѣяны. Я совсѣмъ не насмѣшлива; но признаюсь, не могу не улыбаться, когда встрѣчаюсь съ женщинами, которыя рѣшились сдѣлаться *необыкновенными*, и опдѣливъ себя отъ женскаго пола, не прислали къ мужскому. — послѣдуй за ними въ общество женщинъ: какъ стараются онѣ показать, что имъ скучно! какъ онѣ увѣрены, что, пренебрегая женщинъ, доказываютъ свое превосходство! Позвольте спросить у васъ — сказала ли одной изъ нихъ — развѣ умъ вашъ препятствуетъ вамъ быть любезною? Признайся жь, милый другъ, что женщины сами причиною тѣхъ непріятностей, которыя такъ часто встрѣчаются имъ въ свѣтѣ.

Остается одно, и самое важное — положеніе женщины въ союзѣ супружескомъ! Я знаю, мой другъ, что съ этой стороны ты счастлива совершенно. Ты пишешь однако: „Судьба соединила меня съ человекомъ добродѣтельнымъ и любезнымъ — счастье весьма рѣдкое! какъ много женщинъ, которымъ оно неизвѣстно, для которыхъ супружество есть тяжкая, мучительная

неволя.“ — Не понимаю! Мне кажется, что эта ужасная неволя существует только у тебя в воображении. Представляю себе женщину благоразумную — она свободна в поступках своих, еслили имей мужа столь же благоразумного; и похваляет мужей своих — еслили он глупец. Где же неволя? Поверь, мой друг, что муж и жена имеют равные участия в неудовольствиях семейственной жизни; и если женщины жалуются на них чаще, то это более от праздности: надобно им быть матерью для разговора — они принуждены бы были большую часть времени молчать, когда бы не имели прибежища к своим неизлечимым жалобам. Мужчины, занимаясь делами, политикою и шому подобным, не имеют ни привычки, ни времени говорить о маленьких домашних ссорах; в противном случае мы скоро бы узнали, что и мужчины имеют каждый свои семейственные печали! Справедливо ли же обвинять молчащего?

Ты оскорбляешься ничтожностью женщины? Признайся однако, что не внутри семейства женщина может называться ничтожною: напротив, здесь ее настоящее владычество, здесь она самовластна и занимает первое место. В се-

мействѣ женщина царствуетъ, въ ея бережливости и распочительности заключено благосостояніе домашнихъ; и мать и отецъ имѣютъ одинакое вліяніе на дѣтей, законы даютъ имъ одинакія надъ ними права — но въ этомъ случаѣ природа на сторонѣ женъщинъ, и дѣти, по шѣмъ страданіямъ, съ которыми произведены онѣ на свѣтъ, могутъ назваться скорѣе собственностію матери, нежели отца: мать принимаетъ на себя первыя попеченія о сынѣ, мать открываетъ въ головѣ его первыя понятія, и такъ естественнo, что добрая мать должна первая пріобрѣсти его довѣренность, первая овладѣти его любовью. Мать, Эмилія! подумай о шѣмъ священнхъ и сладкихъ обязанностяхъ, съ которыми нераздѣльно это высокое званіе! Можно ими плѣняться, и называть жребій женъщинъ несчастнымъ, и думать, что женщина существо бесполезное!

Теперь, Эмилія, въ чемъ еще остаешься тебѣ упрекать свой жребій? Завидовать ли мучительному честолюбію, которое гнѣздилося въ душѣ мужчины? Ужасная спезя его для насъ закрыта! Намъ не дано возможности быти Государями, вельможами, полководцами — но взглянемъ на каршину свѣта, прочтемъ Исторію, и будемъ благодарными къ Провидѣнію.

(Съ Французскаго.)

II.

Низосъ и Эвріалъ.

(Энейды *Виргиліевой* книга IX, стихи
167 — 450.)

Трояне, съ высоты, отъсюду укрѣпленной,
Взирающъ съ шрепетомъ въ станъ Тур-
новъ отдаленной;
Объемлютъ сражею окрестныя мѣста;
Крѣпящъ бойницами помосты и врата;
Орудья ратныя ждущъ гибельнаго слова.
Сересшусъ и Мнесшей — грудь къ ужасамъ
готова —
Вожди искусные, копорымъ Царь Эней,
Отсутственный, среди суровыхъ брани преи,
Ввѣрялъ надъ юностью кипящей управленье,
Ведущъ отчаянныхъ въ послѣднее сраженье!
По жребію всякъ сонмъ избралъ себѣ чреду;
Всѣ дружно обреклись на блискую бѣду. —
По долгу *Низосъ* сталъ предъ главными
вратами,
Гроза враговъ копьемъ и мѣшкими стрѣлами,
Гиртаковъ храбрый сынъ, онъ прибылъ ко
шатрамъ
Отъ матери, звѣрей ловящей по горамъ.
Съ нимъ спутникъ Эвріалъ, цвѣтъ поздній
Иліона,
Предсанный юноша, предметъ прелестныхъ
снсна,

Носяцій на челѣ любви и Грацій дарѣ;
Едина въ нихъ душа, едивѣ во славѣ жарѣ!
Что значитѣ, Низосѣ рекѣ, сей огонь сердца
палящій ?

Что слава ? Божество, иль гласѣ его гре-
мящій ?

Иль спрасѣ моя мнѣ Богѣ ? Я рабѣ ея
слабой !

О другѣ возлюбленный ! мнѣ тягостенѣ покой!
Стремлюсь къ великому, чего не постигаю!
Погибель или честь — на всё, на всё дерзаю!
Возри; беспечностью Рупульскій станѣ обвящѣ,
Чуть видимы огни; лѣса и горы спящѣ!
Упившись гордый врагѣ, лежитѣ во снѣ по-
зорномѣ —

Внемли, что во умѣ боязнямѣ непокорномѣ:
Ты вѣдаешь вождей собравщійся совѣщѣ,
Эней ошсущественный ихѣ томныхѣ думѣ пред-
метѣ.

Народѣ, старѣйшины и воинство желаетѣ
Узнать черезѣ посла, гдѣ Царѣ ихѣ пребы-
ваетѣ.

Мнѣ мнѣшся, возмогу, шаясь между холмовѣ,
Проникнуть съ вѣсшью сей въ надменный
градѣ враговѣ.

Иди, вѣщай сіе, приеми награжденье,
А мнѣ за друга смерть — и мзда и про-
славленье ! —

Смутился Эвріалѣ, вскипѣла славою грудь ;
Речетѣ избравшему ошваги полной пушѣ :

И ты возмогъ мечтать, чтобъ я, стыдомъ
покрытой,
Съ тобой не раздѣлилъ швой подвигъ знаме-
нитой?
Чтобы одинаго на ужасы пустилъ?
Нѣтъ! не тому меня родишель мой училъ;
Офельтомъ воспоеиъ среди мечей и боевъ,
Я пламень Трои зрѣлъ, зрѣлъ Греческихъ ге-
роевъ!
Сопутствуя тебѣ Энея по слѣдамъ,
Гдѣ жизнью дорожилъ, гдѣ мѣсто далъ
врагамъ?
Такъ! есть во мнѣ сей духъ, опасностей
презритель,
Готовый смертію безсмертья искупитель!
Пойдемъ! . . . , Постой, мой другъ! къ чему
намъ бѣдъ искать?
Къ чему заранѣе нещастья вымышлять?
Я вѣрю, чувствую: Юпитеръ правосудный
И боги, дружества подпоры неоскудны,
Съ побѣдою меня ко другу возвращать! . . .
Но естьли грозный рокъ, иль Парки восхо-
тятъ
Пресѣчь геройской путь, покорный вышней
волѣ,
Умру . . . ты долженъ жить, ты жить до-
стоинъ болѣ!
Затихнетъ буря битвъ, придетъ другъ людей
И трупъ мой искупивъ, сокроетъ подъ землей!
Пріидетъ славныхъ дѣлъ любитель сановитой,
И радуясь о мнѣ, надъ перстію сокрытой

Возвыситъ скромный холмъ и гимны вос-
поетъ!

Нѣтъ! сира мать швоя слезъ горькихъ не
прольетъ!

Примѣръ всѣхъ матерей, которая за сыномъ,
Всѣ радости свои вмѣщая въ немъ единомъ,
Оставивъ родину; Ацесшовъ славный градъ,
Во станѣ дѣлитъ съ нимъ труды, и зной,
и хладъ;

Нѣтъ — жизнь ея въ тебѣ, ни радость не
увянешъ. . . .

Я щасливъ, естли съ ней мой другъ меня
вспомынетъ.“ —

Всѣ тщетно! рекъ герой, не измѣню себѣ!
Рѣшимся, предадимъ пуши свои судьбѣ! —
Вѣщаль, привратниковъ дружину премѣняетъ,
И съ другомъ на совѣтѣ старѣйшинъ поспѣ-
шаетъ.

Погаснулъ бранный день — вокругъ бран-
на тишина;

Печаль и суеты забылись въ недрахъ сна;
Старѣйшины Троянъ и юноши крылаты,
Покоя чуждые, но мужествомъ богаты,
О царственныхъ дѣлахъ верховный держатѣ
судъ,

Когда и чрезъ кого Энею вѣстѣ дадутъ;
На копья опершись, покрытые щитами,
Стоятъ безспрашные въ кругу передъ шат-
рами,

Се витязей мольба, да увидутъ на совѣтѣ ;
„Велико таинство и времени не ждешъ!“

Вошли, глаза горятъ, спирается дыханье,
Но ободряешъ ихъ Асканія вниманье.

Онъ, Низосу начатъ рѣчь важную велишъ.

Вожди и воины! Гиртаковъ сынъ гласишъ;
Правдивый, крошкѣй слухъ къ моимъ словамъ
склоните ;

Отвагу подвига лѣтѣми не цѣните.

Теперь враги молчатъ, объявы смершнымъ
сномъ ;

Мы мѣсто обрѣли, закрытое кругомъ,
По берегу зыбкому, гдѣ двухъ пушей стеченье,
И можемъ совершить Царево возвращенье.

Огни пошущены, и черный дымъ клубясь
Восходитъ ко звѣздамъ . . . благословише насъ !

Эвѣя взыщемъ мы Палланта за спѣнами,
Онъ шествуя во станъ противниковъ шѣлами,
Добычей многою и славой окруженъ,
Придетъ сокрушитъ печальный Тевкровъ
плѣнъ.

Пути извѣстны намъ, препятства изочпены;
Мы видѣли вдали, ловишвой увлеченны,
Чело вносящій градъ надъ челами холмовъ,
И свѣтлую рѣку, питаніе враговъ. —

Изрекъ — и се Алетъ, сѣдый питомецъ брани,
Совѣша силы полнъ, шрепещущія длани
Подъземлетъ къ небесамъ: — „Нѣтъ, Пергамъ
не падетъ !

О Бѣги правдѣдовъ, шшопамъ шстрадальцевъ
свѣтъ !

Нѣтъ! Трои погубить еще вы не судили,
Когда снопль храбрыхъ чадъ въ оплотъ ей со-
хранили!

Съ такими ль воями спрaшншься новыхъ бѣдъ?
Рѣшимоспъ, швердой духъ предзнаменье по-
бѣдъ! —

Вѣщаль, и витязей ко груди прижимаешъ,
Ланишы, перси ихъ слезами орошаешъ.

О слава нашихъ дней! что можемъ вамъ воздать?
О Троя! чѣмъ шебѣ сыновъ своихъ вѣнчать?

Награду первую отважности толикой
Обрящете въ Богахъ, въ душѣ своей великой!
Споспѣшникъ неба, Царь, долгъ правды созер-
шитъ,

Асканій на душѣ вашѣ подвигъ сохранитъ! —
Такъ! я, котораго вся радость, утѣшене
(Асканій рекъ) отца въ безцѣнномъ воз-
вращеньѣ,

О Низосъ! я клянусь могуществомъ Боговъ,
Благими Ларами, хранишельми домовъ,
Великой машери обителью священной:
Всѣ, всѣ мое въ твоей десницѣ заключенно!
Отдайте родшаго: въ немъ жизнь моя и свѣтъ!
Отдайте взоръ Царя . . . и Тевкрамъ стра-
ха нѣтъ!

Двѣ чаши серебряны, украшенны рѣзьбою,
Данъ брани, взятую родишельской рукою,
И два шреножника, и злато, и сосудъ,
Искусства древняго великолѣпной трудъ,
Дидоны царственной доселѣ обладаеъ,
Воспримете себѣ, герои, въ воздаянъе!

Когда жь Италія повержетъ предо мной
Мчпажный мечъ , когда побѣднью рукой
Вѣнчанный , раздѣляшь начну добычу боя ,
Тогда . . . ты зрѣлъ коня Рупульскаго Героя ,
Ты зрѣлъ броню и шлемъ , въ которыхъ
Турнѣ блистипъ :

Тебѣ сей быстрый конь , тебѣ броню и щитъ ,
Тебѣ сей шлемъ , перомъ багрянымъ луче-
зарный !

Къ тому приложипъ въ даръ родипель бла-
годарный

Дванадесять мужей и столько жь красныхъ
женъ ,

Избранныхъ изъ полковъ , склонившихъ выи
въ плѣнъ ,

Оружье ратное , сокровища державны ,

Палланшовы сады , поля , обилемъ славны :

Всѣ , всѣ пвое , о другъ ! о храбрыхъ красона ! . . .

А ты , о юноша ! съ которымъ и лѣша ,

И радость раннихъ лѣшъ сближаютъ насъ
столь нѣжно !

Приди въ объятія , приди мой другъ надежной !

Отселѣ не одинъ пойду моею спезей ,

Отселѣ не одинъ пожну цвѣты честей !

Иль брань , иль сладкій миръ мнѣ дастъ
громодержитель :

Всѣхъ дѣлъ моихъ глава , ты братъ мой ,
ушѣшитель ! . . .

И каждый жизни день , вѣщаетъ Эзриалъ ,
Явишь меня такимъ , какъ ты меня позналъ !

Да боги озарятъ путь темный начинаній!
О Царь! не требую столь многихъ воздаяній,
Молюся обь одномъ: здѣсь мать моя со мной,
Отъ племени Царей послѣдній плодъ благой!
Ни прелесть родины, ни градъ Ацеста милый,
Ни старость вѣшная, отвѣмляющая силы,
Нѣжнѣйшей не могли со мною разлучить:
Въ станъ ратный пришекла труды мои дѣ-
лать!

Сію одну, сіе Небесъ благословенье,
Прими, Энеевъ сынъ, въ покровъ и попеченье!
Она не вѣдаешь о подвигѣ моемъ.

И какъ его открыть? . . . Клянусь грядущимъ днемъ,
Не въ силахъ я снести слезъ горькихъ безотрадной! . . .

Утѣши бѣдную, помощникъ будь безчадной! . . .
Позволь съ надеждой сей въ опасной путь
лѣтѣть:

Съ ней легче побѣждать, съ ней легче умереть!“ . . .
Изрекъ — и взоръ покрылъ дрожащими руками,
Ланишы витяз-й омылся слезами!

Рыданіе вокругъ! Младый прелестный Юль
Сыновнюю любовь отца воспоминалъ;
Отъ вздоховъ сладостныхъ грудь нѣжная
тѣснилась:

Спокойся, возгласилъ, завѣтъ твой совер-
шился!

Блаженъ, кто чувствъ такихъ участникъ
быть возмогъ!

Я матери лишенъ . . . въ ней мать
далъ мнѣ Богъ ! . . .

Какой конецъ войнѣ рокъ тайной ни поспавитъ,
Героя родшую опечество прославишъ.

Клянусь моей главой, кошорой самъ Элей
Клялся предъ сонмами народовъ и Царей,
Клянусь, назначенно Герою воздаянье

Оставитъ матери и роду въ достоянье ! . . .

Такъ рекъ рыдающій, и снявъ съ раменъ мла-
дыхъ

Мечъ грозный, на цѣпяхъ висящій золотыхъ,
Обложенъ костію слоновою чудесной,

Искусства Крипскаго плодъ древностью извѣ-
стной,

Залогомъ Царскихъ словъ онъ выпязю вручилъ.
Мнесшей сопушника ужаснымъ львомъ по-
крылъ,

Съ Алетомъ шлемами они перемѣнились,
И такъ вооружась, въ пушь славный успре-
милась ;

Сонмъ старцевъ, юныхъ ликъ текутъ по ихъ
слѣдамъ,

Обѣты и мольбы несутся къ небсамъ.

Асканій, выше лѣтъ премудросію внушенный,
Даетъ къ родителю писанья сокровенны.

Увы ! . . . угодно такъ Властителю небесъ,
Внезапно грянулъ громъ и вѣтеръ ихъ разнесъ !

Разспались, рвы прешли, въ сшанъ входятъ
съ ратнымъ жаромъ !

Смерть явная ! но смерть не робкая, — не
даромъ ! . . .

Приблизились къ шатрамъ — Безпечность,
нѣга, сонъ,
Казалось, въ сихъ мѣстахъ поставили свой
тронъ.

Лежатъ въ правѣ тѣла, виномъ опягощенны,
Кони своихъ ярмовъ стояшъ неотрѣшенны,
Возницы межъ колесъ запушаны въ браздахъ,
Тамъ чаша Бахуса, тамъ Марсовъ мечъ въ
цвѣтахъ.

„Дерзаемъ, Эріаль — даль Низосъ мановенье —
Наспалъ удобный часъ! Ты стань во отда-
леньѣ,

Чтобъ стража не могла нашъ тайный путь
залечь;

Блюди, будь скромнѣе, скрытѣ. . . . Пусть
мой откроетъ мечъ

По трупамъ вражескимъ стези тебѣ широки. “

Изрекъ . . . и се Рамнешъ, какъ падшій дубъ
высокій,

Простертый на коврѣ по пиршесствѣ дневномъ,
Сраженный, воздохнувъ, отшелъ въ Плутоновъ
домъ.

Самъ Царь и другъ Царя, участникъ тайнъ
судьбины,

Не могъ онъ предузнать теперь своей кончины!

Три Ремовы раба, возница и межъ нихъ
Хранишель лапъ, мечей, на упряжахъ вишыхъ,

Подъ конями его висящіе безпечно,

Добыча острія, уснули въ мракъ вѣчно.

Пошомъ Герой отбѣялъ и Ремову главу;

Огромный, хладный трупъ скатился на праву,

Горячей кровію земля и ложе рдѣютъ ;
Ламиросъ , Лашъ , Сарранъ подѣ спально цѣ-
пеньюшъ ;
Послѣдній , кончивъ жизнь во цвѣтѣ красныхъ
лѣтъ ,
Прелестный , рѣзвый другъ всѣхъ юности суешъ ,
Онъ вечеръ посвятилъ весельямъ пированій ,
И полонъ Вакха спалъ подѣ крылами мечшаній ;
Блаженъ ! когда бѣ вся ночь такъ сладко
прошекла ,
И нѣвая заря щаспливцу разцвѣла !
Каковъ свирѣпой шигръ , горящій снрастью
Глади ,
Являешся среди неогражденна снра :
Рычитъ , терзаетъ , рвешъ ! пылаешъ кровью
зевъ !
Творенье робкое стоишъ окаменѣвъ :
Таковъ былъ Эвріалъ средѣ спни усыпленной .
Убійствомъ къ новому убійству воспаленной ,
Тѣлами окруженъ онъ взоромъ жернивъ искалъ :
Сраженны Фадъ , Гебесъ , Абарисъ сильный
палъ ,
И Ретусъ бодрственный , погибель зрѣвшій
братій ,
(Почпо не умеръ онъ средѣ сладкихъ сна обв-
яшій !)
Нещасливый , пробудяся , во ужасѣ снбномъ ,
Лежалъ подѣ чашею , наполненной виномъ !
Но мечъ его обрѣлъ , и весь въ груди со-
крытой ,
Лишь съ вѣрной смертію изторгнулся песьшой !

Блгряна жизнь, дымясь, изъ раны потекла.
Спраснь крози далѣ свирѣпаго влекла :
Слѣшитѣ къ Мессаповой дружинѣ раздраженный,
Гдѣ гаснули огни, и кони отрѣшенны
Питались на лугу росиспою правой.
Но Низосѣ, сбозря всѣ жертвы предѣ собой,
Самѣ ярости своей чрезмѣрной устрашился :
„Довольно! — другу рекѣ — долгѣ мести
совершился!

Уже свободенѣ путь межъ шрупами враговѣ;
Уже враждебный день встаетѣ изѣ за холмовѣ.“
Такѣ рекѣ, прижавѣ къ груди кипящу грудь
собрата.

Герои не берутѣ ни серебра, ни злата,
Ни драгоценныхѣ чашѣ, ни тканій, ни броней.
Приемлетѣ Эвриалѣ съ Рамнетовыхѣ коней
Нарядѣ и дивну цѣпь, искусства трудѣ усиленной,
Которую Цедекѣ, богатствами обильной,
Залогомѣ дружества вѣ дарѣ Ремулу прислалѣ,
Сей внуку своему вѣ наслѣдѣе отказалѣ;
По смерти коего Рупулы браноносны
Присвоили себѣ — побѣды знакѣ поносный!
Герой златую цѣпь на перси возложилѣ,
Мессаповѣ грозный шлемѣ главу его покрылѣ,
Различныхѣ перьевѣ пукѣ, какѣ пламень раз-
бивал я!

(Нещастнѣйшій уборѣ, не долго ты оспался!..)
Таятся юноши во мракѣ вѣрныхѣ мѣстѣ.

Восставшая луна затмила сонмы звѣздѣ.
Вѣ то время Рупулы, отѣ полчищѣ ондѣбленны,
Кѣ Царю несли отвѣшѣ, на бой вооруженны.

Волсценшій, предваря собранье ратныхъ силъ,
Трехсотную сію дружину предводилъ.

Уже вблизи шапровъ, онъ сталъ передъ
стѣнами,

Вдругъ видитъ юношей, вдали между древами,
Въ смущеньи, кравшихся особеннымъ пушемъ;

Нещастная корысть, Мессансовъ дивной шлемъ,
Отсвѣтясь, Тевкрскому Герю измѣняетъ.

Не призракъ вижу я! Волсценшій восклицаетъ.

Стой! кто вы, и куда съ оружіемъ въ рукахъ?

Ошвѣтствуйте! . . . Увы! гласъ замеръ на
устахъ.

Бѣгутъ, ввѣряются защитѣ ночи тщетной.

Но быспры всадники обвемлютъ пушь при-
мѣтной,

И стражей богатствъ исходы всѣ кругомъ.

Лѣсъ мраченъ былъ, заросъ и терномъ и
волчкомъ;

Обишель дикая, исполнена вепрями;

Тропы излучисты, покрытыя шѣнями,

То исчезаютъ вдругъ, то вожгутъ близкой
плѣнью.

Нещастный Эвріалъ, корыстью опягченъ,

Не зналъ, куда сѣшится. . . древа его держали;

Безвѣстность и боязнь вокругъ его обспали.

Другой избѣгъ бѣды — гонимый страхомъ,
зрѣлъ

Ужъ топкій вокругъ озеръ Албановыхъ предѣлъ,

Гдѣ Турновымъ конямъ просперлися забралы.

Остановился здѣсь. . . озрѣлся вокругъ, усталый:

„Гдѣ другъ мой? Гдѣ мой братъ? Что сдѣ-
лалъ я злодѣй?
Тебя забыть! ахъ нѣтъ! умремъ, умремъ скорбей!
Изрекъ — стремишься вспяшь погибельной
спезёю,
По собственнымъ слѣдамъ блуждающей съ
тоскою;
Въ безмолвной густотѣ, весь терномъ из-
можденъ,
Обманчивымъ лѣсамъ себя ввѣряетъ въ плѣнѣ.
Всѣ страхи, всѣ пути измѣрялъ, без-
отрадный;
Вдругъ выемлетъ бѣгъ коней, звукъ труб-
ный, крики ратны.
Смутился . . . взоръ простеръ . . . и ахъ!
кого узналъ?
Се ты являешься, несчастный: Эвріалъ!
Бывъ преданъ ноцію, дубравой незнакомой,
Въ рукахъ своихъ враговъ, безжалостно вле-
комой,
Изтерзанъ, посрамленъ неистовой толпой,
Ждешь смерти, радуясь, что другъ безвре-
денъ твой!
Напрасно! . . . онъ притекъ! . . . Но какъ?
на что рѣшиться? —
Какъ друга искупишь? Иль прямо успре-
мишься,
И смерть предускоритъ отчаяннымъ мечемъ?
Сшалъ въ шѣнь, подъялъ копье, и обратясь
лицемъ . . .
Къ благой владычицѣ полунощныхъ мечтаній:

Ты будь помощница послѣднихъ начинаній ,
Лѣсовъ Идійскихъ стражъ , краса и честь
свѣтилъ !

Когда на твоей олтарь родитель приносилъ
За сына бѣднаго дары благоугодны ;
Когда , отъ прелестей опасныхъ лѣтъ сво-
бодный ,

Я храмъ твой украшалъ ловитвѣ своихъ пло-
домъ :

Направь мое копье , и гряди надъ врагомъ !
Изрекъ , напрягнулася — и злой буланшъ кидашъ ,
Звѣняща смерть , жужжа , мракъ ночи разсѣ-
каетъ !

Сульмона храброго ударила въ хребтъ шъ :
Древко сломилось . . . желѣзо сердце рветъ !
Упалъ , трепещущая , пускаетъ вздохъ тяжелый ,
И въ рдѣющей крови погризъ окаменѣлый.
Смутилися — смотрятъ вокругъ — не коле-
бался листъ ;

Но се еще стрѣлы безвѣстной слышенъ свистъ ;
Въ чело Тагоново ударясь задрожала ,
И черепъ сквозь пробивъ , въ мозгу горячемъ
стала.

Волсценшій разъяренъ , вокругъ мечешся , какъ
змѣй ,
Чтобъ видѣть , разразитъ виновника смертей.
Напрасно! . . . „Такъ и бытъ! — въ тебѣ упьется
мщенье !

Казнися за обоихъ“ — изрекъ въ остервененьѣ ;
На Эвриала мечъ свирѣпый обратилъ.

Другъ скрытый, обомлѣвъ, безчувственъ, во-
зопиль,
Не въ силахъ болѣе во тмѣ лѣсовъ таиться,
Не въ силахъ видѣть смерть, къ Волсценпу
онъ стремится,
Меня, меня сражай — я здѣсь, всему виной!
Рупулы, казни всѣ обрушьте надо мной!
Онъ брашъ мой, онъ не могъ, невиненъ онъ
предъ вами!
Клянусь всемошными, Діаной и звѣздами!
Столь нѣжной спрасстю къ несчастному пы-
лалъ!
О тщетная молба! Мечъ ярый разтерзалъ
Широку, бѣлу грудь; кровь алая дымится,
Бездушный, блѣдный трупъ на мягкой дернѣ
капится,
Поникшая глава виситъ на раменахъ.
Такъ юный цвѣтъ весны на отческихъ поляхъ,
Подъ плугомъ срѣзанный, блѣднѣетъ, упадаетъ,
Но умирающій — красою восхищаетъ!
Таковъ багряный макъ, усталую глагой
Прибишый ко травѣ въ часъ бури роковой!
Вдругъ Низосъ яростный вторгается въ сре-
дину,
Сквозь копья, сквозь мечи, имѣя мысль едину:
Волсценпа ищетъ онъ, Волсценпа только
зритъ;
Смущенный кругъ враговъ безстрашнаго тѣ-
снитъ,
Идетъ, себя забывъ, мечъ молніей вращаетъ,
И весь въ уста врага отверстыя вонзаетъ!

„Сступай и угошовь героямъ нашимъ сѣнь!“
Израненъ, полумершвѣ, шатаясь, какъ тѣнь,
На хладный брата трупъ безкровный устре-
мился,
И сладкой смертью съ нимъ на вѣкъ соеди-
нился.

Щаспливая чета! когда не льщусь меч-
той,
Коль нѣжной пѣсни гласъ не кончится со мной:
Вашъ подвигъ позднее потомство не забудетъ,
Доколь Энеевъ домъ властишелемъ пребудетъ
Надъ Капитольскою недвижною скалой,
Доколь будетъ Римъ вселенныя глагой!
Мрзлкъ.

III.

Прусская ваза.

(Повѣсть Гж. Эджевортъ)

Извѣстно, что Фридрихъ II, завоевавъ Саксонію, перевелъ многихъ художниковъ изъ Дрездена въ Берлинъ, въ которомъ намѣренъ былъ завести фарфоровую фабрику. Нещастные ильнники, навѣки разлученные съ отечествомъ, принуждены были работать для славы и выгоды побѣдителя. Между ими находилась Софїя Мансфильдъ, молодая, прекрасная, одаренная необыкновенными талантами.

Судьба хотѣла того, чтобы Фридриху, въ то время, когда онъ осматривалъ Мейссенскую мануфактуру, показали двѣ или три фарфоровыя вазы превосходной работы, которыхъ рисунокъ дѣлала Софїя и на которыхъ живопись была ея же произведенїя. Король, прельстившись вазами, приказалъ, чтобы Софїя немедленно была отправлена въ Берлинъ. Софїя повиновалась; но въ Мейссенѣ оставила она и дарованїе свое и прилѣжность. Должность ея состояла въ томъ, чтобы писать на фарфорѣ по собственнымъ своимъ рисункамъ; но всѣ рисунки ея были безъ вкуса и правильности; рука ея, прежде сшоль искусная, почти не владѣла кистїю: Софїя не имѣла ни способности, ни желанїя трудиться; она по нѣсколькѣ часовъ просиживала надъ работою, пошупивъ голову, сложивши руки, смотря на кисть, задумчивая, печальная, безмолвная: меланхолическая наружность ея прогала сердце. Главный надзиратель мануфактуры, замѣшивъ задумчивость Софїи, желалъ узнать ея причину — Софїя упорно хранила молчанїе; онъ требовалъ, чтобы она работала прилѣжнѣе — Софїя, по прежнему, проводила большую часть времени въ бездѣйствїи. Наконецъ онъ сталъ угрожать, что принесетъ на нее жалобу Фридриху, при первомъ его посѣщенїи мануфактуры.

Фридрихъ , желая , чтобы фарфоровыя работы доведены были до возможнаго совершенства въ Берлинѣ , осматривалъ очень часто новую свою мануфактуру . Однажды посѣтилъ ее знашый путешествующій Англичанинъ , сопровождаемый нѣкоторыми изъ Берлинскихъ знакомцевъ своихъ , въ числѣ которыхъ находился Августъ Ланицкій , молодой Полякъ , воспитанный въ Берлинской военной школѣ , осьмнадцати лѣтъ , живой , пламенный , умный , любимый Фридрихомъ и привязанный къ нему до изступленія — привязанность , которая однако не была ни слѣпая , ни рабская : Ланицкій удивлялся великимъ качествамъ своего Государя , но видѣлъ и недоспапки его , на счетъ которыхъ не рѣдко выражался съ пылкимъ прямодушїемъ молодости . Разговаривая съ Англичаниномъ о Фридрихѣ , онъ превозносилъ съ восторгомъ великія и славныя дѣла Героя , но въ тоже время позволялъ себѣ и не одобрялъ несправедливыхъ и самовластныхъ поступковъ Деспота .

И такъ Герой Фридрихъ — сказалъ Англичанинъ на ухо Ланицкому , осматривая нѣкоторыя работы фабрикантовъ — даетъ себѣ иногда волю быть самовластнымъ и прихвснителемъ . Безъ сомнѣнія , Прусской фарфоръ не уступитъ со временемъ Саксонскому ; но скажи мнѣ , что за-

мѣнитъ потерянное щастіе для эсихъ бѣдныхъ невольниковъ, которые, въ угожденіе, прихотливому челоѡку, навѣки разлучены съ любезнымъ опечесствомъ? Взгляни на блѣдныя, задумчивыя лица ихъ; взгляни на эту молодую дѣвушку — продолжалъ онъ, указывая на Софію — ей вѣрно не болѣе семнадцати лѣтъ, но она почти увяла, и горестъ, написанная на лицѣ ея, конечно умертвитъ ее прежде времени. Посмотри, съ какимъ опвращеніемъ она работаетъ: таковъ жребій невольниковъ! Желалъ бы перенести себя на время въ Англію и указать на нашихъ ремесленниковъ: какая разница! но они свободны!“ — Но развѣ нельзя свободному челоѡку бытъ больнымъ? Обвиняете ли Короля своего всякой развѣ, когда одинъ изъ подданныхъ его занеможетъ лихорадкою или горячкою? Я увѣренъ, что эта дѣвушка больна, и сію же минушу узнаю истину. — Ланицкій подошелъ къ надзирателю и началъ спрашивать его понѣмьки о Софіи: отвѣтъ надзирателя былъ таковъ, что Ланицкій, возвратившись къ товарищу своему, не захотѣлъ продолжать разговора. Пошли осматривать горны. Ланицкій, оставши непримѣтно отъ другихъ, приблизился къ Софіи. Что причиною твоей печали, милая? спросилъ онъ. Надзиратель увѣряетъ

меня, что ты, сь самага прїѣзда своего вь Берлинѣ, не сдѣлала ничего порядочнаго, а всѣмѣ извѣстно твое искусство! По крайней мѣрѣ эта прекрасная ваза, которую привезли изв Мейссена, твоей работы. — Это правда, милосливый государь, опвѣчала Софїя: по нещасію Король увидѣлъ ее! Ахѣ! естли бы эшаго не случилось... Она вздохнула, и замолчала: горестное воспоминаніе о миломѣ отечесивѣ снова спѣснило ея душу. — Ты груспишь по своей родинѣ! сказалъ Ланицкій: развѣ нельзя найши щасія вь Берлинѣ? — „Ахѣ, могу ли забыть о моемѣ отцѣ, о моей матери! во мнѣ одной находили они утѣшеніе при сшарости! Могу ли забыть о томѣ, что дѣлало мое щасіе, что было для меня драгоценно, что я потеряла и можетъ быть потеряла навѣки?“ — Ахѣ, милосливый государь! шепнулъ одинѣ ремесленникѣ, сидѣвшій сь Софїею рядомѣ: она оставила вь Саксонїи жениха; ихѣ разлучили почти наканунѣ свадьбы. — „Для чего же ея женихѣ не послѣдовалъ за нею вь Берлинѣ?“ спросилъ Ланицкій. — Онѣ здѣсь, милосливый государь, но онѣ скрывается: Бога ради, не сказывайте обѣ эшомѣ никому! вы будете причиною великаго нещасія. — „Но для чего же онѣ скрывается?“ — Королю не угодно, чтобѣ Софїя сь нимѣ видѣлась и за него вышла замужѣ.

Вамъ извѣстно, милоспивый государь, что многія изъ нашихъ Саксоновъ насильно были выданы за Прусаковъ. Софія Мансфильдъ доспалась на часъ одному солдашу, который обѣщавъ пожаловаться Королю, естли, по испеченіи мѣсяца, не будешъ она его женою. А надзирашель каждой день бранился на нее за то, что она лѣнива и слишкомъ задумчива: онъ также хочешъ довести это до свѣденія Королевскаго: бѣдная дѣвушка сама ищешъ своей погибели; мы нѣсколько разъ совѣщавали ей перемѣниться, но всѣ наши увѣщанія напрасны: она ничего не слышишъ, сидишъ по цѣлымъ днямъ поджавши руки, пошупивъ голову, смопря на кисть . . . жалко ее видѣшъ! Но дѣлашъ нечего; воля Королевская должна бышъ исполнена!

Исполнена! — воскликнулъ Ланицкій, и глаза его засверкали — и тогда исполнена, когда она безразсудна, когда она прошивна справедливости, человѣчеству. . . Онъ опомнился, замолчалъ, но слова его были замѣчены предспоявшими. Софіино лице оживилось, она упала къ ногамъ Ланицкаго и воскликнула: милоспивый государь! будыте моимъ защитникомъ! Вы соспрадашельны; вы конечно имѣете доступъ къ Королю: осмѣльшесь сказашь ему обо мнѣ одно слово! Избавыте меня отъ эшаго ужаснаго супружества! — Англи-

чанинъ и другіе посѣщители подошли въ это время къ Ланицкому; Софія встала и сѣла опять за свою работу. Ланицкій, пронувшій до глубинъ души, схватилъ Англичанина за руку и пошавилъ его за собою изъ комнаты. Такъ, мой другъ, воскликнулъ онъ съ горестію, Фридрихъ тиранъ! но какимъ средствомъ спасти его жертву? — „Благоразуміемъ, осторожностію, Ланицкій!“ отвѣчалъ молодой Альбертъ, его другъ, который съ нимъ вмѣстѣ осматривалъ фабрику. — Благоразуміемъ! осторожностію! средство малодушныхъ и робкихъ; и избираю рѣшимость и мужество! — „Но развѣ не могутъ онъ бытъ дѣйствительны вмѣстѣ и въ одно время?“ Не знаю! и на что мнѣ знать? По крайней мѣрѣ не чувствую никакого желанія разбирать эту матерію по правиламъ твоей остроумной логики, которую предпочитаешь всему на свѣтѣ! — „Кромѣ себя, однако, Ланицкій! потому что позволяю тебѣ бранить мою логику сколько тебѣ угодно!“ — Впрочемъ такое предпочтеніе весьма естественно: твое оружіе перо, а мое шпага! изъ этого слѣдуетъ, что языкъ твой не всегда можетъ бытъ мнѣ понятенъ! — „Не знаю, Ланицкій! но увѣряю тебя только въ томъ, что я готовъ служить тебѣ своимъ оружіемъ всякой разѣ, когда потребуютъ того твоя

честь, своя выгода, свое спокойствіе. Ланицкій посмотрѣвъ съ нѣжностію на Альберта и подалъ ему руку. Альбертъ! сказалъ онъ съ чувствомъ: какое щастіе имѣть подобнаго тебѣ друга! Всякой день машушка говоритъ мнѣ, что я долженъ благодарить судьбу за то, что она меня съ тобою соединила: просвѣти же меня своимъ благоразуміемъ — покажи мнѣ самое вѣрное средство спасти эту несчастную! Не могу равнодушно подумать о ея гибели! — „Напишемъ отъ имени Софій просьбу и подадимъ ее Королю: ты знаешь, что онъ читаетъ всѣ представляемыя ему бумаги самъ, и тотчасъ даетъ на нихъ рѣшеніе.“ — Просьба вминушу написана и подана Фридриху: Альбертъ и Ланицкій съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали его приговора:

Фридрихъ, во время пребыванія своего въ Потсдамѣ, очень часто проводилъ вечера у Графини Ланицкой, остроумной; прекрасновоспитанной и лучшаго тона женщины. Въ домѣ ея собирались самыя знашныя люди Пруссіи, и между прочими нѣкошорые Французскіе писатели, находившіеся въ то время при Дворѣ Фридриха; Король, чрезвычайно любезный и пріятный въ обхожденіи, оживлялъ своимъ присутствіемъ это общество, гдѣ всѣ

забывали, что онъ Монархъ, и видѣли въ немъ обходительнаго, простаго, веселаго человека.

Дни черезъ два, по представленіи Софійной просьбы, Фридрихъ пріѣхалъ по обыкновенію своему къ Графинѣ Ланицкой на вечеръ. Всѣ разговаривали; Король молчалъ. Вдругъ, обратившись къ Англичанину, который также находился въ то время у Графини, онъ спрашиваетъ: скажите мнѣ, правда ли, что вашъ соотечественникъ Веджевудъ сдѣлалъ прекрасную вазу по образцу Барбериніевой и Поршландовой? — „Правда, Ваше Величество, и подражаніе не уступаетъ подлиннику. Работа его такъ превосходна, что многіе изъ нашихъ стихотворцевъ писали поэмы въ похвалу великаго Художника.“ Англичанинъ прочелъ нѣкоторыя стихи, въ самомъ дѣлѣ прекрасные. Фридрихъ, который самъ былъ стихотворецъ и хорошій кришникъ, слушалъ его со вниманіемъ, и наконецъ воскликнулъ: и я опишу стихами Прусскую вазу! — „Прусскую вазу, Ваше Величество? спросилъ Англичанинъ. Увижу ли ее прежде моего отъѣзда изъ Берлина?“ — Увидите, если пробудете здѣсь еще мѣсяць. Эта ваза еще не существуетъ; но я намѣренъ предложить моимъ Художникамъ такую награду, которая, вѣрояшно, дастъ новую силу ихъ дарованію.

Въ Пруссїи люди имѣютъ такія же руки, какъ и въ Англіи и въ Италїи; и почему не быть Прусской вазѣ, когда есть В-джевудова и Барберинїева? Или я очень худо знаю ремесло Короля, или мнѣ будетъ не трудно воспламенишь всѣ шѣ шаланты, копорые у меня передъ глазами. Въ моей Берлинской мануфактурѣ, продолжалъ Король, успремивъ проницательный взглядъ на Ланицкаго, ещѣ молодая Художница, копорая чрезвычайно желаетъ возвратиться съ женихомъ своимъ въ Саксонїю: не спорю! но всѣ военноплѣнные обязаны плашшь за себя побѣдителю выкупъ, ещѣли не деньгами, то по крайней мѣрѣ своими дарованїями. *Воля Королевская должна быть исполнена;* и одинъ только шопъ, кто имѣетъ разумъ здравый, имѣетъ право рѣшить, *противна ли она правосудїю, челоѣчеству и такъ далѣе.* — При этомъ словѣ Фридрихъ простился съ Графинею и вышелъ изъ комнаты. Ланицкїй остался въ великомъ замѣшательствѣ; всѣ его друзья вообразили, что онъ пропалъ; но, къ величайшему ихъ удивленїю, Фридрихъ обошелся съ нимъ на другой день весьма благосклонно, и казалось совсѣмъ не помнилъ о прошедшемъ. Ланицкїй, чувствительный и добрый характеромъ, былъ чрезвычайно разпроганъ милостїю Фрид-

риха : исполненный удивленія , благодарности , раскаянїя , онъ бросился къ ногамъ Монарха и со слезами воскликнулъ : Государь ! простите , что я въ минушю изступленїя осмѣлился назвать васъ тираномъ ! — Мой другъ , шы еще слишкомъ молодъ , опвѣчалъ Король , а я не могу уважать мнѣнїя вѣтренныхъ или безумныхъ ; на всякой случай однако совѣшую шебѣ замѣшить , что надобно бытъ осторожнѣе въ разговорахъ , когда *тирановѣ* Дворецъ не далѣе отъ шебя , какъ въ пяти миляхъ . Вотъ мой опвѣтъ на челобитную Софїи Мансфильдъ . — Онъ подалъ ее Ланцицкому ; въ низу написано было собственною рукою Фридриха слѣдующее :

„Оставляю на волю всступашь и не всступашь въ супружество тому изъ Художниковъ , которой черезъ мѣсяцъ сдѣлаетъ фарфоровую вазу превосходнѣе всѣхъ , находящихя въ Берлинской мануфактурѣ ; позволяю ему возвратишья въ отечество ; ешьли захочетъ , и даю ему въ награду пять сотъ ефимковъ , ешьли согласишья оспашья въ Берлиѣ . Имя его будетъ написано на вазѣ , которая , въ честь Художника , получишь наименованїе *Прусской*.“

Софїя , прочишавъ эшотъ опвѣтъ , какъ будто возродилась : она почувсшвовала въ

себѣ и прѣжнее дарованіе и новую силу дѣйствовать. Но ей надлежало побѣдишь многихъ соперниковъ: награда, обѣщанная Фридрихомъ, привела всѣ головы въ движеніе: одни ласкали себя надеждою возвратишь свободу; нѣкоторыхъ прельщали пѣшь сошъ ефимковъ, и всѣ вообще были воспламеняемы благороднымъ желаніемъ увидѣть имя свое на *Прусской вазѣ*. Но всѣ сіи побудительныя причины были ничто въ сравненіи съ тѣми чувствами, которыми живошворилось дарованіе Софїи: она восхищала себя надеждою увидѣть все, милое для ея сердца, надеждою возвратишь въ опечесшво, надеждою соединенія съ любезными! Всѣ Художники почли за необходимое совѣшовашься съ тѣми людьми, которые признавались лучшими судіями вкуса въ Берлинѣ; Софїя показала рисунокъ свой Графинѣ Ланицкой, которой замѣчанія были для нее весьма полезны. Наконецъ рѣшишельный день наступилъ: вазы привезены въ Санъ-Суси, и выспавлены по приказанію Короля въ картинной Галлерей. Фридрихъ, кончивъ заниматься государственнымими дѣлами, приходишь въ Галлерейю со множествомъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ находился и Ланицкій; долго въ молчаніи разсматриваетъ вазы, наконецъ, указавши на одну, говоритъ: вотъ *Прусская ваза!* — Это Софїина! воскли-

янулъ Ланицкій, и опрометно побѣжалъ изъ Галлерей, желая первый обрадовать любезную Художницу, которая въ то время находилась въ домѣ его матери вмѣстѣ съ своимъ женихомъ, и въ страшномъ безпокойствѣ ожидала рѣшенія своей участи. Пламенные, восхищенные взоры Ланицкаго издали еще возвѣстили ей счастье. Задыхаясь отъ усталости, побѣжалъ онъ въ комнату Графини, сложилъ руки любовниковъ, и могъ только произнести одно слово: свобода! вы счастливы!

Король приказалъ, чтобъ Софїя на другой же день вышла замужъ за своего жениха и тотчасъ побѣжала въ Сансонію. Счастливая чета прощалась уже съ Графинею и сыномъ ея — какъ вдругъ множество голосовъ послышалось въ переднихъ комнатахъ; на лѣсницѣ сдѣлался страшный шумъ, какъ будто производилъ ссора между служителями дома и другими людьми, которые хотѣли ворваться въ него насильно. Ланицкій вышелъ, желая узнать причину шума. Сѣни наполнены были солдатами; Офицеръ всходилъ на лѣсницу — Вы ли молодой Графъ Ланицкій? спросилъ онъ, приближась съ учтивостію къ Графу. — „Я, милостивый государь! Что вамъ угодно? и для чего безпокоите матушку такимъ шумнымъ

приходомъ?“ — Извинише; я исполняю повелѣніе Короля. Не здѣсь ли, позвольте спросить, Софія Мансфильдъ? — „Здѣсь; но какое имѣете до нее дѣло?“ — Я долженъ опсправить ее сїю же минушу въ Саксонію, а васъ, государь мой, арестовашь. Прошу покорно опдать мнѣ вашу шпагу! — Ланицкій изумился, не поспигая, какимъ преступленіемъ навлекъ на себя Королевскій гнѣвъ. Ни что не было извѣстно Офицеру; онъ только имѣлъ приказаніе опсправить Софію въ Мейссенъ, а Ланицкаго немедленно опвесить въ крѣпость Шпандау, государственную темницу. — Хочу, непременно хочу узнатьъ прежде свое преступленіе! повторялъ Ланицкій, будучи внѣ себя отъ досады; но присущіе машери укрошило его пылкость: онъ опдалъ свою шпагу. „Августъ! сказала Графиня, смотря на него съ нѣжною довѣренностью: ты невиненъ, я въ эшомъ не сомнѣваюсь; правосудіе Короля уснокоиваетъ мое сердце!“ Ихъ разлучили.

На другой день, рано поутру, Графиня ѣдетъ въ Потсдамъ. Короля еще не было во Дворцѣ, онъ училъ Гвардію. Часа черезъ полтора возвращается, и первой человѣкъ, встрѣтившій его на крыльцѣ, была Графиня Ланицкая — онъ подошелъ къ ней съ обыкновенною всею

ласкою и сказалъ : Графиня ! я надѣюсь , что вы не имѣете никакого участія въ безразсудномъ поступкѣ вашего сына , вѣтреннаго , неблагодарнаго , дерзкаго . . . . „Государь ! мой сынъ могъ бытъ и вѣтренъ и дерзокъ и безразсуденъ ; но онъ имѣетъ доброе сердце ; онъ искренно привязанъ къ Вашему Величеству ; онъ живо чувствуетъ тѣ милости , которыми Вы его осыпали , и никогда не можетъ бытъ неблагодарнымъ !“ — На это не скажу вамъ ни слова ; но прошу васъ нынче ввечеру прѣѣхать ко мнѣ въ Санъ - Суси ; буду ожидать васъ въ картинной моей Галлерей : тамъ узнаете причину Августова заключенія въ Шпандау .

Въ восемь часовъ вечера Графиня прѣѣзжаетъ въ Санъ-Суси . Короля еще не было въ Галлерей . Графиня около получаса прѣживалась въ ужасномъ волненіи взадъ и впередъ по комнатамъ ; наконецъ слышитъ голосъ и узнаетъ походку Короля ; отворяетъ дверь : Фридрихъ входитъ и прямо идетъ къ Графинѣ . Она остановилась ; нѣсколько минутъ ждала , чтобы Король началъ говорить ; нѣсколько минутъ не сводилъ онъ съ нее пронцащельнаго своего взора ; наконецъ сказалъ : вижу , Графиня , что вамъ ни что неизвѣстно . Взгляните на эту вазу ; на это славное произведе-

нїе Софїи Мансфильдъ. Я знаю, что вамъ ее показывали прежде, нежели принесли въ Галерею; скажите, кто дѣлалъ на ней надпись? — „Мой сынъ, Ваше Величество.“ — Точно ли сынъ вашъ, Графиня? — „Точно, Государь! Софїя знала, что онъ имѣетъ прекрасный почеркъ, и просила, чшобы онъ вмѣсто ея сдѣлалъ надпись на этой вазѣ.“ — Не правда ли, что она заключаетъ въ себѣ самый лестный для меня панегирикъ? — „Какія бы ни были пресупленїя моего сына, Государь, но Вы конечно не причтете къ нимъ подлой лести, копорая всегда прошивна была сердцу нещаснаго моего Августа. Вашему Величеству извѣстно, что онъ недавно своею безразсудною неосторожносшїю едва не навлекъ на себя Вашей немилости; но великодушное прощенїе Вашего Величества несказанно пронуло душу его; въ жару благодарности своей, написалъ онъ эту похвалу, копорую несправедливо бы было почищать гнусною лестию, а еще несправедливѣе наказывать за нее такъ строго.“ — Вы говорите, Графиня, какъ нѣжная мать, но вы въ заблужденїи! Кто вамъ сказалъ, что сынъ вашъ арестованъ за нѣсколько лестныхъ словъ? Повѣрьте, что я умѣю равно презирать и лести и ругательство! но въ поступкѣ вашего сына вижу такую черную неблагодарность, ко-

шорая прошивна моему сердцу , и за которую наказать его почитаю необходимымъ долгомъ. Прошу васъ меня выслушать : я хотѣлъ подарить эту вазу Вольперу ; тотъ человекъ , которому поручено было ее уложить въ ящикъ , показалъ мнѣ надпись , сдѣланную вашимъ сыномъ : она польстила моему самолюбію , тѣмъ болѣе , что я увѣренъ былъ въ прямодушіи Графа Ланицкаго. Но тотъ же самый человекъ первый замѣтилъ , въ общему нашему удивленію , что синяя краска , на которой сдѣлана была надпись , оппала , и что подъ нею скрывалось еще нѣсколько словъ. Прежде написано было : *во славу Фридриха Великаго* ; но когда мы стерли краску , то ясно увидѣли слово *тирана*. И такъ , милоспивая государыня , вмѣсто похвалы , которой по увѣренію вашему удостоилъ меня Графъ Ланицкій , вы можете прочесть на вазѣ лестную надпись : *во славу Фридриха Великаго тирана*. Я не имѣю нужды вамъ дѣлать на это своихъ замѣчаній ; Фридрихъ , великій тиранъ , можетъ быть другомъ матери , наказывая строго неблагодарнаго и дерзнаго ея сына. Простите ; завтра ввечеру увидимся.

Графиня не отвѣчала ни слова ; сердце увѣряло ее въ невинности Августа , но въ ту же минушу представились ей всѣ преж-

нїя безразсудные цосшупки молодого чело-
вѣка, которые дѣлали вѣрояшнымъ его на-
стоящее преступленїе и оправдывали спро-
госшь Короля. Возвращившись домой, нашла
она у себя Альберта, который неперпѣливо
желалъ узнать, по какой причинѣ Ланиц-
кїй взятъ подъ стражу. Онъ изумился,
когда Графиня сказала ему о преступле-
нїи Августа. Не можетъ бышь! восали-
кнулъ онъ швердымъ голосомъ, и не те-
ряя ни минушы, побѣжалъ къ тому чело-
вѣку, которому поручено было уклады-
вать вазу. Разспросивъ его обо всемъ, что
было необходимо знать, отпралялся онъ
на фабрику — словомъ, не забылъ ни одной
подробности, нужной для полнаго свѣ-
денїя объ эпомъ дѣлѣ. На другой день
ввечеру прїѣзжаетъ онъ къ Графинѣ, совер-
шенно увѣренный въ невинности сына ея.

И въ эпощъ вечеръ обыкновенное обще-
ство Графини собралось у нее въ домѣ: всѣ
сидѣли вокругъ печальной матери и разго-
варивали о приключенїи Ланицкаго. Какое
щасшїе, воскликнулъ Англичанинъ, бышь
гражданиномъ шаной земли, въ которой ни-
кто не можетъ бышь лишенъ свободы не уз-
навши прежде своей вины, гдѣ судятъ тебя
въ присушсшвїи всего народа, гдѣ можно са-
мому избирашь своихъ судей, не опасаясь ни
пришѣсененїя, ни пристрастїя! . . . Англи-
чанинъ продолжалъ говорить съ востор-

томъ о законахъ своей опчизны; Фридрихъ былъ уже въ комнашѣ, и никто его не замѣчалъ. . . „Ахъ! воскликнула Графиня, какъ щаспливъ бы былъ мой сынъ, когда бы имѣлъ онъ шѣ выгоды, которыми пользуется невинный, судимый своими ровными!“ — А я былъ бы щаспливѣе, воскликнулъ Альбертъ, когда бы мнѣ позволили бытъ Адвокатомъ Августа! — „Позволяю, сказалъ Король, котораго неожиданное присутствіе всѣхъ привело въ изумленіе; но позволяю съ условіемъ, молодой человѣкъ ты будешь вмѣстѣ съ своимъ другомъ заключенъ на шесть лѣтъ въ Шпандау, естли не найдешь средства доказать мнѣ, что онъ невиненъ. Позволяю Ланицкому самому избрать судей своихъ; и естли число двенадцать почищается золошымъ, священнымъ, божешвеннымъ, то позволяю ему назначить ихъ двенадцать и даже назвать *присяжными*. Я выберу для себя Адвоката; а вы, Альбертъ, будете Адвокатомъ Августа! Принимаете ли вы мои условія? — „Съ истинною благодарностію, Ваше Величешво; но смѣю просить у Васъ позволенія увидѣться съ Ланицкимъ.“ — Эшо новое; но соглашаюсь и на шо. Вы можете провести два часа наединѣ съ Графомъ, и сію же минушу получите отъ меня повелѣніе къ Губернашору крѣпости. Но знайте, что

я не перемѣню своего намѣренія еспѣли, паче чаянїя, переговоривъ съ пресшупникомъ, потеряете охоту бытъ его Адвокатомъ. Альбертъ объявилъ, что онъ согласенъ на все. Графиня Ланицкая и другіе, находившіеся въ комнашѣ, превозносили до небесъ правосудіе Фридриха. Альбертъ, увидѣвшись съ молодымъ Графомъ въ Шпандау, нашелъ его спокойнымъ, и еще болѣе увѣрился въ совершенной невинности своего друга. Но Ланицкій пререпешалъ за Альберта: великодушный другъ! говорилъ онъ, какъ могъ ты согласишься на хиперья условія Короля? Я невиненъ, клянусь Богомъ; но можешь ли доказать мою невинность? Ахъ! тайное предчувствіе увѣряетъ меня, что ты приносишь себя на жершву дружбѣ, что будешь дѣлать со мною несчастную мою участь! — Альбертъ не отвѣчалъ ни слова, пожалъ Ланицкому руку, и полетѣлъ въ Берлинъ.

Въ тотъ день, въ кошорый назначено было судить Ланицкаго, множество людей обоего пола и разнаго званія собрались въ огромной Дворцовой залѣ, очищенной для засѣданія присяжныхъ. Посрединѣ приготовили возвышенное мѣсто для Судьи, по сторонамъ сдѣланы были двѣ загородки: за одною находились присяжные, за другою зрители; адвокаты и свидѣтели сидѣли за двумя столами —

Королевскіе на правой споронѣ, а Ланицкаго на лѣвой.

Вошла Графиня, и заняла послѣднее мѣсто въ концѣ Галлерей: всѣ обратили на нее глаза, всѣ съ почтительнымъ сожалѣніемъ смотрѣли на горестную мать — глубокое безмолвіе царствовало въ собраніи. Вдругъ главная дверь разшворяется съ шумомъ: входитъ Король, окруженный Придворными и Генералами; садится, и Судья громкимъ голосомъ призываетъ обвиненнаго. Ланицкій, сопровождаемый двумя Офицерами гвардіи, безъ шпаги и шляпы, являясь у загородки: на лицѣ его написано спокойствіе; онъ осматривается, видитъ Короля и наклоняетъ передъ нимъ голову съ благородною важностію; видитъ свою мать, и взоры его воспаляются; наконецъ видитъ Альберта своего друга, своего великодушнаго, неустрашимаго защитника, — Альберта, спокойно стоящаго передъ столомъ по лѣвую сторону, и какъ будто заранѣе увѣреннаго въ своемъ успѣхѣ, и слезы благодарности стремятся изъ глазъ его: онъ чувствуешь въ сердцѣ прискорбное, неизвѣстно сладкое восхищеніе! Судья встаетъ; на лицахъ зрителей изображается любопытство; всѣ умолкаютъ и готовятся слушать.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Номерѣ.)

IV.

*Въ портретахъ двухъ братьевъ
Гайю (*).*

Здѣсь братьевъ двухъ Гайю стоятъ из-
ображенья.

Природа, братскій въ нихъ ведя дарамъ раздѣлъ,
Дала имъ сходныя способности въ удѣлъ,
И сходныя нашла въ семъ мѣрѣ назначенья:
Одинъ для зоркихъ глазъ съ предметовъ тускъ
снималъ,
Другой слѣпцамъ глаза въ ихъ персты за-
ключалъ.

— а — а.

(*) Славный Испытатель Напурь, Г. Гайю, живущій въ Парижѣ, издалъ превосходный *Физическій курсъ*. Братъ его, Профессоръ Гайю, находится въ Петербургѣ, при заведенномъ въ пользу слѣпыхъ Институтѣ. Онъ обучаетъ сихъ несчастныхъ не только работамъ, музыкѣ, ариѳметикѣ; но даже читать, писать, и разбирать Географическія карты. *Примѣч. Сочинительницы.*

V.

А н е к д о л т ь.

В одномъ Италіянскомъ монастырѣ умеръ скоропоспѣжно монахъ. Онъ имѣлъ друга, также монаха, который, желая отдать послѣдній долгъ покойнику; изпросилъ позволеніе быть при его тѣлѣ. Прошло три дни: умершаго положили въ гробъ и отнесли въ церковь. Старый монахъ проводилъ останки своего друга во храмъ; откуда, при наступленіи вечера; отнесли ихъ въ пещеру, гдѣ обыкновенно хоронили монастырскую братію. Исполняя погребальную церемонію, старикъ спустился подъ мрачные своды кладбища; придерживаясь за гробъ. — Пещера осталась незаперенною до слѣдующаго утра въ которое, по обыкновенію, надлежало ее запереть и завалить камнями. Между тѣмъ входить позволено было всѣмъ; желавшіе проститься съ покойникомъ приходили и уходили; наконецъ всѣ вышли; кромѣ одного добраго старца, который, казалось, не хотѣлъ расстаться съ своимъ другомъ и послѣ его смерти. Рано по утру сторожъ завалилъ отверстіе пещеры; не зная, что въ ней находился человекъ. Отсутствіе стараго монаха не могло быть скоро замѣчено — всѣмъ было извѣстно, что Настоятель часто позволялъ ему

оплучаться и посѣщать сосѣдей — особенно въ это время оплучка его казалась естественною, пошому, что потеря искренняго друга требовала самаго невиннаго развлеченія. Никому не пришло въ голову спросить объ немъ у настоятеля, который съ нѣкотораго времени былъ боленъ и занятъ только собою. Проходящій три дни — наступаетъ четвертый — отецъ Анастасій не является; — его ищущъ — освѣдомляющся о немъ въ окрестныхъ деревняхъ — осматривающъ монастырь — нѣтъ отца Анастасія! Наконецъ одному монаху вздумалось спросить: „Не оспался ли отецъ Анастасій подъ сводомъ?“ — Всѣ видѣли, что онъ послѣдовалъ за гробомъ, и это въ вопросъ произвелъ ужасное дѣйствіе. — Отворили пещеру — какое зрѣлище представилось взорамъ! Гробъ былъ открытъ и пустъ; несчастный лежалъ на землѣ безъ движенія, крѣпко обнявши своего мертваго друга; — замѣтили, что онъ еще дышалъ, кликнули монастырскаго лѣкаря, и черезъ четверть часа возвратили отцу Анастасію чувство.

„Я молился, сказалъ онъ, передъ гробомъ незабвеннаго моего друга. Не отходя отъ него во все то время, когда онъ былъ боленъ, и нѣсколько ночей сряду не имѣвши покою, я былъ изнуренъ и нечувствительно

заснулъ у гроба. Не знаю, долголи продолжался мой сонъ, помню только то, что я пробужденъ былъ сильнымъ ударомъ; — встаю, желаю узнать, кто меня будитъ, глубокая, непроницаемая тьма окружала меня; — слышу стenanія, проспираю руки, и что же!... мнѣ попадаетъ рука моего друга — чувствую въ ней шеплошу, встаю, оцупываю гробъ, и узнаю, что другъ мой въ немъ сидитъ. Я оцепенѣлъ отъ ужаса — началъ съ нимъ говорить — онъ отвѣчалъ слабымъ, прелещущимъ голосомъ — и я увѣрился, что онъ точно живъ. Собираю остатки силъ, стараюсь выйти изъ пропасти — но всѣ мои усилія безуспѣшны! Я долго бродилъ по темной пещерѣ, въ ужасномъ изступленіи, цѣпляясь за гробы и не находя отверстія. Наконецъ попадаетъ мнѣ лѣсница — изнеможенный, взбираюсь на ступени — о ужасъ! отверстіе пещеры завалено камнемъ! Могу ли описать то чувство, которое произвела во мнѣ мысль, что нѣтъ уже никакого для меня и для друга моего спасенія! Я кричалъ — бился — напрасно! —

„Наконецъ возвращаюсь къ моему другу, который, казалось, для того только ожилъ, чтобы въ другой разъ браться съ мучительною смертію. Я утѣшалъ

его, прижималъ ко груди своей; согрѣвалъ его дыханіемъ — шеръ ему шѣло своимъ плашьемъ — плакалъ — сшеналъ — сражался со всѣми ужасами послѣдней минуты.“

„Я чувствовалъ, что наша смерть, и смерть самая горестная, была неизбежна. Не знаю, сколько времени мы провели въ этомъ мучительномъ состояніи — мой другъ прилегло къ моему сердцу — горькія слезы отчаянія орошали мое лицо — я не могъ говорить, силы мои примѣтно ослабѣвали; — наконецъ другъ мой меня обнялъ, произнесъ страшнымъ голосомъ имя Бога, прижался ко мнѣ такъ крѣпко, что я не имѣлъ силы отъ него опорваться — мы вмѣстѣ упали на землю. Боль и отчаяніе меня изнурили — я не могъ пронуть ни однимъ членомъ — скоро потерялъ чувство, и что происходило со мною до того времени, какъ вы меня возбудили отъ смерти, не помню.“

Отецъ Анастасій хотѣлъ продолжать, но лѣкарь велѣлъ ему успокоиться.

Съ Нѣмецкаго О. Бунаковъ.

ПОЛИТИКА.

VI.

Испанцы.

(Отрывокъ изъ Реналевой Философической Исторіи.)

Открытие Америки произвело великое уменьшение жителей въ Испаніи: прельщаясь Перуанскимъ золотомъ, Испанцы толпами оспаивали свое отечество. Имѣя во власти Америку, Испанія сама отказалась отъ фабрикъ своихъ и земледѣлія; съ изгнаніемъ Мавровъ лишила она себя милліона жителей, самыхъ промышленныхъ и трудолюбивыхъ: многія работы остановились и многія отрасли государственныхъ доходовъ исчезли. Бремя нѣкоторыхъ податей, лежавшее прежде на невѣрныхъ, возложено было на ремесленниковъ и особенно на ткачей: многіе изъ нихъ переселились въ Италію и Фландрію, а многіе, не выѣзжая изъ Испаніи, отказались отъ своихъ промысловъ. Притѣсненіе распространилось на земледѣльцевъ, которые, въ свою очередь, покинули плугъ и перестали удобрять землю; Испанія; плодотворная, не

смотря на частыя и продолжительныя засухи, и прежде питавшая отъ 13 до 14 милліоновъ жителей, покрылась волжцею и шерновникомъ. За утратою жителей, мануфактуръ, земледѣлія и торговли послѣдовали другія, ощупительнѣйшія несчастія: въ то время, какъ Европа озарялась просвѣщеніемъ, и возрастающая промышленность живошворила народы, Испанія мало по малу впадала въ ужасное варварство. Скоро не осталось въ ней ни одной большой дороги; путешественникъ принужденъ былъ останавливаться на берегахъ рѣкъ, или переправляться черезъ нихъ вплавь, потому что ни гдѣ не было ни мостовъ, ни паромовъ. Ни одна рѣка не была судоходна, ни гдѣ не попадалось канала: Варварійцы, безъ всякаго препятствія, выходили на берега и похищали въ неволю жителей, слабыхъ, лишенныхъ защиты. Филиппъ IV, при всѣхъ богатыхъ развалинахъ своей Америки, принужденъ былъ замѣнить золото мѣдью, и мѣдныя деньги сравнивать съ серебряными цѣною.

Испанія, преисполненная суевѣрнаго и безразсуднаго почтенія къ вѣку побѣдъ своихъ, пренебрегала все то, что не было въ употребленіи въ сіе блестящее время ея славы. Сосѣдственные народы образовались, цвѣли, безпрестанно прі-

обрѣтали новыя силы: она отвращала отъ нихъ взоры, почитая унизительнымъ что-либо у нихъ заимствовать. Рѣшительное презрѣніе къ просвѣщенію и нравамъ сосѣдей было опличительною чертою ея характера. Испанецъ, великодушный отъ природы, и наконецъ сдѣлавшійся гордымъ, не уважая обыкновенныхъ занятій жизни, желалъ однихъ достоинствъ, почестей, шишуловъ государственныхъ, и пошъ, копорый не могъ взойти на сіи блестящія степени, величаяся надмѣнною праздностію, старался подражать пону придворныхъ и бытъ столь же важнымъ въ скучномъ своемъ бездѣйствіи, какъ и Министръ въ изправленіи великихъ обязанностей государственныхъ; черный народъ увѣренъ былъ, что работою осквернились бы побѣдоносныя руки его: онъ пользовался трудами иностранцевъ, копорые, обогащаясь его деньгами, дѣлили съ своимъ опечествомъ добычи, получаемыя ими въ Испаніи. Другіе почитая, отъ суетной гордости, общее уваженіе необходимымъ, бросались толпами въ монастыри. Многіе, имѣвшіе порядочное состояніе, отпазывались отъ удовольствій семейственныхъ, единственно для того, чтобы не имѣть обязанности заботиться о благѣ своихъ дѣтей и внуковъ.

Но такая чрезвычайная недѣятельность Испанцевъ не столь естественна

имѣ, какъ многіе утверждаютъ; ихъ праздность частію происходитъ отъ безразудной гордости: бездѣліе кажется имъ весьма благороднымъ именно потому, что благородные люди убѣгають отъ дѣла; народъ не хочетъ лишиться себя такой почтенной привиллегіи — и бѣдный, голодный, полубнаженный Испанецъ, сидя на камнѣ съ кускомъ черстваго хлѣба, смотришь съ надменнымъ сожалѣніемъ на своихъ сосѣдей, здоровыхъ, хорошо одѣтыхъ, не знающихъ голода и достающихъ себѣ пропитаніе работою. Климатъ сдѣлалъ Испанца умѣреннымъ — такое же вліяніе имѣла на него и бѣдность: онъ ничего *не имѣетъ*, и потому весьма ограниченъ въ желаніяхъ; но можетъ бытъ захопѣлъ бы богатства, когда бы не имѣлъ столь сильного отвращенія отъ работы; единственныи остатокъ первобытнаго характера его есть чрезвычайная склонность ко всему великому: мечты великія для него необходимы.

По изчисленіямъ 1768 года, весьма подробнымъ и вѣрнымъ, въ Испаніи заключается не болѣе 9,300,000 жилищей; она не можетъ, безъ страшнаго напряженія, ни бытъ заселена вся, ни заселить порядочно своихъ колоній: для размноженія полезныхъ классовъ народа необходимо нужно уменьшить въ ней число духовныхъ, пожи-

рающихъ и приводящихъ въ совершенное разслабленіе государство. Пускай двѣ преші солдатъ, безполезныхъ, по причинѣ союза ея съ Францією и крайняго безсилія Португалліи, оставяшъ оружіе, и снова будутъ обращены къ промысламъ. Пріятно вообразить, что Мадридскій дворъ, еспьли не самъ, то безъ сомнѣнія подви- гнушый силою великодушнаго побѣдителя, произведетъ необходимыя сіи перемѣны. Хотя Испанія, для ушаенія собственной слабости, упопрѣбила гораздо болѣе искусства, нежели сколь бы нужно было ей для пріобрѣшенія настоящей силы, но всѣмъ извѣстно, что она имѣетъ раны глубокія и закоренѣлыя, для изцѣленія которыхъ потребно пособіе чуждое. Пускай же Испанія не откажется принять его, и новая жизнь разольется по ея областямъ, стараго и новаго свѣта, и въ скоромъ времени разцвѣтутъ въ ней просвѣщеніе, промышленность, благоденствіе.

VII.

Ц е й л а (*).

Революція въ Испаніи есть важный шагъ въ уничтоженію вліянія Англичанъ на

(*) Смѣтри картинку, приложенную къ сему N.

твердую землю. По ту сторону Гибралтарскаго пролива, въ Королевствѣ Фецкомѣ, на берегу Африки, находится крѣпость Цейта. Она принадлежитъ Испаніи. По низверженіи Гибралтара будешь она вратами, черезъ которыя просвѣщеніе и образованность разольются по плодороднымъ и обширнымъ странамъ сѣверной Африки, слишкомъ давно опустошаемой варварами. Когда прекрасныя страны сіи, достойныя лучшихъ обладателей, будутъ обработаны; когда шеперешніе обитатели ихъ, униженные жестокостію деспотизма, избавлены будутъ отъ ига своихъ тиранновъ, тогда и Англія перестанетъ имѣть вліяніе на Европу посредствомъ колоній своихъ въ восточной и западной Индіи; тогда Средиземное море, охраняемое союзомъ народовъ, по берегамъ его обитающихъ, сдѣлается неприступнымъ для гордыхъ ея флотовъ; всѣ произведенія западной Индіи перенесутся въ сосѣдство Европы; ихъ цѣны упадутъ и путь сообщенія съ восточною Индіею сократится посредствомъ Средиземнаго моря. Всѣ сіи выгоды будутъ необходимымъ слѣдствіемъ наспоющихъ потрясеній Европы. Цейта принадлежала прежде Португальцамъ, овладѣвшимъ ею въ 1415 году. Филиппъ II присоединилъ ее, вмѣстѣ съ Португаліею, къ коронѣ Испанской, кошо-

рой принадлежитъ она и понынѣ. Положеніе Цейшы прекрасное; она укрѣплена со всѣхъ сторонъ, но въ гавани одни только малыя корабли могутъ стоять въ безопасности.

VIII.

Выписка изъ Англійскихъ Журналовъ.

(Съ примѣчаніями Монитёра.)

Мы получили извѣстіе изъ Португаліи — такъ пишуть въ одномъ Англійскомъ Журналѣ — 16, 17 и 21 Августа происходили сраженія между нашими и Французскими войсками; съ нашей стороны убито 400 рядовыхъ и въ томъ числѣ нѣсколько Офицеровъ, а ранено около 600. Французы дерушся опчаянно. 17 го Числа главная квартира наша находилась въ Вилла-Вердо; мы опспутили и 21 го выдержали сильное нападеніе со стороны Французовъ при Виміерѣ; 20 й драгунскій полкъ совсѣмъ уничтоженъ; опрядъ, находившійся подъ командою Лека и Тейлора, потерпѣлъ весьма много; и мы въ сожалѣнію лишились сихъ храбрыхъ Офицеровъ. У насъ почти не осталось конницы: непріятель-

ская весьма многочисленна. Въ этомъ сраженіи потеряли мы 400 или 500 человекъ плѣнными.

Послѣ сраженія, происходившаго близъ Виміеры, мы соединили свои войска на берегу моря, неподалеку отъ Моцейры. Французы укрѣпляются въ своихъ положеніяхъ, и съ 21 го происходили между ихъ и нашими войсками одни только неважныя сшибки: замѣшивъ, что Спенсеровъ корпусъ совсѣмъ уничтоженъ и что Герцогъ Абранскій сражался противъ насъ, будучи въ половину слабѣе насъ войсками. Французы имѣютъ многочисленную конницу: ихъ артиллерія простирается до 60 полевыхъ орудій.

Выписка изъ Таймса: 9е. Сеншября.
Мы не имѣемъ никакого извѣстія о нашемъ войскѣ со времени сраженія при Виміерѣ (1). — 10е. Сиръ Давидъ Бердъ получилъ повелѣніе немедленно выйти въ море (2).

Примѣчанія Монипёра

(1) Вамъ извѣстно только то, что главная ваша квартира, находившаяся въ *Вилла-Вердо*, отступила въ *Мацейро*: это не знакъ побѣды.

(2) Англичане, принужденные посылать новое войско въ Португаллію, для подкрѣпле-

Войска должны покинуть багажи на берегу: солдаты, не готовые къ выступленію, будутъ составлять запасный корпусъ въ Фермойѣ. — 13. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, Наполеонъ объявилъ въ своемъ Мониторѣ, что онъ намеренъ прибѣгнуть къ силѣ и что дѣла Испаніи рѣшились. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ Испанцы не могутъ пожаловаться на предательство непріятеля своего (3); не

нія своей арміи, называющъ себя побѣдителями! Но что же иное могли бы сдѣлать побѣжденные? Сіи обстоятельства, естли согласить съ ними возстіе объ опустуленіи главной квартиры, заставляють совсѣмъ иначе думать о слѣдствіяхъ.

(3) Предательство должно быть оружіемъ слабыхъ: имѣетъ ли нужду въ немъ Императоръ Французовъ? И не должны ли мы напрошивъ упрекать Французскія войска въ неосторожности за ту излишнюю довѣренность, которую показали они Испанцамъ? Гарнизоны Барселонскій, Пампелунскій, С. Себастьянскій и Мадридскій были окружены нашими арміями, и естли бы Французы внимали одному гласу недовѣрчивой осторожности, то безъ сомнѣнія обезоружили бы солдатъ Испанскихъ и взяли бы Офицеровъ въ залогъ ихъ вѣрности. Маркизъ Романа обманулъ Принца Понте-Корво; коварныя предложенія Англичанъ

имѣвши успѣха отъ замысловъ коварныхъ, онъ наконецъ снимаетъ съ себя личину и хочетъ прибѣгнуть къ насилію явному. Испанцы должны открыть глаза, и видя опасность своего положенія, уничтожить всякое чувство ревности, могущей быть гибельною для общаго блага. Надѣмся, что они скоро приведены будутъ въ состояніе опразить нападеніе своего непріятеля; честь повелѣваетъ намъ помогать имъ всѣми силами: время изгладить по пяшно, кошорымъ помраченъ характеръ Бришанцевъ, и уничтожить оскорбительное мнѣніе народовъ, утверждающихъ, что Англія всегда приводитъ къ гибели своимъ союзомъ. Силы врага нашего всѣ въ движеніи; 80000 старыхъ его солдатъ готовы перейти за Пиринейскія горы; но Англійскіе воины доказали уже, что имъ не страшны легіоны Французовъ. Судьба сей брани зависитъ теперь отъ дѣятельности и швердоси нашихъ Министровъ (4). — Французскія войска,

---

обольстили сего Испанца, онъ позабылъ о данной имъ клятвѣ; — но сей безчестный поступокъ не служитъ ли доказательствомъ довѣрчивости Французовъ?

(4) Намъ сказано, что Генераль Веллелей, со многочисленною арміею, находится въ Португалліи; — не сомнѣваемся, чіобы Гене-

находившіяся въ Пруссіи , двинулись съ своихъ мѣстъ , конечно спѣшатъ они въ Испанію. Не заспаиваетъ ли это думать, что Бонапарте или совершенно увѣренъ въ миролюбивомъ расположеніи Императора Франца, или совершенно презираетъ и силу его и характеръ? Быть можетъ также , что онъ полагается на пособіе Россіи , кою армія , собранная на границахъ Польши, могутъ быть сильною преградой дѣйствіямъ Австріи (5).

ралъ Жюно, заранѣе узнавъ о его приближеніи, не взялъ потребныхъ предосторожностей, не укрѣпилъ себя какъ должно, не заготовилъ собственныхъ припасовъ, не дѣйствовалъ согласно съ эскадрою Адмирала Синявина. Ничто не можетъ быть пріятнѣе для Французовъ, какъ появленіе Англичанъ на открытомъ полѣ сраженія: пусть выведутъ они 80 или 100,000 на твердую землю, кою всегда служила гробомъ для армій Британскихъ; пускай осмѣлятся отдалиться отъ береговъ и потеряютъ изъ виду флоты свои: тогда и они испытаютъ тѣ бѣдствія войны, въ которыя съ такимъ жестокимъ равнодушіемъ ввергаютъ народы Европы.

(5) Странное разсужденіе! Такъ, вы не ошибаетесь, болѣе 200,000 Французовъ должны перейти за Пиринейскія горы, но это не помѣшаетъ Императору Наполеону имѣть

Судно, пришедшее изъ Мальшы, привезло намъ извѣстіе о блестящей побѣдѣ, одержанной фрегатомъ *Зигорзомъ* передъ Дарданелльскимъ проливомъ, надъ шрема Турецкими фрегатами, изъ копорыхъ одинъ о 50, а другіе два о 44 пушкахъ. Сраженіе продолжалось 3 часа: 50-пушечный корабль взявъ и опведенъ въ Мальшу; одинъ изъ 44 - пушечныхъ пошопленъ, а послѣдній спасся. Турки пошеряли 200 человекъ убитыми, и 300 ранеными. Съ нашей стороны убишо 6 человекъ, а ранено 5 (6).

болѣе 400,000 въ Италіи и Германіи. Россія союзница Французовъ и врагъ Британніи — Англичане это знаютъ, и почитаютъ невѣроятнымъ, чтобъ Русская армія, въ случаѣ нужды, соединилась съ легіонами Франціи. — Напрасно воображаете вы, что Императоръ Австрійскій и народъ его имѣютъ въ васъ нужду: примѣръ Швеціи доказалъ Австрійцамъ, что вы союзники вѣроломные: народы твердой земли, и побѣдители и побѣжденные, не престають питать уваженія другъ къ другу; одни только вы заслужили и ненависть и презрѣніе своихъ непріятелей.

(6) Блестящая, достопамятная побѣда! Но скажите, что сдѣлали вамъ Турки? За что объявили вы ихъ своими врагами? Не въ томъ ли состоитъ все преступленіе ихъ,

IX.

О войнѣ въ Испаніи.

(Выписка изъ Публициста.)

В то время, какъ народы Европы, покорные игу законовъ, просвѣщались и процвѣтали, Испанія, подверженная вредному вліянію монаховъ, погружена была въ глубокую бездну невѣжества — теперь во внутренности ея воспламенилось ужасное возмущеніе. Англичане вступили въ союзъ съ монахами, и Король Георгъ, пришедшій въ Ирландіи Каполикъ, лишенныхъ преимуществъ гражданства, является въ Испаніи приговорнымъ защитникомъ религіи католической. Бунтовщики Испанскіе, съ перваго шагу, достигли до стѣхъ ужасныхъ крайностей, до которыхъ, не менѣе какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, доведены были ослѣпленные революціею Французы. Первые и лучшіе люди Испаніи сдѣлались жертвами изступленной

что они не позволили вамъ обратиться въ пепелъ своей столицы? Оставьте погибельную систему предательства, лицебрія, эгоизма; защищайте своихъ союзниковъ, не словами, но силою и мужествомъ, и смѣло предсказываемъ Европѣ, что гордость ваша падетъ: усмиреніе ваше непосредственно послѣдуетъ за гибелію вашихъ армій.

черни. Благородный Солано заплатилъ
жизнiю за вѣрность свою и мужествен-
ное сопротивленiе коварству Британцевъ,
знаменнѣйшiе чиновники, Французскiе куп-
цы и Художники, издавна поселившiеся
въ Испанiи, люди мирные и промышлен-
ные, умерщвлены тирански и большею
частiю кончили жизнь свою въ пламени.
И такъ война, загорѣвшаяся въ Испа-
нiи, имѣетъ цѣлю сохраненiе чело-
вѣчества, просвѣщенiя, торговли, и всѣхъ
важнѣйшихъ преимуществъ гражданской
жизни: — сiи сокровища надлежитъ спасти
отъ бѣшеннаго изступленiя возмущившейся
черни, составленной по большей части
изъ нищихъ, высокомерныхъ и праздныхъ.
Трудно ли будетъ Французскимъ легiо-
намъ рассыпать безпорядочныя толпы
бродягъ, которыхъ съ оружиемъ въ рукахъ
принуждаютъ своихъ предводителей ими
начальствовать; которыхъ дѣйствуютъ
безъ плана, единодушiя, соображенiя и
цѣли. И Юншы, ими образованныя, и мо-
нашеры начинаютъ уже приходиться въ
несогласiе: одни другимъ противорѣчатъ,
одни другихъ осыпаютъ ругательствами,
въ прокламацiяхъ, писанныхъ грубо, со всею
надушостiю Испанскаго слога. Такъ, на
примѣръ, Аррагонiя дѣлаетъ справедли-
выя упреки Андалузiи. Биская, обману-
тая въ надеждѣ получить помощь, вышла

изъ заблужденія и теперь успокоена; Кастильонія отказывается вступить въ союзъ съ возмущившимися и Наварра готова перейти на сторону Франціи. Между тѣмъ изступленные мятежники огнемъ и мечемъ опустошаютъ поля и деревни, умерщвляютъ беззащитныхъ жителей, но не осмѣливаются приближаться къ берегамъ Эбра, уславленнымъ Французскими полками. Они допускаютъ себя осаждать, но сами не отваживаются предпринимать осады, и большею частію оставляютъ безъ защиты мѣста; угрожаемые нашими войсками и тщетно ожидающія отъ нихъ помощи. Все бѣжитъ на берега: можно подумать, что жопятъ сражаться не за свои земли, но за Англичанъ, которые, сошедъ съ кораблей, не смѣютъ отъ нихъ отдалиться и опасаются вступить во внутренность Испаніи. Но чтобы ни случилось, останетъ ли Англійское войско на твердой землѣ? будетъ ли оно такъ же, какъ и въ Швеціи, искать спасенія на своемъ флотѣ? Предсказываемъ рѣшительно, что въ Январю мѣсяцу 1809 года возмущеніе въ Испаніи утихнетъ: — ни одинъ Французъ, ни одинъ здравомыслящій Испанецъ въ этомъ не сомнѣваются. Такъ, можешь быть, прежде нежели наступитъ Январь 1809 года, оба союзные Императорскіе двора найдутъ дѣйствительное средство заклю-

чить общій миръ, и цѣлому свѣту доставить свободную торговлю на Океанѣ. Пруссія, которая подымала оружіе по наущенію Англіи, испытавъ всѣ бѣдствія войны, имѣетъ нужду въ спокойствіи продолжительномъ. Австрія, которой также необходимо спокойствіе, объявила себя, вмѣстѣ со всеми народами Европы, противницею Британіи. И такъ, если все то, что можетъ случиться, въ самой вещи произведено будетъ въ дѣйствіе къ Январю мѣсяцу наступающаго года: то чемъ оправдаютъ себя Англійскіе Министры передъ народомъ своимъ, обольщеннымъ, обманутымъ и, наконецъ могущимъ потребовать отъ нихъ отчета? Не скажутъ ли они ему: потери въ Европѣ вознаграждаясь съ избыткомъ, пріобрѣтеніями въ Америкѣ? Обманъ! Сѣверная Америка не опуститъ отъ принятой ею системы; и никогда Испанская Америка, которую защищаютъ благоразумные правители и храбрый *Линье*, не будетъ добычею хищниковъ Британскихъ. Сделаемъ наконецъ, что наступило то время, въ которое Англія перестанетъ восклицать: *вѣчная война Французамъ!* Въ началѣ 1809 года — повторяемъ — могутъ быть исполнены всѣ важнѣйшія намѣренія новой, дальновидной и всеобъемлющей политики.

Х.

И з в ѣ с т и я .

Испанскіе мяшежники имѣли нѣкошорый успѣхъ: Генераль Каспаньосъ, съ 25.000 войска, окружилъ Генерала Дюпона, имѣвшаго подѣ командою не болѣе 14,000, и принудилъ его положить оружіе. Но эшотъ успѣхъ едва ли будетъ имѣть благопріятныя для возмущившихся слѣдствія: можно съ нѣкоторою вѣроятностію предсказывать, что побѣда останеться на сторонѣ Французовъ, и что Испанія, въ короткое время будетъ покорна новому своему Правителю. Наполеонъ, котораго характеръ есть дѣятельность неутомимая и швердость, побѣждающая всѣ препятствія, рѣшилъ, съ отборнѣйшими войсками своими, устремиться на Испанію: онъ самъ будетъ управлять дѣйствіями ужасныхъ своихъ легіоновъ, готовыхъ уже переступить за Пиринейскія горы. Испанія не имѣетъ теперь настоящей арміи; нѣсколько многочисленныхъ корпусовъ, составленныхъ изъ регулярнаго войска и милиціи, разсѣяны по разнымъ провинціямъ; они предводимы храбрыми, но мало опышными и несогласными между собою полководцами. Число вооружившихся бунтовщиковъ состоить изъ 50,000 регулярнаго войска, 43 баталіоновъ милиціи, изъ

нѣсколькихъ тысячъ жандармовъ и наконецъ изъ поселянъ, бродягъ, нищихъ, которые опаснѣе для своихъ соотечественниковъ, нежели для непріятели; ибо согласились поднять оружіе только для того, чтобъ грабить, не подвергаясь наказанію: — Англичане съ своей стороны обѣщаютъ великія пособія Испанцамъ. Войска, отправленные и готовыя отправиться изъ Англіи въ Испанію и Португаллію, должны, какъ увѣряютъ, проспираться до 60,000 человекъ. Если бы Англичане рѣшились помогать союзникамъ своимъ не одними словами; если бы сіи 60,000 находились точно въ Испаніи, готовыя сражаться и мужественно защищать своихъ союзниковъ; если бы Испанскіе военачальники были согласны въ своихъ дѣйствіяхъ, а войска Испанскія образованы, вооружены, имѣли провіантъ и одежду; и наконецъ, если бы въ Испаніи прекратилось ужасное безначаліе и существовало вышнее правительствво, которое могло бы заботиться о нуждахъ войска и въ то же время о внутреннемъ Государственномъ устройствѣ: тогда Французы нашли бы въ Испаніи враговъ ужасныхъ; — но теперь что представляется нашимъ глазамъ за Пиринейскими горами? Съ одной стороны народъ, могущественный по своей неуспрашимости, и слабый отъ неуспрой-

ства и раздора, гошовый сражашься и гибнуть, и не имѣющій ни оружія, ни пищи; Генералы Куэста и Палафонсѣ сдѣлались врагами; послѣдній оставилъ сторону Патриотовъ и объявилъ провинцію Аррагонію свободною областію; 16 тысячъ Валенціанцевъ разграбили Мадридъ, сожгли и разхищили лучшія зданія и множество жителей умертвили пиранскимъ образомъ; хотѣли назначить Генералъ - Капитана, главнаго предводителя арміи, и образованъ Генеральную Государственную Юнпу; — сіе предпріятіе не могло быть исполнено по причинѣ раздоровъ и междоусобія; хотѣли вооружить всѣхъ жителей отъ 16 до 45 лѣтъ, но это оказалось невозможнымъ, по причинѣ совершеннаго недостатка въ оружіи, свинцѣ и порохѣ; — съ другой стороны образованное, воспламененное побѣдами своими войско, полководцы опытные, дѣйствующіе по одному благоразумному плану, покорные дѣятельному и чрезвычайно быспрому въ своихъ дѣйствіяхъ военачальнику . . . танъ! прежде, нежели Испанскія войска успѣютъ соединиться и придти въ нѣнопорый порядокъ, Наполеонъ, съ своею арміею, будетъ уже далеко за Пиринеями, и половина Испаніи возвратится въ прежнее состояніе тишины и подданства. Главный корпусъ Французской арміи, кошорымъ предводи-

шельствуеишъ самъ Король Иосифъ, распо-
 ложенъ по обѣимъ берегамъ Эбра и зани-
 маеишъ всѣ проходы Бискайскихъ горъ :
 главная кваршира въ Мирандѣ. Опдѣленіе
 Маршала Безье простирается отъ Панкор-
 бо до Бургоса , который заняишъ легкою
 конницею Генерала Ласала : главная квар-
 шира Маршала Безье находится въ Санша-
 Марія. Въ горахъ открыты новыя , до-
 селѣ неизвѣстныя пуши , черезъ кощорыя
 вспомогательныя войска, идущія изъ Гер-
 маніи, скорѣе могутъ соединиться съ Ис-
 панскими: Французскіе солдаты неперпѣ-
 ливо ожидающъ сраженія съ Англичанами.
 Маршалъ Журданъ прибылъ въ главную
 кварширу, и Маршалъ Ней въ скоромъ вре-
 мѣни за нимъ послѣдуеишъ. 16 го Числа
 Августа городъ Бильбао, послѣ продолжи-
 тельнаго и кровопролитнаго сраженія, сдал-
 ся Французамъ. Монастырь Санъ Фернандо
 зажженъ былъ гранадами , и горѣлъ нѣ-
 сколько дней: бунтовщики потеряли 800
 человекъ, и въ томъ числѣ множество мона-
 ховъ. 2 го Сентября происходило важное
 сраженіе между Французскимъ корпусомъ,
 кощорымъ предводительствовалъ Гене-
 ралъ Дюзамъ и корпусомъ возмущившихся,
 состоявшимъ изъ 12,000 человекъ. Гене-
 ралъ Безье командовалъ правымъ крыломъ
 Французовъ , Генералъ Шварцъ лѣвымъ ,
 Генералъ Миловичъ центромъ; при первомъ

ударѣ Испанцы приведены были въ безпорядокъ, потеряли 1000 убитыми, 600 ранеными, 14 орудій артиллеріи, прогнаны, лишены своихъ магазиновъ, и теперь вся область сія, на нѣскольکو маршей за Барселону, очищена отъ бунтовщиковъ и занята Французами. — Армія, назначенная для усмиренія Испаніи, должна простирашся до 200,000; Французскія войска, находящіяся въ Германіи, двинулись къ Пиринейскимъ горамъ; всѣ дороги, ведущія отъ Майнца во внутренность Франціи, покрыты солдатами. Для избѣжанія затрудненія въ переходѣ, войска раздѣлены на нѣскольکو колоннъ и идутъ разными дорогами. Первая черезъ Триръ и Люксамбургъ, вторая черезъ Кеизерлаутеръ на Мецъ и Вердюнъ, третья черезъ Нейшпатахъ, Гагенау, Люневиль и Нанси, и пр. Всѣ сіи колонны простираются къ Бордо и Байоннѣ; четвертая идетъ черезъ Вормсъ, Спрасбургъ, Кольмаръ, Безансонъ и Ліонъ къ Перпиньяну. Сверхъ того, для замѣны войскъ, отдѣленныхъ отъ главной арміи, находившейся въ Германіи, Французскій Сенатъ опредѣлилъ новую конскрипцію 80,000 человекъ за 1810 годъ и 80,000 за 1806, 1807, 1808 и 1809 годы, что вмѣстѣ составитъ 160,000 новаго войска. Конскрипты должны быть набираемы не прежде, какъ съ 1 го Января 1809 (еслили

до тѣхъ поръ никакое Государство Европы не объявитъ Франціи войны); въ противномъ случаѣ и наборъ и вооруженіе новыхъ воиновъ должны бытъ совершены немедленно. Императора Наполеона ожидаютъ въ Парижѣ къ 25 Октябрю; открывши засѣданія Законодательнаго Корпуса, поѣдетъ онъ прямо въ Байонну, и будетъ самъ распоряжатъ дѣйствіями Французской арміи, находящейся въ Испаніи. И такъ важная сія кампанія откроется въ половинѣ Октябрю: какой бы ни былъ успѣхъ ея, но онъ долженъ имѣть великое вліяніе на политическое положеніе государствъ Европы.

*

Мониторъ и Публицистъ были слишкомъ поспѣшны въ угрозахъ своихъ противъ Англичанъ (смотри Но XX Вѣспн. стр. 301.) — Англичане осмѣлились выступить на берега Португалліи, осмѣлились противиться Французамъ и даже осмѣлились побѣдить ихъ. Послѣ сраженія, производившаго 21 Августа при Виміерѣ, сраженіе, въ которомъ Герцогъ Абраншскій со всею своею арміею дѣйствовалъ противъ Генерала Велеслея, предводителя Англичанъ, заключено было перемиріе. — 22 го Августа Генералъ Дальримплъ принялъ команду надъ Англійскимъ войскомъ,

и Зое перемиріе обращено въ напишуляцію, которой главные пункты слѣдующіе :

I. Всѣ крѣпости Португальскія должны бысть усщуплены Англичанамъ.

II. Французскія войска выдутъ изъ Португалліи объ багажемъ и оружіемъ. Они не должны бысть почищаемы военно-плѣнными, и могутъ, по возвращеніи своемъ во Францію, служить опять.

III. Французскія войска будутъ высажены Англичанами на берегъ между Рошефомъ и Лорьяномъ.

IV — VI. Они имѣютъ право взять съ собою всю свою артиллерію съ бо патронами на каждую пушку, все принадлежащее къ арміи, и 800 лошадей.

VII. Французскія войска раздѣлены будутъ на три дивизіи: первая отправится черезъ 7 дней.

X. Свободное возвращеніе Англинскихъ перевозныхъ судовъ изъ гаваней Французскихъ должно бысть обезпечено; Французская армія соберется вся въ Лиссабонъ и въ окружностяхъ его на двѣ Англійскія мили, а Англійская займетъ свое положеніе разстояніемъ отъ нея въ одной милѣ.

XIII — XV Недоимки всѣхъ конприбуцій должны бытъ уступлены Португальцамъ, и всѣ конфискованныя имѣнія освобождены.

XVI. Испанскимъ солдатамъ, состоящимъ военнопленными въ Лиссабонской гавани, возвращается свобода. Лиссабонъ, 30 го Августа, 1808.

Подписано. *Георгъ Мюррай.*
Келлерманъ.

Мы, Герцогъ Абранскій, Генералъ-Шефъ Французской арміи утвердили сей договоръ въ Лиссабонѣ, 30 го Августа 1808.

Повторяемъ: естли бы согласіе и порядокъ царствовали въ арміяхъ бунтовщиковъ Испанскихъ и естлибъ Англичане, обѣщавъ имъ 60 000 солдатъ, исполнили, къ удивленію всего свѣта, свое обѣщаніе, и рѣшились защищать союзниковъ своихъ не одними великолѣпными увѣреніями, но мечемъ, мужествомъ и жизнію своихъ воиновъ (накъ говоритъ Моншёръ), и естли бы наконецъ сіи союзныя войска имѣли предводителя, дѣятельнаго, опытнаго и полномочнаго — тогда Императору Наполеону едва ли бы возможно было возложить на голову Іосифа корону Испаніи!

но теперь всё преимущества и силы и способств находятъ на сторонѣ Французовъ. — Кто усомнился, чтобъ Геній полководца великаго не превозмогъ усилія храбрыхъ, но раздѣленныхъ, неопытныхъ и несогласныхъ между собою воиновъ?

14 Октября.

НВ. Издашеть благодаритъ почтеннаго сочинителя Басни: *Человѣкъ и хищныя звѣри*, за лестный отзывъ о его Журналѣ; но присланныхъ имъ стиховъ не можетъ помѣстить, единственно потому, что они нѣсколько *длины*; — впрочемъ искренно желаетъ ему успѣховъ въ стихотворствѣ.

КОНЕЦЪ ХІІ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е
С О Р О К Ъ П Е Р В О Й Ч А С Т И .

С Е Н Т Я Б Р Ъ .   Н о 17.

	Стран.
I. Разговоръ между Улиссомъ и Цирцею , на островъ сея богини.	3
II. Выписка изъ жизни Князя Шаховскаго. - - -	11
III. Фридрихъ Гоплибъ Клопштокъ. -	36
IV. Разстройство семейственнаго согласія.	49
V. Быль. - - -	50
VI. Что есть любовь ? - -	51
VII. Эпиграмма. - - -	—
VIII. Мысли и замѣчанія. - -	52
IX. Увѣдомленіе. - - -	54
X. Нѣкоторыя извѣстія о восточной Индіи , о прежнемъ и нынѣшнемъ гражданскомъ порядкѣ въ ней , о нравахъ и обычаяхъ ея жителей. - - -	56
XI. Извѣстія и замѣчанія. - -	72

С Е Н Т Я Б Р Ъ, Но 18.

I.	О предразсудкахъ.	-	-	81
II.	Разговоръ отца съ сыномъ.	-	-	89
III.	Продолженіе выписки изъ жизни Князя Шаховскаго.	-	-	97
IV.	Мысліе безприспастнаго о спосо- бѣ сочинять книги и судить о нихъ.	-	-	115
V.	Осень.	-	-	124
VI.	Смѣсь.	-	-	126
VII.	Нѣкоторыя извѣстія о восточной Индіи, о прежнемъ и нынѣш- немъ гражданскомъ порядкѣ въ ней, о нравахъ и обычаяхъ ея жителей. (Продолженіе.)	-	-	131
VIII.	Возрожденіе Германіи.	-	-	149
IX.	Извѣстія и замѣчанія.	-	-	153

О К Т Я Б Р Ъ, Но 19.

I.	Меланхолія.	-	-	161
II.	Письмо Рускаго путешественника изъ Лаузанны.	-	-	174
III.	Подражаніе Кашулли.	-	-	178
IV.	Посланіе къ . . . въ деревню.	-	-	—
V.	Письмо Франклина къ Господѣмъ Гельвеціи.	-	-	182
VI.	Вольдемаръ.	-	-	185
VII.	Слезы.	-	-	193

	Стран.
VIII. Сократъ о безсмертіи души	196
IX. Озеро	201
X. Нѣкоторыя извѣстія о восточной Индіи ; о прежнемъ и нынѣш- немъ гражданскомъ порядкѣ въ ней ; о нравахъ и обычаяхъ ея жителей. (Окончаніе.)	210
XI. Извѣстія и замѣчанія	227
Прибавленіе	

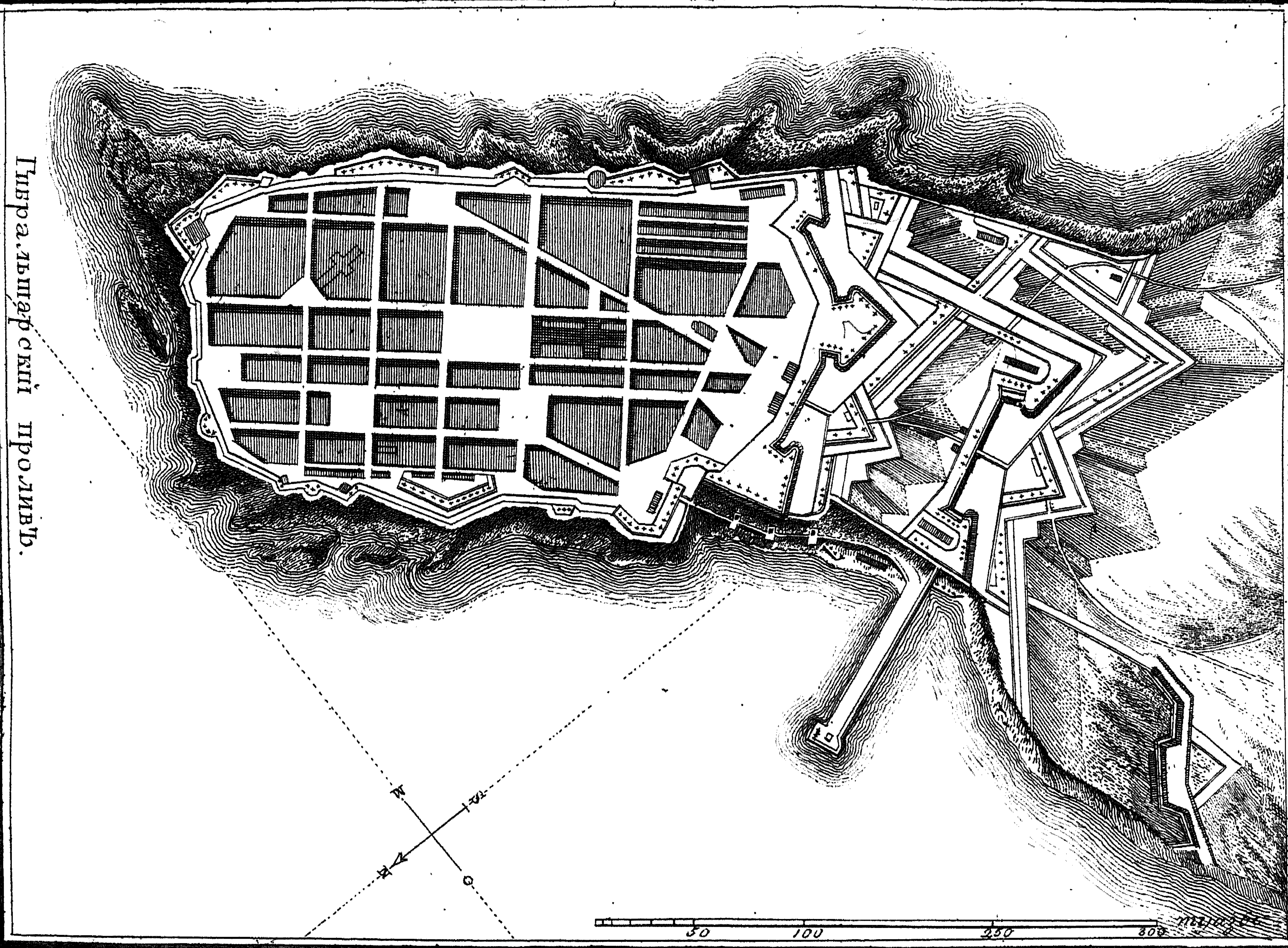
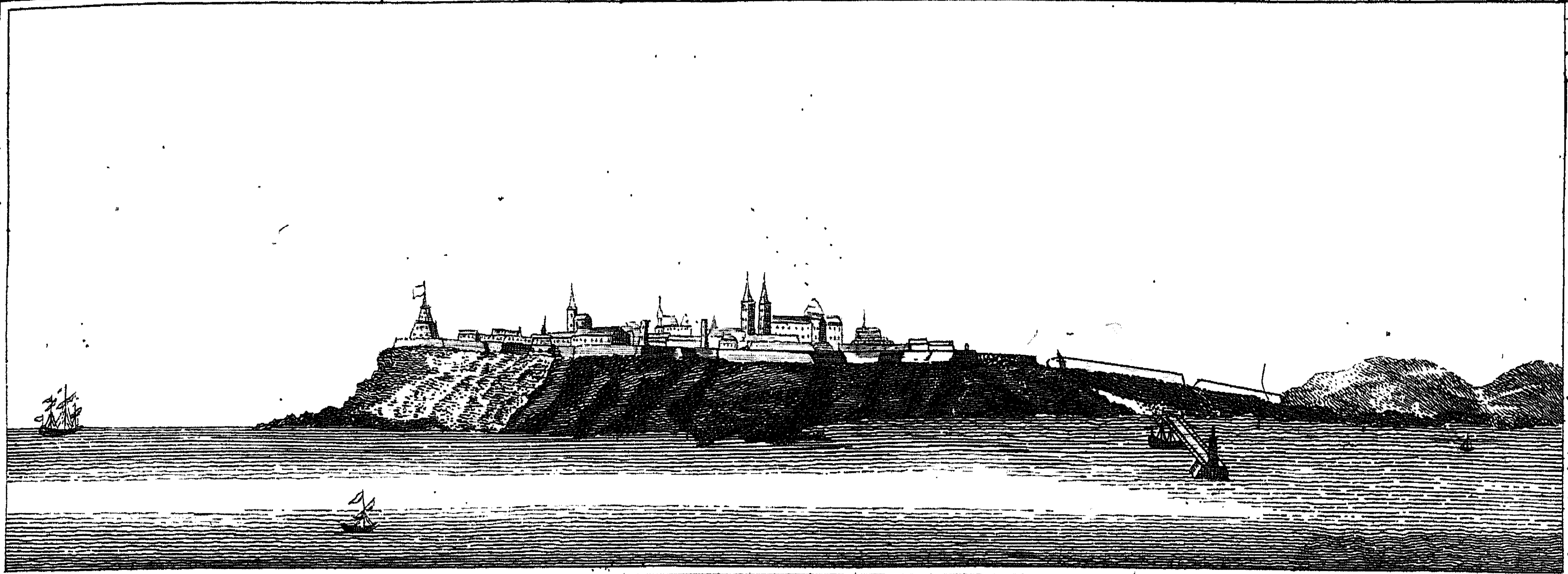

О К Т Я Б Р Ъ ,   № 20.

I. Письмо старой женщины къ моло- дой.	243
II. Низосъ и Эвріаль.	252
III. Прусская ваза.	268
IV. Къ портретамъ двухъ братьевъ Гайю.	289
V. Анекдотъ.	290
VI. Испанцы.	294
VII. Цейта.	298
VIII. Выписка изъ Англійскихъ Журна- ловъ.	300
XI. О войнѣ въ Испаніи.	306
X. Извѣстія.	310

Гирра. льшарскіі проливъ.

Видъ и планъ Неймъ